

ИНСЦЕНИРОВАННЫЙ РАЗРЫВ

ФИЛИП СИГЭЛ

vk.com/loveinbooks

Посвящается матери, отцу и Стеф — моему первому фан-клубу

Предупреждение всем, кто читает эту книгу

«Пары создаются, чтобы разбиваться».

Это то, что сказала моя сестра Диана, когда я только начала свой бизнес, а она знает это как никто другой. Почти год назад, запихивая свое свадебное платье в мусорный бак, она сказала:

— Бекка, не позволяй себя обманывать, как это сделала я!

Ее свадебное платье было похоже на платье Кейт Миддлтон, ну, знаете, кружевные рукава и все такое. Очень обидно. Ведь никто так и не увидел ее в нем.

Нам всем нравится думать о том, что где-то там есть тот единственный, который освободит нас от заточения, наденет на ногу хрустальную туфельку, смахнет со щеки слезу и скажет, что мы всегда будем вместе.

Ну, или что-то в этом роде. Однако в реальности все совсем не так. Просто спросите тех обманщиков, с которыми я вынуждена постоянно иметь дело.

В старые добрые времена люди знали, зачем они делали такой решительный шаг — ради земли, денег или наследников. Брак был просто деловым соглашением. Именно так все и началось. Фермеры заключали союзы для дочерей и сыновей, чтобы удвоить свои земельные наделы. Так называемое первое слияние капиталов. Затем появилось приданое для невесты, но, как всегда, история была переписана. Правду смыло водой и на ее место пришло неопределенное, смутное оправдание браку — *любовь*.

Люди стали использовать это слово для оправдания своих поступков. Им не нужно беспокоиться о том, кого они этим ранят, потому что все это делается во имя любви. У любви нет правил, нет границ. Их больше нет, и это делает ее похожей на тиранию.

Я, может быть, и не ангел, но определенно не плохой человек. Если вам не нравится моя работа, тогда, пожалуйста, идите и почитайте какой-нибудь новый любовный роман. Но просто вспомните: «Сколько жизней было разрушено из-за любви?».

И кто тогда не прав?

1

Калиста МакТирнан отвернулась от экрана. Ее глаза наполнились слезами, которые готовы были вот-вот пролиться. Мне бы хотелось дотянуться через экран монитора и обнять ее. Я слишком часто слышу подобные истории.

— Как только они начали встречаться, Бари превратилась в совершенно другого человека. Любимая группа Дерек У2 волшебным образом стала также и ее любимой группой. Дерек увлекается политикой, и Бари сейчас постоянно смотрит CNN. — Я усмехнулась, поскольку точно так же она вела себя со своим последним парнем. — Но затем... — Калиста встряхнула головой.

— Что затем? — спросила я своим лучшим британским акцентом, смотря прямо в веб-камеру.

— Затем она покрасила свои волосы в каштановый цвет, стала одеваться, как манекен из Джей Крю, а на этой неделе она ушла из команды чирлидеров. — Ее светлые локоны

растрепались на маленькой головке. Они такого же оттенка, как и мои, только натуральные.

— Люди меняются. Такое иногда случается.

— Да, но это не то же самое. Дерек заставляет ее это делать. Он сказал ей, что думает, блондинки выглядят отстойно, и он не хочет, чтобы какая-то подружка-чирлидерша, которая выглядит доступно, навещала его в Принстоне в следующем году. Он сказал это прямо ей в лицо!

— Правда?

Дерек Келли был президентом студенческого совета три года и вот, что сделали с его головой немного власти в Правительственной Студенческой Ассоциации (ПСА). Он кажется дружелюбным, когда мы встречаемся в коридорах. Хотя, парни часто лишь притворяются дружелюбными, пф, прям как девчонки.

— Бари говорит, что он пошутил. Но мне не смешно!

— Ты пыталась поговорить об этом с ней? — я уже могла предположить, что она ответит.

— Она говорит, что ей больше не интересно быть чирлидером и никогда не нравилось быть блондинкой.

Калиста потеряла свой лоб. Я чувствую ее озабоченность даже через экран. Все, что делает ее Бари — исчезает.

Я наклоняюсь ближе, вся во внимании:

— То есть ты хочешь, чтобы я это сделала?

Калиста проливает свежую порцию слез, и я инстинктивно тянусь за коробкой с салфетками на моем столе, совсем забыв, что мы разговариваем по Скайпу.

— Моя лучшая подруга отталкивает меня. Ты не знаешь, что это такое.

Но я знаю. Я хочу рассказать ей. Мой взгляд опускается на пол, где напротив моего стола лежит пара золотистых балеток. Это как дыра в сердце, которую ничем невозможно заполнить. Часть тебя, утерянная навсегда. Мне следовало бы выбросить эти балетки, так же как я поступила с остальными памятными вещами, но я не стану этого делать. Никогда. Я храню их здесь, в поле своего зрения, как постоянное напоминание о том, почему я этим занимаюсь.

Я заставляю себя сосредоточить все свое внимание на экране. Ничего личного. Одно лишнее слово, одна случайная правда, и я не смогу сдержать эмоций.

— Я сказала ей, что считаю, будто Дерек плохо к ней относится, — произносит Калиста.

— И что она ответила?

Калиста смотрит на экран, ее нижняя губа подрагивает. Из моих колонок доносится только шипение радиатора.

— Она сказала, что я не понимаю, поскольку у меня нет парня, — и слезы ручьем полились по щекам Калисты. Она прячет лицо в коленях, пытаюсь успокоиться.

Я сжимаю губы. Мне приходится напоминать себе оставаться сильной для клиентов. Она может расклеиться, но я обязана вести себя профессионально. От расстройства кровь приливает к моим щекам, окрашивая их в тот же оттенок, что и мантия выпускника, которую я ношу.

Калиста продолжает:

— Я думаю, если Дерек продолжит вести себя подобным образом, то она перестанет общаться со своими друзьями, но самое главное она перестанет общаться со мной.

Моя маска енота скрывает приподнятые брови. Бари и Калиста были очень близки с начальной школы. Однажды девочки пытались убедить своих одноклассников, что они кузины (и я поверила). Мне казалось, что у них одна из тех сверхпрочных дружеских уз, которые смогут пережить даже водоворот любовных отношений. Но сейчас я знаю, что как только люди связывают себя отношениями, то друзья и любые разумные мысли куда-то испаряются.

— Хорошо, что ты обратилась ко мне, — говорю я.

— Ты серьезно сможешь разрушить их отношения?

— У меня отличный послужной список.

— Но как?

— Мои методы запатентованы и секретны.

— Что это значит?

— Это значит, что я действительно очень хороша в этом, и тебе просто нужно мне доверять.

Я ловлю свое отражение на экране. М-да, странно, что меня вообще кто-то воспринимает серьезно в этом маскировочном наряде. В нем я выгляжу, как сбежавший псих, но это куда лучше, чем предстать собой. Хорошо, что моя работа все говорит за себя.

— Это будет нелегко. Думаю, они уже признались друг другу в любви.

— Я попробую, — говорю я.

И почему мои одноклассники думают, что эти три слова автоматически защищают пару? Они не страховка для отношений. Это просто слова, и если бы люди действительно имели их в виду, то у меня просто не было бы работы. Бари и Дерек — это пара, просто предназначена для того, чтобы пламя их отношений погасло. А я лишь ускорю неизбежное. И если я смогу остановить Бари, пока она совсем не попала под влияние Дерека, тем лучше.

— Прежде чем мы продолжим, я хочу, чтобы ты была уверена в том, что действительно этого хочешь.

Она затихла.

— Я-я не знаю.

— Минуту назад ты этого очень хотела.

— Я знаю. Но... — Калиста поджимает свои худые ноги к груди. Интересно, она из тех девушек, которые остаются худыми, не смотря на то, сколько они едят? — Это кажется немного жестоким и, я не знаю, немного мелочным, да?

Я сжимаю зубы.

— Когда она в последний раз звонила тебе или присылала смс просто для того, чтобы сказать привет?

Калиста несколько секунд обдумывает это, а потом пожимает плечами.

— То есть ты думаешь, что это справедливо, если она отрезает тебя от своей жизни просто потому, что у нее есть парень? — спокойно спрашиваю я.

— Нет, но Дерек...

— Дерек не специалист в промывании мозгов. Это исключительно ее выбор — исчезнуть, измениться, прекратить с тобой дружбу. Было бы прекрасно, если бы Бари просто пришла в себя, но этого не произойдет, и ты это знаешь, — произношу я. Грубо, но верно. — Сейчас тебе надо выбрать: собираешься ли ты это прекратить или оставить все как есть?

— Ты действительно разрушишь их отношения? — спрашивает она между всхлипами.

— Сто долларов на мой счет на пейпел¹, и я это сделаю.

В моей голове начинают крутиться колесики. Я тепло улыбаюсь Калисте, говоря это. Может, я смогу спасти их дружбу. Ни одна девушка не должна проходить через разрыв отношений со своей лучшей подругой.

Ее лицо светлеет и, впервые за сегодняшнюю ночь, она улыбается.

— Давай сделаем это!

2

Моя мама до сих пор готовит мне бутерброды с арахисовым маслом и мармеладом по утрам — это единственное, что я ела на завтрак в начальной школе. И она к этому привыкла. Хотя теперь, став старше, я считаю, что большая чашка черного кофе без сахара — идеальный завтрак.

Яркие лучи утреннего солнца проникают сквозь кухонные окна. Мой отец сидит за столом со своим кофе и овсянкой. Он смотрит очередную передачу с разборками и склоками по телевизору. Очевидно, колебание китайской валюты может чрезвычайно возбуждать некоторых людей. Мама вручает мне чашку кофе, и я отодвигаю в сторону свой бутерброд. Она же берет его и кусает. Такова наша утренняя рутина.

— У тебя сегодня много дел? — спрашивает мама.

— Типа того, — мне надо разбить новую пару. Ах да, у меня же еще и тест по математике. — Где Диана?

Мама, вздыхает и смотрит на меня, как бы говоря, что я и сама должна это знать.

— Все еще спит.

Вообще-то я это и так знаю, но все еще надеюсь, что однажды ответ изменится. Папа встряхивает плечами и что-то бурчит про себя.

— Эй, — говорит мама отцу после того, как откусывает еще кусок от моего бывшего завтрака. — Почему ты вчера купил однослойную туалетную бумагу?

— Она была со скидкой, — отвечает он. Его внимание возвращается к китайской валюте.

— Ты не мог взять двухслойную?

— Нет, она была без скидки.

— Но мы живем не в общежитии.

— Это больше похоже на турецкую тюрьму, — произносит отец с полуулыбкой.

Она закатывает глаза и еще раз кусает бутерброд. Папа съедает еще несколько ложек овсянки и встает. Он надевает свой пиджак, затем зимнее пальто, целует меня на прощание и гладит маму по плечу, пока она вытирает столешницу. И так каждый день, каждый год — одни и те же движения. Это верный способ сохранить романтические отношения, друзья. Если они вообще когда-нибудь были между ними.

Отец приостанавливается у двери, и на секунду мне кажется, что он подойдет, крепко обнимет и поцелует маму. Ну, знаете, как в этих слащавых ситкомах.

— Я приеду на поезде, который отходит в пять пятьдесят семь и только забегу забрать свой ужин — бутерброд с говядиной — на станции, — говорит он.

— Хорошо, — проговаривает мама, моя в раковине тарелку из-под овсянки.

Да. В этом определенно столько любви.

До начала самого процесса разбивания пары, необходимо провести исследование и изучить истории их отношений. Мне необходимо знать их прошлое для того, чтобы понять настоящее.

Наличие второй половинки всегда обращает на себя внимание студентов Ашлэнда, ведь если ты находишься в отношениях, кто-то это всегда обсуждает.

На истории я раскрываю тетрадь посередине и начинаю составлять досье на Бари и Дерек, впихнув его между лекциями по истории США и тригонометрии. Мне не нравится этим заниматься, когда одна из моих «жертв» сидит на два ряда выше меня, но она так увлечена перепиской с кем-то (будем честными, с Дерексом), что даже не заметит. Абсолютно ничего из того, что говорит наш учитель мистер Харрисон, не вызывает у нее никакой реакции. Бари так прижимает свой телефон к животу, как будто ожидает, что следующее сообщение вдохнет в нее еще немного жизненных сил.

Обычно я могу составить список прошлых любовных отношений человека по памяти.

Бари Мэндел.

История отношений.

Джоуи Полларо: осень-весна, первокурсник (моя оценка студентов старшей школы)

Джоуи — юниорская институтская баскетбольная команда. Бари — первокурсница — чирлидерша. Одинаковое социальное положение. Предположительно встретились на игре или вечеринке.

УПЧВОМ² = Высокий

— В коридорах постоянно держались за руки.

— Много целовались и обнимались прилюдно.

— По слухам занимались сексом в ванной комнате Мэтта Вочтела на вечеринке.

Отношения прекратил Джоуи

— Расстались на весенних каникулах. Он «просто больше ничего не чувствовал» по словам Неки Джеффрис.

— Он начал встречаться с Кортни Лью летом.

Дерек Келли.

История отношений.

Тесса Колетти: лето-осень, старшекурсница

Тесса — играет в волейбол, учится не очень хорошо. Дерек — посещает все классы по углубленному изучению. Начали встречаться во время работы спасателями на озере Манси.

УПЧВОМ = Повышенный.

— Не особо проявляли чувства в школе, но не отходили друг от друга на играх, вечеринках и озере.

Отношения прекратил Дерек.

— По словам Брин Левин, Дерек захотел уделять больше внимания поступлению в институт.

Бетани Манкузо: зима-весна, второкурсница

Также посещает все углубленные предметы. Соревновались друг с другом за место президента в студенческом совете

УПЧВОМ = Сдержанный

— Быстрые поцелуи до/после занятий.

— Всегда ел свой ланч, обняв ее.

Отношения прекратил Дерек.

— Разошлись, потому что отношения исчерпали себя?

История отношений Бари проста. Когда парень из баскетбольной команды интересуется первокурсницей, трудно ему отказать. Хотя, это было два года назад. Удивительно, что Бари так долго ни с кем не встречалась. В ней есть все, что нравится парням: она маленькая и худенькая, но фигуристая. Видимо, в условиях жесткой конкуренции за построение отношений это далеко не всегда играет главную роль.

В старшей школе Ашлэнд огромное количество девушек. Примерно шестьдесят пять процентов девушек и тридцать пять процентов парней. Самый большой разрыв из всех учебных заведений Нью-Джерси. Это дает парням огромное преимущество. Они могут быть жирными, ленивыми и прыщавым. И, все таки, разборчивыми. А выбор уменьшается с каждым годом. Выпускницы по негласному, устаревшему и дискриминационному соглашению не встречаются с парнями-первокурсниками. В прошлом году Лелайна Райдер встречалась с Троем Хоуке два месяца, а потом над ней издевались и шутили до самого выпуска. Не удивительно, что Бари ухватила за шанс встречаться с Дерекком. Он — хороший улов; один из самых остроумных и очаровательных парней Ашлэнда, а также имеет хорошие отношения с большинством учащихся. Во время студенческих собраний половина аудитории замирает от вида его голливудской улыбки и вьющихся волос.

Но попробуйте поговорить с ним всего пять минут, и вы обратите внимание на то, сколько раз он употребит в разговоре слово «Принстон» и как тяжело он работал над тем, чтобы избавиться от нью-джерского акцента и выработать псевдо-аристократические интонации.

Когда Дерек и Бетани расстались, то они сказали, что их отношения просто изжили себя, но я никогда не забуду разговора подслушанного между ней и ее подругами за несколько недель до разрыва. Она тогда написала SAT лучше, чем надеялась, и решила подать документы в Принстон. Все сразу замерли от предвкушения поступления Дерекка и Бетани в один и тот же университет Лиги Плюща, женитьбы, а потом и воспитания умненьких деток через несколько лет. Я тогда посмотрела на Дерекка, который улыбался, как и все. Но в глазах у него было подавленное выражение, практически страх. Думаю, Дерек не смог вынести того, что Бетани такая же умная, как и он. Тесса в этом отношении, конечно, сильно отставала, но, по крайней мере, она осенью собиралась в Калифорнийский Университет Сан-Диего.

Интересно, ему нравится Бари, поскольку он знает, что она не такая умная, как он? И имеет ли она что-нибудь против этого?

Я посмотрела на свою цель, которая наконец-то отложила телефон. Она соединила два

круглых пластиковых держателя для бумаг и надела получившееся подобие кольца на безымянный палец левой руки. Ее глаза засверкали, и, несомненно, на какой-то момент она забыла, что это всего лишь кусок пластика ценой в три цента. Думаю, никогда не бывает рано начать планировать свою свадьбу. Надеюсь, она еще не заказала группу для разогрева гостей.

Мистер Харрисон заканчивает лекцию на несколько минут раньше. И я начинаю запихивать свою тетрадь в сумку, но неожиданно из отдела тригонометрии выпадает кусок бумаги, скатанный в шарик. Я разворачиваю его и инстинктивно закатываю глаза, когда вижу что написано на бумаге: *«Мне нужен парень!!!»*.

3

Я жду автора записки возле ее шкафчика. Слышу ее веселый голос, раздающийся с конца коридора. Вал (никогда Валери) разговаривает со своим одноклассником, ее зеленые глаза загораются, когда она видит меня. Она — блондинка, которая всегда улыбается, даже когда расстроена, что довольно-таки редкое явление. Ее детская пухлость потихоньку трансформируется в зрелую фигуру, но она одевается так, чтобы скрыть свои формы. Сейчас, например, она постоянно носит спортивные куртки.

Я показываю записку и поднимаю брови, Вал наклоняет голову. Затем мы обе начинаем смеяться. Это еще одно доказательство того, что у меня действительно странная лучшая подруга. Я сминаю записку и бросаю ее в мусорную корзину.

— Тебе нравится сразу переходить к самому главному, да?

— Если я не могу сказать этого тебе, то тогда кому? — отвечает она.

— Надеюсь, больше никому. — Коридор заполняется одноклассниками, теснящими нас. — Готова к ланчу?

Вал меняет свои учебники в шкафчике. Она носит только две книги и тетрадь за раз. Согласно ее неофициальному исследованию, это позволяет ей выглядеть занятой учебой, но, в то же время, желающей развлекаться. Носить три учебника — занудно. Их трудно удержать в одной руке, и она бы сгорела от стыда, если бы уронила их в коридоре. Вал отказывается носить рюкзак, аргументируя это тем, что они ей не идут.

Мы прорываемся через ряды студентов по направлению к кафетерии.

— Я надеюсь, что в действительности ты вовсе не имела это в виду, — говорю я.

— Что «это»?

— Того, что тебе *нужен* парень. Тебе не нужен парень. Единственное, что тебе нужно — это кислород, еда, вода и пара дюжин туфель.

— Знаю-знаю, — она машет рукой, обрывая меня на полуслове. Ей не нравится слушать мою истину, но она и не станет ничего опровергать. — Поэтому план в отношении Патрика Барроус Младшего полностью провалился. Ни один из моих пунктов не сработал.

— Даже пункт номер три?

— Именно. Когда я приглашала его делать домашнюю работу, то не ожидала, что мы действительно будем ей заниматься.

У Вал был трехпунктный план как заставить Патрика Барроус Младшего, или ПБмл влюбиться в нее. Пункт номер один: сменить напарника по лабораторным так, чтобы они вместе над ними работали. Пункт второй: загрузить на телефон его любимую музыку и периодически слушать ее во время лабораторных, чтобы привлечь его внимание. Пункт

номер три: пригласить его работать над отчетами вместе и поставить музыку для создания соответствующей атмосферы. Я пыталась убедить ее в том, что они были слишком разные. Он — очень серьезный парень с короткой стрижкой, стального цвета глазами, немногословный, и она — веселая болтушка. Что ж, ее теория о том, что противоположности притягиваются, провалилась. Но Вал была очень серьезно настроена, даже составляла графики.

— Он так хорошо пах, — говорит она со вздохом, затем проверяет время на телефоне. — Из-за Мичигана или Эвана Лансинга, мне еще надо написать к пятнице около ста надписей для тупого ежегодника. Запомни: никогда не вступай ни в какой клуб, чтобы увидеться с парнем еще раз.

Я слегка толкаю ее.

— Эй, он не знает, что потерял.

— А приобрел-то ежегодник.

— Через десять лет все, что у него будет — только этот фотоальбом, и он будет цепляться за него и шептать твое имя.

Вал странно смотрит на меня.

— Это было слишком слащаво, да? — Некоторые девушки очень искусны в ободрении. Даже если они знают, что говорят общеизвестные истины, это все равно улучшает настроение их друзей. Я не одарена этим талантом. Но, может быть, если бы Вал сменила свою главную жизненную цель — поиск «Настоящей Любви», она была бы гораздо удачливее.

Какофония разговоров моментально оглушает нас в кафетерии — рассаднике сплетен. Здесь подтверждаются, опровергаются и разносятся все истории, а атмосфера, как в час пик на Нью-Йоркской Фондовой Бирже.

Мы с Вал кидаем свои вещи на стол и становимся в очередь за едой. Громкий, веселый визг раздается у входа, и мы оборачиваемся, чтобы понаблюдать за ежедневным событием: Стив Оверлэнд вносит на руках Хаксли Мапозер через двойные двери в окружении своих раболепных спутников мимо восхищенной толпы. Прошло уже четыре года, и я вполне хорошо научилась игнорировать их, заставляя себя забыть о том, что когда-то дружила с Хаксли. Но воспоминание о залитом слезами лице Калисты вспыхивает в голове, и неожиданно моя память возвращается в среднюю школу, в кафетерий, в тот момент, когда Хаксли проигнорировала меня, чтобы сидеть со Стивом. Ничто не является более определяющим отношения, чем тот, с кем ты сидишь за ланчем.

— Простите нас, — Эддисон — адъютант и подруга Хаксли, пихает меня в сторону, чтобы расчистить дорогу парочке. Я потираю плечо. То, что она вежливо попросила, вовсе не означает, что она также вежливо меня пихнула.

Стив опускает Хаксли на пол возле их углового столика, залитого солнечным светом. Все студенты вытягивают шеи, чтобы посмотреть. Они выглядят впечатляюще. Как ожившая фотография их журнала «Сэвэнтин». Хаксли в смущении прячет лицо и легонько хлопает Стива по широкому плечу. Но я замечаю чистое наслаждение, излучаемое ее оливковой кожей, которая так и впитывает взгляды подданных ее королевства.

— Мимими. Они такие лапочки, — говорит Вал.

— Вероятно, они репетировали эту сцену все выходные. И почему он носит свой футбольный свитер в марте?

Вал опирается на стену и задерживает дыхание. Она устала, но не от нашей прогулки.

— Мне нужен парень.

— Ты хочешь парня. Но он тебе не нужен.

— Хочешь, нужен. Ты говоришь помидор, я говорю кетчуп. — Мы обе ставим себе на поднос куриный салат. Вал берет две диетические колы из холодильника. — Я хочу все эти романтические моменты, которые бывают у парочек. Я хочу, чтобы кто-нибудь провожал меня на занятия, ждал возле моего шкафчика и слал мне смски по утрам, чтобы сообщить о том, что я ему приснилась. И мне все равно как это звучит. Ты моя подруга, и неважно, что я говорю, ты обязана меня поддерживать.

— То есть тебе нужен парень, чтобы показывать его всем в школе? Выставлять напоказ как новую сумку от Синтии Свон?

Меня не особо беспокоит довольно частые жалобы Вал на то, что ей нужен парень. Моя задача как лучшей подруги, выслушивать ее и вовремя прикусывать свой язык. Я хочу, чтобы она была счастлива и знаю, что она не оставит меня как Бари Калисту. Она настоящая подруга.

— Но *это* очень красивая сумка, — говорит она.

— В офисе моего отца продают очень хорошие подделки. Я не вижу никакой разницы.

— Бекка Вильямсон, не смей так говорить! Ты действительно предпочтешь подделку оригиналу? Не заставляй меня полоскать твой рот мылом.

— Хорошо. Ты права. Никаких подделок.

Мы смеемся и начинаем фантазировать о сумке от Синтии Свон. После того, как я разобью пару Бари и Дерека, то смогу ее купить. Просто скажу Вал, что я собрала все свои деньги с дней рождений и рождественские чеки от бабушек и дедушек.

— Пять долларов, десять центов, — говорит кассир Вал.

Вал вручает ей пять долларов и начинает шарить в сумке в поисках мелочи. Ее лицо багровеет. В кафетерии просто необходимо избегать любого вида унижения.

— У тебя есть десять центов? — спрашивает она, но я уже проверяю карманы, и они пусты.

Кассир смотрит на меня, пока Вал продолжает свои неистовые поиски.

— Так у вас есть деньги или нет? — такое ощущение, что кассирами работают люди с исключительно громким голосом.

— У меня есть, — произносит парень позади меня голосом радио диджея. Эзра Драммонд подходит к кассе с двумя пятицентовыми монетками.

— Огромное спасибо, — говорит Вал.

— Не за что. Я не могу позволить такому же ученику, как и я, умереть с голода... или от недостатка кофеина.

— А еще говорят, что рыцари вымерли.

— Не думаю, что услуга в пределах двадцати пяти центов может расцениваться как рыцарство.

— Угу. — Дар красноречия моей подруги остается незамеченным.

Я оплачиваю свою еду и присоединяюсь к ждущей меня Вал.

— Еще раз спасибо. — Вал быстро направляется к нашему столику. Я пытаюсь поспеть за ней при этом ничего не разлив или разбив.

— Я полностью нахожусь под впечатлением от Эзра, — говорит она. Вал заинтересованно смотрит на него, пока он прокладывает себе дорогу к друзьям.

— Это было так мило с его стороны.

— Это больше чем просто мило. Ты должна признать, что это определенно впечатляюще.

Вообще, Эзра дружелюбный парень. Иногда у нас были совместные факультативы на втором курсе, и он до сих пор кивает мне, когда мы встречаемся в пустых коридорах. Я пожимаю плечами.

— Ну не знаю, — у меня нет желания развивать эту тему. Я голодна.

Но мы не можем поесть, потому что как только мы подходим к своему столику, то обнаруживаем его заваленным комиксами и соком, а за столом сидят три тощих парня.

— Привет, — это первые слова, которые я сказала Фреду Теплецки и его прыщам за последние шесть лет. — Вообще-то мы здесь сидим.

— Мы оставили вам места. — Два других парня: Квентин Яо и Говард Лэнгман показывают на места рядом с ними. Это просто засада.

— Вы не могли бы подвинуть свои журналы? — спрашивает Вал. Они отодвигают свои комиксы подальше от подноса Вал.

Фред вскакивает со своего стула и становится лицом к лицу со мной. У него лучезарная улыбка и на удивление ровные зубы. Пять баллов его ортодонту.

— Послушай, за нашим столом проходят кулачные бои. Мы могли бы потесниться и устроиться все здесь.

— *Кулачные бои?* — спрашиваю я. Интересно, когда кто-нибудь в последний раз использовал именно *это* выражение?

— Мы хотели поесть за своим столом, но его заняли близнецы Д'Агостино со своими подружками, — говорит Фред, кивая головой в направлении своего столика. Люси Дорсетт и Джига Жанетти уютно устроились в объятиях одинаково мускулистых Джона и Джека. — Мы пытались сказать им, что это наше место с сентября, но они не тот тип парней, которые будут тебя слушать. У них татуировки на руках и все такое.

— А разве они обычно не курят в это время на парковке? — Мне довелось сидеть с Люси, и я чуть не умерла от исходящего от нее запаха сигарет.

— Думаю, они захотели добавить клетчатки к своей диете, — отвечает Фред.

— Возле кухни есть стол, — говорит Вал. Она твердо убеждена, что ты — тот, с кем сидишь, а делить стол с этими парнями, даже не смотря на то, что они приятные, ну ни как не повысит ее общественный статус.

— Там пахнет жиром, — говорит Квентин.

— Купите ароматическую смесь.

Вал поворачивается ко мне за поддержкой. Я не различаю Д'Агостинов, но рука каждого из них обвивает подруг. Никогда не замечала сколько парочек в кафетерии. Почему это они диктуют, кто и где сидит? Вы никогда не услышите, чтобы стайка девчонок или группа парней выселяла парочки с их столиков.

— Хорошо, — говорю я. — Присоединяйтесь к нам.

Вал угрожающе смотрит на меня, но пока она ничего не сказала, я шепчу ей на ухо:

— Я думаю, что Эзра и Фред друзья или, по крайней мере, приятели.

Лицо Вал озаряется, и она оборачивается.

— Правда? У нас были совместные лекции по ораторскому искусству на первом курсе, и он был очень приятным парнем. Мммм... Эзра Драммонд, — Вал улыбается про себя. Она близка к тому, чтобы свернуть шею. — Кулон с коноплей так идет его ореховым глазам...

Если мне придется провести ланч, слушая людей, говорящих о любви и комиксах, моя

голова просто взорвется.

— Вау, они так могут и съесть друг друга! — Квентин показывает на Дерека и Бари. Его рот полностью проглотил ее язык, а руки на бедрах.

УПЧНП = ВЫСОКИЙ.

Они встают и направляются к мусорной корзине, держась за руки и не отрывая глаз друг от друга. Калиста ест за столом с другими чирлидершами, но абсолютно не поддерживает разговор. Сладкая парочка проходит мимо столика Калисты, откровенно безразличная к выражению одиночества в ее глазах. Скорее всего, Бари могла бы изменить настроение Калисты одним лишь взглядом, если бы только она уделила ей хоть чуточку своего внимания.

Мой взгляд устремляется к моей бывшей лучшей подруге и лучшему ланчу в ее жизни. Хаксли удобно устроила свою голову на плече Стива. Она даже не замечает, что я на нее пялюсь.

4

Моя учительница по английскому, мисс Хардвик, одна из самых молодых преподавательниц в Ашлэнде, и поскольку она тренирует команду чирлидерш, то ей нравится думать, что она одна из учениц. Когда мои родители впервые увидели мисс Хардвик, то приняли ее за студентку. Они не могли поверить, что она — преподаватель углубленного английского языка. Поэтому, когда мисс Хардвик рассуждает о Шекспире, ее довольно-таки трудно воспринимать всерьез.

— Хорошо, ребята, — говорит она, занимая свое место за столом. — Вы все должны были закончить читать «Ромео и Джульетта» за выходные, поэтому давайте обсудим повесть. Что вы думаете? Не правда ли книга заканчивается невероятно трагично?

Шана Виганд поднимает руку:

— Для меня тема силы любви и неизбежности судьбы оказалось наиболее захватывающей.

— Шана, я попросила всех прочитать «Р и Д», а не Википедию. Ну, давайте же, ребята. Дайте мне честный отзыв. Мы все знакомы с этой историей в той или иной форме.

Молчание.

Мисс Хардвик сжимает губы, накрашенные красной помадой:

— Ну же, кто-нибудь? Не стесняйтесь.

— Я думаю, что все это невероятно романтично, — говорит другая одноклассница.

Я узнаю этот спокойный, холодный и самоуверенный голос, раздающийся из середины класса.

— Хаксли, объясни? — просит мисс Хардвик.

Хаксли выпрямляется, конечно, не пристало ей сутулиться, как мы, простые люди. Ее оливковая кожа всегда кажется светящейся, а водопад волос, словно из рекламы шампуня. Однажды она станет идеальной женой для сенатора, и Хаксли знает об этом.

— Их любовь была такой пылкой и сильной, но в то же время спокойной и нежной... Она была... прекрасной. — Хаксли произносит слова медленно, так как никто не осмелится ее перебить.

— Хороший ответ, — говорит мисс Хардвик. Все согласно кивают. Даже Грег Бэйлор и его тупые дружки в углу соглашаются.

— Это было потрясюще. Даже прочтение синопсиса меня впечатлило, — говорит Шана, не упуская возможности угодить Хаксли. Ну, и учителю заодно.

— Они были примером настоящей любви, — говорит Хаксли. Понимает ли она, что девяносто процентов того, что она произносит, является избитыми фразочками? Вероятно, но класс все равно слушает ее, раскрыв рты.

Я закатываю глаза. Убить себя только потому, что ты не можешь с кем-то встречаться, кажется немного чересчур драматичным.

— Хочешь что-то добавить? — спрашивает мисс Хардвик кого-то. И тут я понимаю, что она смотрит на меня. Так же как и весь класс.

— Что? — спрашиваю я, мои ладони потеют.

— Кажется, ты не согласна.

— Я не знаю, — может, если я буду отвечать вежливо, она позволит мне опять смешаться с классом. Почему это все устались на меня? Давайте, шлите смс, пишите записки, смотрите в окно. Делайте же что-нибудь.

— Ты уверена, Бекка?

Я киваю. Лучше рискнуть своей оценкой, но держать рот на замке. Они не желают слышать другого мнения, если предпочитают первое.

— Все в порядке, Ребекка, — говорит Хаксли самым дружелюбным тоном. Невероятно, как же легко она его включает. — Думаю, было бы интересно услышать как та, у кого никогда не было парня, расценивает пьесу.

Девушки вокруг меня тихонько захихикали. Я выдавливаю из себя улыбку. Эмоции захлестывают меня и, прежде чем успеваю это осознать, я поворачиваюсь на стуле, чтобы посмотреть в лицо Хаксли.

— Ромео и Джульетта не были влюблены. Они были просто сумасшедшими.

Класс замолкает, и все странно посматривают на меня.

— Сумасшедшими? Кажется, это немного перебор, — говорит мисс Хардвик, отбрасывая в сторону свою объективность.

— Ну а разве то, что они встретились, якобы влюбились и умерли в один день, оу, и естественно все это меньше чем за неделю, не сумасшествие?

— Нужно всего лишь несколько секунд, чтобы понять, что ты встретил свою родственную душу. Ты сразу понимаешь, что это оно. Именно это я и почувствовала, когда встретила Стива, — говорит Хаксли. Класс замирает, а я готова выпрыгнуть из окна. — Это — любовь.

Я не дам Хаксли шанса победить, она и так всегда это делает.

— Это не любовь, а неумение принимать решения. Ромео и Джульетта — два очень подавленных и несчастных человека. Вынужденная разлука усилила их желание быть вместе. Это как, когда родители говорят детям не ходить на чердак, и куда, по-вашему, они сразу же захотят пойти? И это вовсе не потому, что им так нравится чердак. — Грег Байлор кивает своей большой головой. Мне приходится давить посильней, чтобы меня поняли.

— Интересная точка зрения, — говорит мисс Хардвик. — В какой мере, по-твоему, их любовь была основана на сложившихся обстоятельствах?

— Полностью. Это была не любовь, — отвечаю я, пфф, как будто это и так уже не было очевидным.

— Ребекка, ты серьезно сравниваешь настоящую любовь с чердаком у себя дома? — говорит Хаксли. Она поднимает брови и смотрит на меня с таким выражением, словно я

волос в ее тарелке. — Разве ты не читала пьесу? Язык, сонеты, монолог Ромео. Ты правда думаешь, что все это было не настоящим?

— На стадии соблазнения все было нормально. Но красивые слова вовсе не означает, что они искренние. И, если честно, немного патетично, что Джульетта влюбилась в него так быстро.

— Но зачем тогда Шекспир хотел, чтобы они говорили о своей любви, если ее в действительности не было.

— Потому что он знал, что люди съедят это. Очевидно, что они делают это до сих пор, — я крепко держусь руками за парту. Адреналин бурлит во мне. Мозг и рот работают в одном ритме. — Я имею в виду, что после того, как мы посмотрели «Титаник» в пятом классе ты проплакала два дня. Ты даже не могла слушать песню Селин Дион без слез.

Класс взрывается смехом. *Прямое попадание!* Челюсти Хаксли сжимаются на секунду, прежде чем она возвращает свою улыбку. Я только что нарушила ее правило номер один.

— Знаете, «Титаник» — это та же история «Ромео и Джульетты», но на тонущем корабле, — произносит мисс Хардвик. — «Вестсайдская история» — также современная интерпретация пьесы. Кто-нибудь смотрел «Вестсайдскую историю»?

Хаксли игнорирует ее:

— Они умерли друг за друга, за любовь.

— За взаимное слепое увлечение.

— Так, дамы... — начинает мисс Хардвик, но Хаксли поднимает руку.

Она сохраняет дружеский тон, но ее глаза слегка сузились. Только я могу это заметить. Это взгляд, которых я помню с тех времен, когда я воровала фри из ее тарелки или выигрывала в «Камень, ножницы, бумага». Она встает, возвышаясь над классом.

— Мисс Хардвик, если вы не против, то я бы хотела обратиться к классу. Пожалуйста, рассмотрите мое заявление, Бекка может сделать то же самое.

— Лучший способ понять литературу — оказаться вовлеченным в нее! — говорит мисс Хардвик. — После того, как вы обе выскажитесь, я поставлю вопрос на голосование.

Я тоже встаю. Она возвышается надо мной на десять сантиметров. Мы смотримся, как гном и Дороти.

— Девочки, вам не нужно вставать. Это не дебаты. — Мы с Хаксли обмениваемся взглядами.

О да, это именно они.

Мы продолжаем стоять.

Хаксли сжимает кулаки, ее спина прямая. Она в своей стихии. Никогда не думала, что люди могут совершенно измениться. Раньше я думала, что если достаточно приглядеться, то можно увидеть их настоящих, прячущихся за фасадом. Но Хаксли опровергла мою теорию.

— Возможно, у Ромео и Джульетты были не идеальные отношения. Ни одна пара не идеальна. Даже мы со Стивом иногда спорим. Да, это правда, — говорит Хаксли, хотя думаю, что навряд ли кто-нибудь ей верит. Уверена, девчонки воруют колпачки от ее старых ручек и обертки от жвачек, чтобы дома соорудить место поклонения, где они могут молить богов всех влюбленных послать им союз такой же совершенный, как у Хаксли и Стива.

Она проводит рукой по своим волосам, и они ложатся точно также как и до этого.

— Но в центре всего этого была любовь. Что-то божественное, некая подсознательная связь, которая притянула их друг к другу. Это была не логика. Вы не станете проходить через все это ради того, кто, по вашему мнению, так себе, — прикладывает она руку к сердцу и

смотрит на меня заботливым взглядом. — Я знаю, что ты никогда не была влюблена, за тобой не ухаживали, и у тебя не было парня с серьезными намерениями. Ты даже не целовалась, если не считать обнимашки на кровати с постером Леонардо Ди Каприо.

Класс взрывается ревом, и я присоединилась к нему, чтобы сделать вид, будто мне все равно, хотя у меня такое чувство, что я вот-вот рассыплюсь на кусочки.

— Вау, Бекка. Тебе нужно заняться сексом! — выкрикивает Шана.

— Но, не смотря на твой *исключительно* ограниченный опыт, — продолжает Хаксли, — ты не можешь сказать, что их отношения были полностью фиктивными, не правда ли Ребекка?

Хаксли аплодируют, и она садится на свое место. Шана дает ей пять, чтобы поздравить с успехом, но Хаксли никак не реагирует на это.

Уверена, именно так раньше думала Калиста, и Лили, и Ким, и другие мои бывшие клиенты. Моя сестра иногда говорила так же, пока ее сердце не растоптали и не прошлись по нему с бейсбольной битой.

— Твоя очередь, — говорит мне Хаксли.

Я не могу пошевелиться. Все мои слова и связные мысли куда-то исчезли. Мое лицо заливается краской, оттенка которой даже нет в палитре цветов.

— Бекка? — спрашивает мисс Хардвик. Класс затихает, ожидая опровержения.

— Они были чокнутыми, — отвечаю я, безразлично пожимая плечами.

— Бекка и Хаксли, вы обе раскрыли свои обоснованные точки зрения, — мисс Хардвик прыгивает со стола, счастливая, что вновь может контролировать класс. — Давайте проведем голосование. Кто думает, что Ромео и Джульетта не были влюблены?

Никто не поднимает руку.

Хаксли расплывается в улыбке до ушей. Эта улыбка режет как нож. Она как бы говорит мне, что ты не можешь спорить с будущей женой сенатора. Мисс Хардвик выжидает еще немного времени, на случай, если кто-то из студентов изменит свое мнение.

Но никто этого не делает.

5

Уроки закончились, но слова Хаксли по-прежнему преследуют меня. Большинство учеников Ашлэнда верят чепухе, которую она несет. Это массовое зомбирование мозга, а я та, кто не выпил Кул-Эйд³ в ту же секунду, как мои гормоны начали бушевать. Просто невероятно насколько она стала почитаема, учитывая, что четыре года назад никто бы не стал слушать ни слова из того, что она говорит.

Когда в восьмом классе Стив Оверлэнд переехал в наш город, он незамедлительно стал предметом разговоров номер один, как какое-то природное бедствие в новостях. Парни, играющие в младшей футбольной лиге, с нетерпением ожидали его прибытия. И вовсе не потому, что он был классным, а из-за его впечатляющего броска. Думаю, для них *это* и было тем самым классным. В первый же день Стив зашел в класс, уже имея в друзьях большинство самых популярных парней школы. А с его густыми каштановыми волосами и скромной улыбкой, он стал объектом внимания каждой девушки в школе.

Особенно Хаксли.

Мы с Хаксли не особо участвовали в общественной деятельности, как большинство девушек в средней школе. В шестом классе, кажется всего за ночь, наши одноклассники

распределились по группам в зависимости от их популярности, и мы были практически в самом низу.

Я знала, что мы не были популярными, но и не являлись лузерами. Нас приглашали на несколько бар-мицва⁴ и летние вечеринки у бассейна. Однако наш календарь общественной жизни не был заполнен до предела.

Семья Хаксли живет в огромном доме на вершине холма, и она иногда говорила мне, что чувствует себя, как Рапунцель в своей башне в одиночестве. Тем не менее, у нас были свои развлечения. Хаксли придумывала их, а я следовала за ней. В общем, мы развлекались в средней школе, но все это веселье было поддельным по сравнению с большинством учеников. Думаю, я никогда не замечала, насколько это расстраивало Хаксли.

Несмотря на то, что Стив был на год старше нас, в его старой школе был другой учебный план, поэтому ему пришлось посещать математику за седьмой класс. Так как их фамилии стояли в журнале рядом, то Стив и Хаксли оказались соседями по парте и стали партнерами по лабораторным работам. Хаксли ухватила за эту возможность. В следующий понедельник она появилась в дверях школы, выглядя как модель. Никаких больше хвостиков или кардиганов. Она проложила свой путь сначала к обеденному столику Стива, затем к его окружению, и, наконец, к сердцу. Без предупреждения. Я наблюдала за этим, также как и остальные одноклассники. Хаксли перешла от статуса какой-то девушки в статус популярной. Отношения со Стивом вознесли ее на вершину общественной жизни.

Я думала, что она возьмет меня с собой, но по мере того, как ее приглашали на все большее количество вечеринок и пикников, в кругу ее новых друзей не оказалось места для меня.

Люди забыли, откуда появилась Хаксли и кем она была до Стива.

А она не хотела напоминать им об этом.

***

Я приезжаю домой и как только открываю двери гаража, сразу же слышу вопли. Когда мы были маленькими, мама сидела с нами дома и жадно смотрела все мыльные оперы. Когда мы повзрослели, она превратила комнату для гостей в ателье и стала известной портнихой в городе. Одна будущая клиентка даже подошла к ней на похоронах. По странному стечению обстоятельств большинство клиентов мамы — невесты и их подружки. Не знаю, как она может работать в этом ателье, находясь среди свадебных платьев, после того, что произошло с ее собственной дочерью. Может быть, это помогает ей избавиться от воспоминаний? Какова бы ни была причина, это определенно прибыльное дело. Невесты тратят кучу денег, дабы быть уверенными в том, что их особый день будет самым совершенным на свете.

По всему дому раздаются пронзительные жалобы еще одной невесты. Я заглядываю в ателье, чтобы поздороваться с мамой и предложить ей моральную поддержку. Она работает над струящимся свадебным платьем, похожим на наряд диснеевской принцессы, а стройная, невысокая невеста в это время вопит.

— Нет, мама. Не хочу гвоздики. Я хочу, по крайней мере, две дюжины белых роз в вазах на столах... Они дешевле?! Ты хочешь, чтобы на моей свадьбе были дешевые цветы?! Мы не нищие!

Я наклоняюсь и целую маму в лоб.

— Привет, конфетка, — говорит она, не реагируя на крик. Она научилась отключаться.

— Все хорошо? — я смотрю на невесту, которая уже кричит сквозь слезы.

Мама чувствует мой сарказм:

— Планирование свадьбы — очень напряженное мероприятие, но в итоге оно стоит всего того.

«Если ты сможешь довести дело до конца» — мысленно отвечаю я. Или это просто трата денег. Не лучше бы потратить эти средства, помогая бездомным?

— Что?! — невеста визжит в телефон. — Лиа не будет моей подружкой. Она выглядит толстой и уродливой в платье, а ее волосы — это выющийся ужас. Она испортит мои свадебные фотографии... Мне не важно, что она моя сестра!

— Звучит так, будто она очень влюблена, — говорю я.

На полпути к выходу я замечаю толстую синюю папку на швейной машинке. «Кортни и Мэттью, 25 Мая» — написано шрифтом айвори на первой странице. Внутри дюжина таблиц, предусматривающих любые возможные детали свадьбы, также как и картинки, вырезки из журналов с описанием и стоимостью каждой. Можно подумать, что она управляет многонациональной корпорацией.

— Пожалуйста, не трогай, — говорит мне невеста, употребляя слово «пожалуйста» исключительно ради приличия. — Это папка со сценарием Дня Моей Мечты. Я много работала над ним.

На какой-то момент мне показалось, будто она скажет, что это сценарий Дня Страшного Суда. Хм, не так уж и далеко от истины.

— Простите.

Она выдавливает фальшивую улыбку и возвращается к телефонному разговору:

— Нет, мама. Мы не сворачиваем салфетки для столов. Должны быть кольца для салфеток... Потому что они, черт возьми, шикарные, вот почему!

В такие моменты я забываю, что есть еще и жених. Она, вероятно, тоже.

***

Я лежу на кровати Дианы и смотрю на постеры кумиров, наклеенные на потолке. Должно быть, странно просыпаться в той же комнате, что и в средней школе, понимая, что ничего не изменилось.

— Боже, платья подружек невесты просто ужасны. Дорогая, это цвет не шампанского, а высушенной рвоты, — Диана просматривает онлайн фотографии со свадьбы своей подруги Мариан, на которых девушки энергично танцуют. Думаю, именно в этот момент Диана понизила их дружбу до статуса просто знакомых.

Я наклоняюсь и оцениваю платья. На них видимо перевели километры тюля, но их нежный бежевый цвет хорошо гармонирует с букетами подружек.

— Вау. Здесь вся банда, — продолжает Диана. — Эйми и ее противный муж. О, бедная Эрин, ты никогда не похудеешь после родов, не так ли?

— Почему ты не пошла? — спрашиваю я.

— На меня бы тогда таращились больше, чем на невесту. Типа: «О, здесь Диана... за столиком для одиночек. Бедняжка».

— Они бы так с тобой не поступили. Они же твои подруги.

— Они бросили меня, — Диана поворачивается ко мне и улыбается уголком губ. —

Знаешь, каково это?

Она заправляет свои густые, каштановые волосы за уши. Они идеально совпадают с цветом ее глаз. Добавьте к этому круглое лицо и нос картошкой, и вот она — само воплощение очарования.

— Я думаю, что Тед слишком экстравагантный. Даю им максимум год.

И пока она не успела открыть рот, я добавляю:

— Но вернемся к Бари и Дереку. — Иначе мы будем говорить о ее друзьях всю ночь. Я тянусь к клавиатуре. Досье со слухами лежит рядом с монитором. — Подвинешься?

— Конечно, — Диана отталкивается назад и вытягивает ноги на кровати. Я считаю старшую сестру своим консультантом. Она единственный человек, который в курсе того, чем я занимаюсь, и единственная, кто может мне помочь. Иногда мне нужен ее совет или второе мнение, а иногда просто тот, с кем можно посмеяться над тем какие у меня нелепые одноклассники.

— Итак, думаю, что Дерек должен быть инициатором разрыва, — говорю я. Даже не хочу представлять, что это сотворит с Бари, но все к лучшему. Я не разрушаю жизни. Больше всего люди нуждаются в помощи, когда думают, что все хорошо, пока их мир не перевернулся с ног на голову.

— Однозначно, Би. Он уже делал это дважды, пусть история повторится. Он определенно не выносит девушек, которые умнее его, так что делай домашнюю работу за Бари в течение недели, и он моментально ее бросит. Ох, уж эти мужчины со своей гордостью. Ты ведь знаешь.

Диана соскребает пятно от еды с буквы «А» на своем пуловере университета Ратгерс. Он и фланелевые штаны стали ее униформой с того момента, как она сняла свадебное платье. Думаю, если вы планируете выйти замуж за доктора, то не готовите план Б. Однако просмотр дневных ток-шоу определенно не подходящий род деятельности для нее. Диана промокает пятно водой и гордо улыбается, когда видит, что его больше нет.

Каждое утро, когда я просыпаюсь, часть меня надеется, что я спущусь вниз и обнаружу Диану в деловом костюме, пьющую кофе и проверяющую телефон перед тем, как побежать на поезд до Манхэттена. Что у нее будет замечательная работа в одном из небоскребов Мидтауна и она регулярно будет пить коктейли в баре со своими сослуживцами. Что она будет тем человеком, на которого я снова смогу равняться.

Я отпихиваю кучу грязной одежды и падаю на кровать:

— Хотя, кажется, это не совсем правильно. Он и Бетани встречались больше года и казались счастливыми.

— Ключевое слово: «казались».

— Она же не стала умной за одну ночь. Тогда почему?

— Может, он хотел начать все с чистого листа в Принстоне?

— Но у него было две девушки после нее? Это не имеет смысла.

Диана опять начинает просматривать фотографии со свадьбы Мариан.

— Тед надел цилиндр? Серьезно?

— Все это не имеет значения, — вздыхаю я. — Ты разбиваешь одну пару, а на ее месте появляется три новых. Они как седые волосы.

— Будь позитивна, Би! — говорит Диана. Странно слышать это от нее. — Рассуждай так: большинство этих пар все равно не выживут, а те, кто все-таки сделают это, в конце концов, превратятся в жирных пьяниц, мечтающих уложить в кровать лучших друзей друг

друга. Как ни крути, твоя работа в любом случае во благо.

Грубо, но искренне. Это то, что мне нравится в Диане. Несмотря на обстоятельства, я рада, что она вернулась домой в прошлом году. Мы стали невероятно близки, чего никогда не было из-за восьмилетней разницы в возрасте.

— Иди сюда, — говорит она, раскрывая объятия, и я падаю в них. Диана хватает мой рукав и вытирает об него свой нос.

— Омерзительно!

Мама стучит в дверь, открывая ее в это же время. Стук — просто формальность.

— Эй, девочки. Чем занимаетесь?

Диана закрывает локтем мое досье.

— Просто разговариваем, — говорит она. — Как дела у Эмили Пост сегодня?

— Она очень напряжена. Но это не удивительно, ведь ее свадьба не за горами, — отвечает мама, стараясь всегда найти что-то хорошее в тех, кто платит ей за работу.

— Я помню это чувство, — говорит Диана, и на секунду мама и я замолкаем, пока Диана не начинает смеяться. Это своего рода *знак*.

Мама разглаживает кровать, на которой я лежала. Она уже собирается сесть, когда замечает свадебные фотографии.

— О, это со свадьбы Мариан? Она выглядит прекрасно. О, мне так нравятся платья подружек невесты!

Диана и я обмениваемся взглядами. Нам просто смешно от того, что говорит мама, и мы не знаем почему.

— И Эрин также великолепна. Диана, ты уже послала ей поздравительную открытку? — спрашивает мама. Я сдвигаю ноги, и она садится на кровать.

— Зачем?

— Чтобы поздравить ее с рождением ребенка.

Диана закатывает глаза. Это в духе моей мамы: превратить дружеские посиделки в сеанс придинок.

— Зачем поздравлять ее с тем, что она родила. Она, вероятно, делала эпидуральную анестезию.

— Ему скоро исполнится месяц, а ты до сих пор их не поздравила.

— Не думаю, что правильно поздравлять кого-то с рождением уродливого младенца. Это только поощрит ее родить еще одного.

— Оуэн очарователен. У него такие пухлые ножки.

— Он выглядит как Бенджамин Баттон.

Я сдерживаю смех, прижимая руку ко рту. Мама тоже хихикает, но ей сразу же становится стыдно.

— Видишь! Ты тоже считаешь, что он некрасивый! Может, через несколько лет я и увижу, как он ходит с тростью по детской площадке, — говорит Диана.

Мама качает головой.

— Ты была так близка с этими девушками в колледже. Что случилось?

— Оказалось, что они мыслят стереотипами, а я стала посмешищем.

— Ты опять? Диана, это все только в твоей голове.

— Да? И где же они сейчас? — Диана опускает голову. Вся ее энергия куда-то исчезает. Эту битву она не сможет выиграть, поэтому она даже не пытается. — Ты хочешь, чтобы я послала ей открытку, — говорит она спокойно.

— Ты знаешь, что делать, тебе двадцать четыре года. Занимайся тем, чем хочешь, — Мама переводит взгляд на меня в поисках поддержки. Я нерешительно улыбаюсь, но ничего не отвечаю, и для нее это означает, что я поддерживаю Диану. Но кто-то же должен. Как она может забыть, что случилось?

Мама хлопает дверью, качая головой от еще одной провалившейся попытки.

— Она никогда не поймет, — выключает компьютер Диана.

***

Перед тем, как пойти спать, я наливаю себе стакан молока. Не знаю, правда ли оно помогает мне заснуть, но я делаю так с пятого класса, поэтому сейчас это уже часть распорядка моего дня. Дверь в ателье открыта, и папка невесты отражает огни улицы. Мое нездоровое любопытство просто затягивает меня в комнату. Я просматриваю страницы с безупречными свадебными платьями. Вкус невесты не имеет ничего общего с кружевным, украшенным цветочками уродством. Она предпочитает теплые цвета и струящийся фасон свадебного платья, также я полностью согласна с ее выбором колец для салфеток. Может быть, эта невеста делает все правильно. Свадьба — это исполнение ее мечты, инвестиции в будущее. Просто и понятно. И раз уж на то пошло, надо сказать прямо: я полностью пересматриваю свое отношение к этой папке. Уверена, она начала планировать этот день, когда была в моем возрасте, за много лет до того, как встретила своего будущего мужа.

В моей голове созревает план, и я моментально зову Диану.

— Что случилось? — спрашивает она. Когда сестра присоединяется ко мне, то сразу же замечает платье в стиле диснеевской принцессы. Вместо того чтобы рассмеяться, она разглядывает каждую деталь. Печаль заменяет язвительное выражение на ее лице. Наверное, она думает, что это могло бы быть у нее, в какой-нибудь другой вселенной. Это один из тех моментов, которые мы стараемся избегать.

— Мне жаль, — это все, что я могу выдать. Диана по-прежнему находится в трансе.

Я крепко обнимаю сестру, опуская подбородок на ее плечо.

— Ты абсолютно права, те платья подружек невесты были цвета засохшей рвоты. Ты это верно подметила.

Диана дотрагивается до моей руки, пытаясь выдать улыбку, которая никак не выходит.

— Итак, что случилось?

— Я знаю, как разбить пару Бари и Дерекы.

6

Часть меня хотела бы, чтобы ежегодник Мичигана оказался ужасным из-за того, что он воспользовался моей подругой. Но Вал и я — хорошие девочки, поэтому весь вечер четверга мы придумываем надписи.

Мы лежим на ее кровати, рассматривая фотографии наших одноклассников, которые улыбаются и смеются, будто это не высшая школа Ашлэнда, а новый мир Диснея. На мониторе сменяется фотография, и Вал не может отвести глаз от короля и королевы в центре. Зависть, надежда и грусть вперемешку отражаются на ее лице.

— Не думаю, что она невероятно хорошенькая, — говорю я о Хаксли, чья голова словно

создана для короны. — У нее слишком большие губы, чересчур тонкая талия и чрезмерно угловатые плечи.

— Они идеальны, — произносит Вал, явно думая о собственных недостатках. Она не может отвести взгляд. Моя подруга, как и остальные в Ашлэнде, заиклена на них. Все ее надежды и мечты заключены в этой фотографии. Я могла бы в течение часа рассказывать ей какая она смешная, восхитительная и красивая, но на нее это бы не произвело никакого впечатления. Потому что единственное доказательство ее красоты — наличие парня.

— Да ну. Ни одна пара не идеальна.

— Разве? Они так хорошо смотрятся вместе. Держась за руки, когда идут по коридору. Подбадривая друг друга на играх. Однажды я слышала, как они заканчивают предложения друг за другом, — вытягивает она еще одну фотографию этой популярной парочки из кучи, которой снабдил ее Мичиган. На ней Стив, «удивляющий» Хаксли огромным медведем, которого она обнаружила в своей машине на День Святого Валентина. Девчонки болтали об этом всю неделю.

— Это просто набитое ватой животное. Вероятно, сейчас оно собирает пыль в подвале, — говорю я, но все бесполезно.

Вал держит ноутбук рядом с моим лицом для сравнения, в котором я не хочу участвовать.

— Знаешь, думаю, пуловер и юбка, в которые она одета, отлично смотрелись бы на тебе. Ну, только не в персиковой гамме, поскольку твоя кожа немного светлее...

— Бледнее.

— *Светлее* ее. Но что-нибудь подобное... — глаза Вал бегают от моего наряда к одежде Хаксли и обратно.

— Сомневаюсь, — отодвигаю я ноутбук в сторону.

— Я серьезно. Ты восхитительна. Ты очень умная, хорошенькая и невероятно удивительная. Просто нелепо, что ты этого не замечаешь.

— Правда? — Знаю, это избитые дружеские фразы, но Вал произносит так убедительно, что я почти верю ей.

— Да! Если бы ты еще не пряталась за одеждой, как жена амиша. Серьезно, сколько кофт может надеть одна девушка?

— Бесчисленное количество.

У Хаксли отличная фигура. А у меня, как ни крути, худое и абсолютно не впечатляющее тело.

— Думаю, если бы ты перестала каждые день надевать три слоя одежды и показала бы себя хоть чуть-чуть, то выглядела бы сногсшибательно. Парни в школе сошли бы с ума!

— Парни могут делать все что хотят, но я не собираюсь подражать королеве бала.

— Разве вы раньше не дружили?

— Скорее были просто знакомы.

— Ой, прости, — поднимает она руки в знак капитуляции. — Моя ошибка.

Вал подпрыгивает на кровати, и ее светлые, шелковые волосы падают ей на лицо. Она так просто не откажется от этой идеи.

— Ну же, неужели тебе не хочется мужского внимания? — Я знаю, Вал не хочет меня обидеть, но все равно эти слова причиняют боль.

Я встаю перед ее зеркалом в полный рост. Я выгляжу достаточно хорошо для своего социального статуса. Но помощь Вал ничего бы не изменила. Калиста красивая, но видимо

этого недостаточно. Кто знает, что привлекает парней. А я играю только в те игры, правила которых мне известны.

— Я пас, — произношу я. — И мне надоело заниматься ежегодником.

— Подожди! Окажи мне еще одну услугу.

— Серьезно? — я тяжело вздыхаю и снова сажусь на кровать.

— Однажды я отдам тебе свою почку, — открывает она свою почту. — Ты можешь мне кое с чем помочь?

— С чем?

— Я хочу написать письмо Эзра, — она переставляет ноутбук мне на колени.

— На счет домашней работы?

Она пристально смотрит на меня. Мы обе знаем, что это вовсе не так.

— Я просто думала о том дне, в столовой. Он явно флиртовал со мной, но так как я не могла вымолвить ни слова, вероятно, он подумал, что не интересуется меня.

— А он тебя интересуется?

— Думаю да. Он действительно отличный парень, — отвечает Вал так, будто вдруг стала знатоком Эзра.

— Он хотя бы в твоём вкусе? Какой-то он вычурный. Я постоянно вижу, как он читает какие-то сценарии или складывает DVD в свой рюкзак. Он определенно нетипичный парень для Ашлэнда.

— Он такой талантливый режиссер.

— А ты видела хоть один из его фильмов?

— Нет, но я слышала, что они очень хороши, — Вал открывает вордовский документ на своем компьютере. — Думаю, он оценит что-нибудь смешное и интригующее. Я не знаю. Ты пишешь лучше меня. Хочу, чтобы ты добавила своего фирменного стиля Бекки Вильямсон к письму.

— Я думала, что он всего неделю назад расстался с Изабель Амабиль? — Сплетни об Эзра, конечно, не новости с первой страницы. Он обыкновенный парень, просто живущий своей жизнью где-то на заднем плане. Типа меня.

— Неделя — это много. За неделю сотворили Землю.

— Подожди, — говорю я, кое-что вспомнив. — Это ведь он и Моника Вашингтон очень плохо расстались чуть раньше? Она еще что-то после этого устроила?

— Аа, инцидент с диетическим спрайтом, — отвечает Вал, словно это очень старые новости. — Они расстались. Моника очень рассердилась и швырнула ему в голову банку с диетическим спрайтом во время ланча.

Да, это не то, что хотелось бы услышать об увлечении своей подруги. Вал замечает мою реакцию; она, вероятно, считывает все мои мысли каким-то особым шестым чувством лучшей подруги.

— Моника — чокнутая. Помнишь, как в девятом классе она что-то украла в Хоум Депот, и у нас было собрание на тему воровства? Эзра едва пережил это, — Она протягивает мне мизинец для клятвы. — Обещаю, что не буду устраивать сцен, если мы расстанемся.

— Вы даже еще не вместе.

— Эзра, вероятно, романтик. Если он ничего не чувствует, то не станет притворяться только ради того, чтобы у него были хоть какие-нибудь отношения. Думала, ты оценишь такого как он.

— Я не собираюсь оценивать Эзра... — мой голос сбивается. Чувствую себя просто

выжатой. Либо она слишком импульсивна, либо я слишком осторожна. — Просто не хочу, чтобы тебе было больно или ты опять ввязалась в какую-нибудь авантюру, как это было с ежегодником.

— Это так мило, — говорит Вал. — Но мне правда нужно срочно привлечь его внимание. И если я не могу сделать это лицом к лицу, то пошлю письмо по электронке. Но я должна произвести впечатление сейчас.

— Звучит как план великой битвы, он тебе действительно нравится? Или это только для того, чтобы у тебя был парень? — Меня передергивает от того, что я выгляжу как брюзга. Но лучше так, чем позволить своей лучшей подруге подвергнуться публичному унижению и отказу.

— Ни у одной из нас никогда не было парня и это необходимо изменить. Я устала быть в меньшинстве, наблюдая за парочками с трибун. Настало наше время, Бекка. Или, по крайней мере, мое время.

— Господи, Вал. Быть одной — не смертный приговор.

— Ну, я не позволю этому превратиться в пожизненное заключение! — она хватается за ноутбук и отходит к столу. — Ты будешь мне помогать или нет?

Не знаю, действительно ли ей нужен сам Эзра или просто парень, который бы подарил ей огромного, неудобного медведя. Возможно, Вал и сама этого не знает.

В ее глазах мерцает уязвимость и отчаяние. Я тоже это чувствую. Парочки в нашей школе заставляют одиночек, нет, скорее непривязанных ни к кому, чувствовать себя изгоями. Я могу разрушить отношения одной пары за раз. Я не пытаюсь испортить чьи-то жизни. Просто хочу, чтобы эта ситуация изменилась, и моя подруга не чувствовала бы беспокойство, ненадежность только потому, что какой-то парень не хочет пройтись с ней по коридору или засунуть свой язык ей в рот. Чтобы она не считала, что что-то не так с ней или с нами.

— Вал, — говорю я. Она смотрит на меня. — Seriously, он тебе нравится?

— Да, — отвечает она, и ее голос снова спокоен.

— Что тебе больше всего в нем нравится?

— У него приятнейший голос. Глубже, чем у большинства парней в школе, и он всегда кажется умным, когда что-либо говорит. — Вал обнимает подушку, в ее голове образ Эзра. — Больше всего мне в нем нравится то, что когда он говорит, всегда поднимает голову, смотрит вверх и налево. Это грубо и в то же время восхитительно. Если это что-то значит...

Ее щеки краснеют. Не смотря на то, что я переживаю, чем все это закончится, я ничего не могу сделать, чтобы изменить ее решение. Мне просто нужно быть готовой и иметь при себе коробку салфеток. Я хватаю ее ноутбук, и мои пальцы застывают над клавиатурой.

— Нужно добавить что-нибудь о фильмах. Я видела, как он читал биографию Мартина Скорсезе.

— Кто это? — спрашивает Вал.

Надеюсь, эта затея не накроется медным тазом.

Я поняла. Больше всего Дерек ненавидит вовсе не блондинок-чирлидерш и умных женщин. Он не любит обязательства. Ему нравилось смышленость Бетани, но никак не то, что она собиралась последовать за ним в Принстон. Тесса собирается поступать в

университет Калифорнии, а Бари в следующем году все еще будет в Ашлэнде. Несмотря на то, что он заставляет Бари играть по своим правилам, он не рассматривает эти отношения как серьезные и начал бы очень сильно переживать, если бы все пошло в том же направлении, как это было с Бетани. Полагаю, ему просто хочется вдоволь насладиться своим выпускным годом, а потом уехать в Принстон, свободным как ветер.

Вернувшись домой от Вал, я начинаю работать. Распечатываю дюжины фотографий Бари и Дерека с Фэйсбука, и с помощью клея и ножниц, которые у меня, должно быть, остались еще с начальной школы, вырезаю их головы и помещаю в свадебный сценарий «Дня Страшного Суда» невесты, мечтающей о том, что в этот день будет исполнена любая ее прихоть. *Вот Бари и Дерек позируют в беседке на фоне заката! Вот Бари в свадебном платье с бордово-оранжевым букетом! Вот Дерек надевает на палец Бари кольцо под непромокаемым навесом, украшенным цветами!*

Да, эта невеста продумала все. Жаль, что все наши проекты по искусству не такие приятные. По моему лицу расплзается улыбка: искренняя и счастливая, а не та, которую я использую для прикрытия.

Знаю, даже если моя идея разрушит отношения Бари и Дерека, это все равно будет как попытка потушить лесной пожар из водяного пистолета. В школе все равно будут главенствовать ОТНОШЕНИЯ. Почему бы всем парам не признать, что это просто игра. Тогда люди перестали бы страдать, и мы смогли бы просто наслаждаться жизнью. Разочарование пронзает меня, так же как и на прошлогодних январских школьных танцах.

Тот месяц я провела, сочувствуя Диане и ее разбитому сердцу, а также выслушивая, как мои родители переживают о потере предоплат. Я была так взволнована, что у нас с Вал будет вечер веселья и танцев. Нормальный, свободный вечер.

Поначалу так и было. С помощью искусственного, пушистого снега кафетерий превратили в настоящую зимнюю страну чудес. Отличная музыка, приличная еда и заполненный танцпол. Вал понравились танцы благодаря ауре может-произойти-что-угодно, и на фоне ревущей музыки я тоже смогла это почувствовать.

Но, в конце концов, ребята вместо того, чтобы веселиться, определили для себя новую миссию: заигрывать. Очевидно, все школьные танцы заканчиваются поцелуями. Танцы превратились в обжималовки, в которых ни я, ни Вал не участвовали. Практически каждая песня стала балладой и вместо групп танцоров появились парочки, покачивающиеся в такт музыке. И постепенно один за другим они начали лизаться так, чтобы все их видели. Вероятно, это звучит как брюзжание какой-нибудь восьмидесятилетней старухи, но всегда лучше целоваться, чем смотреть, как это делают другие.

Мы с Вал были оттеснены в дальний угол танцпола, прямо к куче ненужных стульев. На лице подруги появилось подавленное, удрученное выражение. Сложилось такое ощущение, что я и вовсе не выходила из дома. И в довершение всего этого, как раз перед финальной песней, директор объявил Хаксли и Стива королем и королевой зимнего бала. (Словно они выбрали Мерил Стрип на эту должность. Правильно распределяйте ценности, люди!) Нам пришлось встать в круг и смотреть, как они медленно танцуют и смотрят друг на друга отсутствующим взглядом. Затем остальные пары присоединились к ним. Эта ночь была воплощением того, чем не являлась жизнь моя, с тех пор все так и осталась.

В тот понедельник я поняла, что не одинока, подслушав в школе, о чем переговаривались другие девушки, которые обычно и словом не обменивались друг с другом. Они все жаловались на ту же проблему: парочки. Одна сокрушалась, что ее подруги

пренебрегли ею на танцах, чтобы позависать со своими парнями. Другая клялась, что подруга превращалась в монстра, как только рядом оказывался ее парень. Я была не одинока.

Все эти недовольные перешептывания в коридорах и за партами убедили меня, что этой школе нужен человек, который сможет исправить ситуацию. Так называемый Робин Гуд отношений. Через неделю я корявым почерком написала свое объявление в туалете. Через сорок восемь часов у меня появился первый клиент.

Короче, ранним утром я иду по пустынным коридорам школы, крепко держа в руках обработанную папку. Подойдя к шкафчику Дерека, я оглядываюсь по сторонам. Пусто, меня сопровождает только гул работающего обогревателя и сильный запах полироли, исходящий от пола. Диана дала мне универсальный ключ, открывающий все замки V56, так сказать «ключ от всех дверей», который она в свою очередь получила, когда работала вожатой. Это мой самый лучший подарок. Все шкафчики в школе имеют замки V56, на случай если директор когда-либо решит их проверить. Выкинув все из папки Дерека с наклейкой «ПСА», я заменяю их бумагами из своей свадебной папки. В завершении, вытаскиваю из кармана хрустящий, белый конверт и кладу его во внутренний кармашек папки, затем запикиваю все обратно в шкафчик.

Дорогой Дерек,

Я тут подумала на досуге. Что я могу сказать? Я люблю все планировать. Зачем ждать завтра, если ты знаешь, что хочешь сегодня:.) Не могу дождаться, чтобы увидеть тебя на собрании!

Люблю, Бари

Мои шаги эхом отдаются в коридоре, и мне стало интересно: все ли люди наслаждаются своей работой также как я.

***

Не знаю, почему директор не замечает, что все собрания — просто пустая трата времени. Двадцать минут уходит на то, чтобы все расселись, затем следуют пятнадцать минут речи, из которых только три посвящены полезной информации. Вал отделяется от своего класса, чтобы сесть рядом со мной. Она смотрит в телефон, пытаясь внушить почтовому ящику получить больше писем.

— Ответил? — спрашиваю я. Мы обе знаем ответ, но это отличный предлог, чтобы поговорить об Эзра. Вал отрицательно качает головой. Мне хочется ударить Эзра за то, что он немедленно не пригласил Вал на свидание.

— Какой процент? — спрашивает она.

— Что?

— Какой процент, что Эзра ответит?

— Не знаю. Двадцать пять?

Лицо Вал становится таким несчастным.

— Двадцать пять?

— Или тридцать один.

Ее глаза еще больше расширяются. Два блюдца тарашатся на меня.

— И это все? Даже не пятьдесят?

Даже не знаю, нужна ли ей правда. Но как моя подруга она заслуживает трезвой реакции. Я хочу смягчить удар, на случай если Эзра так и не ответит.

— Ну, вообще я бы дала двадцать один процент. Вы ведь даже не разговаривали друг с другом.

— Хорошо, хорошо, — говорит она, незаинтересованная в холодных, суровых фактах.

— Я не говорю, что двадцать один процент не может измениться.

Она оценивает попытку, но остается серьезной:

— Бек, я реально думаю, что у меня с ним может что-то получиться. Я даже костями это чувствую.

— А может это просто остеопороз.

Один из учителей по французскому шикает на меня. Директор берет микрофон.

— Студенты, спасибо всем, кто пришел сегодня. У нас отличная новость. Школьное управление выделило нам больше средств. Достаточно хорошую сумму. После встречи с ПСА мы решили, как использовать ее наилучшим образом, — он ждет, когда все зааплодируют, но не раздается ни звука. Мы же не получаем эти деньги в личное пользование. — Президент ПСА, Дерек Келли, расскажет о том, что вас ждет в течение следующего года!

— Благодарю, — говорит Дерек, весь такой уверенный и властный на сцене. — Мои дорогие одноклассники, с помощью полученных средств мы собираемся построить новую телевизионную студию и запустить утреннее шоу новостей, которое будут вести исключительно студенты. Новости будут транслироваться во всех классах.

Тишина. Наверное, я могла бы сейчас услышать, как падает булавка.

— Добро пожаловать в девяностые, — шепчет Вал.

— Довольно здорово, правда? — Дерек развязывает веревки на папке. — Мы ожидаем, что проект будет завершен в начале мая, таким образом, даже несмотря на то, что я поеду в Принстон этой осенью, я и другие старшеклассники смогу испытать этот новый шаг для Ашлэнда. Все детали у меня в папке...

Пока Дерек открывает папку, все чудесным образом молчат. Я пристально наблюдаю за тем, как он читает записку, которую я положила в кармашек, затем парень пролистывает страницы.

— Ну, давай уже! — кто-то кричит, но Дерек игнорирует его. Он продолжает листать.

Его лицо бледнеет. По его виду можно было бы предположить, что он рассматривает фотографии военнопленных, а не свадебные фото.

— Дерек? — директор жестом просит его продолжать говорить, но, вероятно, впервые в своей жизни Мистер-Будущий-Политик потерял дар речи. Он бросает папку в свой дипломат и убегает за кулисы. Все начинают громко разговаривать.

— Студенты, успокойтесь! — говорит директор, но все бесполезно. Когда на собрании что-то происходит, хаос неизбежен.

Вал толкает меня локтем.

— Как думаешь, что это было?

— Без понятия.

Студенты уже собираются уходить, но на сцену запрыгивает Стив Оверлэнд. Ему аплодируют даже больше, чем директору.

— Привет, ребята. Как дела? — спрашивает Стив со своей фирменной мальчишеской улыбкой, благодаря которой образуются ямочки на щеках, этаким беззаботной усмешкой

человека, у которого в жизни нет реальных проблем. Директор хлопает его по плечу и указывает ему на место.

— Дайте мне одну минутку, сэр. Шестьдесят секунд.

Директор делает раздраженный вид и отступает, но мы все знаем, что это просто притворство. Не секрет, что директор получил большую премию, когда наша футбольная команда выиграла чемпионат штата. Так что, он не стал бы сердиться на такую ценную собственность.

— Позвольте мне сообщить вам настоящую причину, почему мы здесь собрались, — говорит Стив.

Вал и я обмениваемся взглядами: ее предвкушающий и мой растерянный.

— В этой комнате находится именинница, — нежно произносит Стив в микрофон. — Хаксли Мапозер, пожалуйста, встань!

Хаксли подчиняется. Она наклоняет голову в наигранном смущении, которым овладела в совершенстве. Я ссутуливаюсь на стуле.

Стив задерживает дыхание.

— Я немного нервничаю.

Смешки девушек, сидящих перед ним, приободряют его, и он им подмигивает.

— Все равно ничего не получится. — Стив наслаждается, все он может, он ведь — Стив Оверлэнд, да и кто скажет ему уйти со сцены? Он начинает петь одну из песен Фрэнка Синатры, ту, которую, я уверена, поют на каждой американской свадьбе.

Мой одноклассники безумствуют: встают, вопят и хлопают в несуществующий такт. Каждые пять секунд раздаются, по крайней мере, одно «Ух ты». Стив хороший певец, но песня просто ужасна. Хаксли, вероятно, сама разработала весь этот «спонтанный» план.

— С Днем рождения, Хакс, — говорит он между вздохами.

Теперь я чувствую себя чертовым военнопленным.

8

Народ все утро обсуждал выступление *Американского идола* — Стива. Надеюсь, они выполнили свой план по проявлению псевдоромантических жестов на сегодня и избавят нас от этого театра за ланчем. Я жду Вал возле кафетерия, подальше от толпы студентов, чтобы она смогла меня найти. Обычно мы ходим на ланч вместе, поэтому мне интересно, почему она задерживается. Я опираюсь на стеклянный шкафчик, в котором хранятся заветные футбольные реликвии старшей школы Ашлэнда. Некоторые из игроков на черно-белых фотографиях привлекательны, и это просто жест, ведь сейчас они дедушки. Полагаю, чтобы все выглядело по-американски, в самом центре экспозиции школа выставила фото Хаксли и Стива во время их коронации на выпускном. На танцы он надел свою вылинявшую футбольную форму. Все думали, что он продолжит играть в футбол в колледже, но он отказался в пользу Вермилион, близлежащего университета, чтобы быть ближе к Хаксли, которая младше его. Все девчонки думают, что он безумно любящий парень. Я считаю, что он просто подкаблучник.

Сквозь гам снующих одноклассников, я замечаю, как приближается Вал. Но она не одна. Над толпой возвышается макушка черных волос, которые я безошибочно узнаю.

— Привет, — говорит Вал.

— Привет, — отвечаю я, мои глаза смотрят то на нее, то на Эзра.

— Гм, это Эзра.

Он освобождает свою руку и пожимает мою.

— Как дела?

— Хорошо, — отвечаю я, понимая, что веду себя совершенно грубо и вовсе не очаровательно.

Я смотрю, как Вал устраивает Эзра проверку на то, сколько времени ее рука будет находиться рядом с его, пока он не возьмет ее?

И Эзра проходит ее на «Ура!». Когда он берет ее руку, ей с трудом удается сдержать радость, так и льющуюся из нее. Никогда не видела ее такой счастливой.

Я не могу поверить, что все сработало. Чувствую, как от страха сжимается мой желудок.

— Когда это...? — я показываю на их руки.

— Между третьим и четвертым уроком, — одновременно отвечают Вал и Эзра.

— Вау, — говорит он. — Это была судьба.

Судьба? Интересно, репетировали ли они встречу со мной?

— Эзра стоял позади меня возле аппарата с колой после третьего урока.

— Мне было суждено встретить веселую, замечательную девушку, которая любит фильмы так же, как и я.

— А потом он купил мне диетическую колу!

— Это было не так. Я купил тебе диетическую колу, когда мы разговаривали. У меня не было с собой шампанского, поэтому мне пришлось воспользоваться другим газированным напитком, чтобы поухаживать за тобой.

Вал сияет от гордости.

— То есть вы официально встречаетесь. Уже. После одной диетической колы.

— Я не мыслю штампами, — говорит Эзра. Он убирает прядь волос с лица Вал. — С тобой я хочу стать лучше.

— Правда?

— Это из фильма «Лучше не бывает».

— О, мой любимый фильм, — говорит Вал.

— А моя любимая — ты.

Я закатываю глаза. Он что серьезно? Если бы только Эзра знал, сколько на самом деле в этом романтики. Что ее знание фильмов было взято из интернета, а мной кратко изложено на бумаге. Что он просто самый доступный вариант, который оказался под рукой.

— Пойдемте есть. Умираю от голода! — киваю я на кафетерий.

Ни один из них не двигается. Страх расплзается.

— Что? — спрашиваю я.

Вал сводит брови.

— Сегодня я собираюсь поесть с Эзра, — она прислоняется к его плечу. Их УПЧВОМ стремительно растет.

— Нам надо кое с кем встретиться, — говорит он. Его глаза смотрят вверх, а потом налево. Вал права. Это грубо и в то же время восхитительно.

— О.

Вал смотрит на меня так, что только я могу ее понять: она молчаливо умоляет меня смириться.

— Хорошо, — выдавливаю я свою лучшую фальшивую улыбку. И говорю себе: это то, чего хочет Вал, и я должна быть счастлива, потому что она счастлива.

— Было приятно познакомиться, — говорит Эзра. Они входят в кафетерий, держась за руки.

Итак, началось. Вал переходит на темную сторону.

Я следую за ними — простой человек, пробирающийся к своему столику. Смех Хаксли разносится по всему кафетерию, все внимание приковано к ее угловому столику, в общем, все как ей нравится. Она хихикает, уткнувшись в широкую грудь Стива, реагируя на что-то не такое уж и смешное. На секунду мне кажется, что она смеется надо мной.

Стив притягивает ее ближе и зажигает свечу на кексе.

— Мы поговорим позже! — говорит мне Вал, но я ей не верю.

***

Дома мама с папой, как и обычно, находятся в гостиной за своими типичными занятиями: она смотрит телевизор, сидя в своем мягком кресле, который мы называем тронem, а он читает газету на кушетке. Они очень хорошо уживаются, как соседи по комнате.

Мама машет мне со своего трона. Если уж она на него уселась, то не слезет до самого ужина.

— Ты можешь проверить как Диана?

— Что-то случилось?

— Открой газету на столе. Раздел помолвок.

Я быстро просматриваю объявления. В правом верхнем углу я нахожу упомянутую статью: «*Двадцатипятилетний Санкреш Рамамурти помолвлен с двадцатипятилетней Прией Гош*». В моем горле образуется ком. Мама читает мою следующую мысль:

— Диана прочла ее утром.

Я вспоминаю смуглую кожу Санкреша рядом с бледным (гены семейства Вильямсон) лицом Дианы. Однажды я пошутила, что у них будут очаровательные детки с кожей цвета жженого сахара. «Звучит вкусно!» — сказал Санкреш и потом сделал вид, что кусает руку Дианы. Они напомнили мне Стива и Хаксли, ну, за исключением того, что не играли, а просто были сами собой.

Я на цыпочках иду к комнате Дианы, каждый шаг дается все тяжелее. Стучусь в дверь указательным пальцем. Нет ответа. Повторяю попытку.

— Диана, это Бекка.

Дверь открывается.

— Привет, — говорит она. Диана нанесла легкий макияж, ее волосы убраны в тугой хвост. Она прекрасна. Но я не могу не заметить красные припухлости вокруг ее глаз.

— Как ты?

— Бывало и лучше, — отвечает она. Я рада, что сарказм все еще при ней.

— Мне жаль.

Диана пожимает плечами. Что она может на это ответить? «Спасибо, что тебе жаль»? Она пропускает меня внутрь. Ее комната выглядит безупречно. Мне следует взять это на заметку.

— Мне почти его жаль, ему придется жениться на женщине с лошадиным лицом.

Диана смотрит в зеркало, убеждаясь, что ее лицо совершенно не такое. Я знала, что она будет зла, хотя, думаю, лучше так, чем повторение того, когда Санкреш отменил свадьбу. Ее крик до сих пор стоит у меня в ушах. Я просто хочу, чтобы Диане стало хоть немного лучше.

— Знаешь, это все устроила его мать, — говорит Диана.

— Думаешь, это брак по договоренности?

— Очевидно. Он женится, только ради того, чтобы осчастливить свою семью. Он трус. Его мать урежет наследство, если он не женится на индийской девушке. Жаль, я узнала об этом лишь за шесть часов до свадьбы, но, тем не менее, это так.

Мне нравилось проводить время с Санкрешем и Дианой. Как будто у меня был старший брат. Он учил меня играть на синтезаторе «Касио», который достал в Гудвилле. Я выкинула его в тот же день, как он позвонил Диане, чтобы сообщить об отмене свадьбы.

Он позвонил.

Даже не набрался смелости сообщить лично.

— Все к лучшему, — я неуверенно кладу руку на ее плечо.

— Знаю. Что ж, я выучила этот урок.

Я слегка массирую ее спину. Диана не против.

— Если ты когда-нибудь захочешь об этом поговорить, знай, что я рядом, — звучит так неубедительно и фальшиво, даже хуже, чем речь школьного психолога.

— Знаю. Но я в порядке.

— Не переживай. Однажды ты встретишь отличного парня...

— Прекрати, Би. Ты действительно собираешься прочесть мне лекцию об «однажды»? Не будет никакого «однажды». Но я рада, что ты сможешь извлечь урок из моей ошибки. Я думала, Санкреш любит меня, но он просто хотел весело провести время с европейкой перед тем, как последовать традиции. Меня использовали, так же как и других. Люди просто прикрываются отношениями, чтобы получить то, чего хотят: деньги, власть, секс, связи или повысить свою самооценку.

— А разве в колледже ты не встречалась с парнем, потому что у него была машина? — спрашиваю я. Диана опускает голову, чтобы я помассировала верхнюю часть спины.

— Ты права. Но речь не шла о любви. Думаешь, Эрин, Эйми и Мариан вышли замуж за этих до ужаса скучных парней по большой любви или потому что они хорошо зарабатывают, ведь мои подруги хотели «горячих» мужей, которых можно показывать на вечеринках в своих особняках?

— Ты права. — На самом деле мужья Эйми и Мариан довольно классные. Эйми и Билл прыгали с парашютом в свой медовый месяц, а Тед играет в группе на барабанах. (Хорошо, муж Эрин скучный консерватор, но два из трех не так уж и плохо). Но сейчас не время спорить.

Я пробегаю пальцами вдоль лопаток. Я видела, как девчонки делают так на пижамных вечеринках. Это, кажется, делает свое дело, и Диана успокаивается. Я не умею утешать, но, по крайней мере, не абсолютно бесполезна.

— Ты видела, что они уже назначили дату?

— Быстро. — Я лишь взглянула на статью; Диана же ее выучила.

— Двадцать восьмое июня. День, когда у нас было первое свидание. Пять лет назад. Он пригласил меня в итальянский ресторан, и мы сидели на заднем дворике. Они забыли вписать наш заказ, поэтому предложили нам бесплатный трюфель в качестве извинения. Санкреш взял вишенку и предложил мне ее съесть.

Диана никогда не рассказывает о Санкреше, по крайней мере, не такие нюансы. Не знаю, говорит ли она со мной или же сама с собой, поэтому я просто продолжаю массировать.

Она разворачивается и хватает меня за плечи. Ее глаза полны слез, но острая необходимость озаряет ее лицо. Ее взгляд как будто устремлен в мой мозг, она всегда могла это делать.

— Ты специалист по разрывам отношений. Я не хочу, чтобы ты...

— Стала жертвой обмана. Знаю... — мурашки пробегают по моему телу. Я выбрасываю газету в мусорное ведро. — Не переживай. Я никогда не забуду.

***

Когда возвращаюсь в свою комнату, я проверяю почту. А затем проверяю *другую* почту: *LeBreakUpArtiste@gmail.com* (решила быть креативной).

Самое первое сообщение в почтовом ящике от Мистера Тауне. Оно пришло день назад — слишком давно. Имя мне ничего не говорит, но большинство людей не используют в начале настоящих имен.

Кому: Le Break-Up Artiste

От: Роберта Тауне

Моя жена увидела ваше объявление в туалете... Попытка не пытка. Мне нужно, чтобы вы разбили пару Стива Оверлэнда и его девушки Хаксли Мапозер. Я прикрепил фотографию. Дайте мне знать, что нужно делать дальше.

Я перечитала письмо раз пять. Слова не поменялись, но с каждым разом я вникала все лучше и лучше. Обычно я имею дело с менее известными парами, теми, кто не вызывает сейсмическое смещение тектонических слоев слухов, на которых стоит школа. Хаксли и Стив — это как разлом Сан-Андреас в отношениях. (Вау, наши уроки по геологии гораздо интереснее, чем я думала). Может быть, этот Тауне что-то напутал. Я открыла фотографию.

Это определенно Хаксли и Стив на выпускном. Та же фотография, что и на экспозиции в школе.

9

Мистер Тауне появляется онлайн только после ужина. Я отправляю ему письмо, спрашивая о возможности пообщаться через видеочат. Он просит подождать десять минут. Это дает мне возможность подготовиться. Я занавешиваю черным одеялом зеркальные раздвижные двери шкафа позади меня, стирая с окружающего пространства отпечатки своей личности. Вытаскиваю из-под кровати дедушкин винтажный чемодан и достаю свой костюм: маску енота и старую мантию выпускника Дианы. Пока я одеваюсь, то размышляю: кем мог бы оказаться этот мистер Тауне. Мстительный отец? Раздраженный учитель или недовольный сторож?

Но оказывается, что ни один из перечисленных персонажей. Мистер Тауне выглядел именно так как и должен выглядеть мистер Тауне. Взрослый мужчина, одетый в так называемый наряд отца: светло-голубая рубашка поло, застегнутая на все пуговицы и заправленная в штаны цвета хаки, из которых выпирает небольшое брюшко. Редущие волосы, морщинистое лицо, но мальчишеская улыбка. Несмотря на возраст, выглядит он

гораздо подтянутее некоторых парней в школе. Он молча сидит за столом.

— Привет, дорогой, — говорю с британским акцентом.

— Я не знал, что ты англичанка. Думал, француженка, — говорит он абсолютно спокойным тоном. Это заставляет меня нервничать. Он откидывается на стуле. — Ты всегда так одеваешься?

— Гм, нет. Это моя рабочая одежда.

— Ты действительно англичанка?

— Конечно.

Его серые глаза пристально и холодно смотрят на меня.

— Понятно. Хочешь защитить себя.

— А мистер Тауне ваше настоящее имя? — спрашиваю я.

— Это имеет значение?

Он улыбается своей мальчишеской улыбкой, от которой на обеих щеках появляются ямочки. Вероятно, тридцать лет назад он выглядел как Стив Оверлэнд. Его школьная любовь и трое детей, скорее всего, сейчас распевают библейские псалмы в коридоре.

— Не переживай, — говорит он. — Я не имею представления кто ты, и мне это без разницы, главное чтобы работа была выполнена. Поэтому давай прекратим расспросы и перейдем к делу.

Я с облегчением выдыхаю. Больше нет никакой неловкости.

— Почему сорока с лишним лет мужчина хочет разбить пару старшей школы?

— Зачем тебе это знать?

Мне никогда не приходилось вытягивать информацию из потенциальных клиентов, мне не интересно соревноваться, кто из нас окажется большим параноиком.

— Вы хотите, чтобы я выполнила работу или нет?

Мы пристально смотрим друг на друга. Я не позволю диктовать мне, как вести собственный бизнес. Он сдастся первым.

— Я друг семьи Оверлэнд. Я видел, как у Стива появился первый зуб и его первый тачдаун. Я всегда присматриваю за ним. А сейчас очень обеспокоен его отношениями с этой девушкой. Его семье она совсем не нравится. Они считают ее слишком властной воображалой.

Я киваю. Звучит так, словно они хорошо знают Хаксли.

— Понимаю, первая любовь, гормоны и все такое, — продолжает он. — Но Стиви отказался от футбольной стипендии известного университета в пользу местного колледжа, чтобы быть ближе к ней. Его семья пыталась поговорить с ним о том, какую ужасную ошибку он совершает, но Стиви не стал их слушать. Девчонка запудрила ему мозги. Так что...

— Вам нужна моя помощь?

— Да. Не знаю, может это просто шутка с твоей стороны, но у нас нет выбора. Все договора о поступлении в колледж надо подписать до пятнадцатого мая. Это меньше чем через три месяца. Я не хочу, чтобы этот ребенок наплевал на свою жизнь.

— Я слышала, Вермилион — неплохое учебное заведение, — говорю я. Стив надел светло-зеленую спортивную кофту колледжа Вермилион, когда его приняли. Мне было все равно, но среди ребят поползли слухи. Моя мама сказала, что Вермилион — слишком дорогой колледж гуманитарного направления. Они вынуждены назначать высокую оплату, чтобы он оставался эксклюзивным. В справочнике колледжей он не имеет высокого

рейтинга, но Хаксли нравится говорить людям обратное.

— Вермилион едва держится в третьем дивизионе, — говорит мистер Тауне, складывая свои руки на пузо. — Стиву нужно быть в учебном заведении первого дивизиона, например: Университет Чандлер в Техасе. У него талант. А это именно те места, где вербуют в профессиональную лигу. Щеки мистера Тауне краснеют.

— Вы думаете, если они с Хаксли расстанутся, то он поступит в один из этих университетов?

— Без сомнения. Этот ребенок был рожден играть в футбол, и он это знает. Единственная вещь, которая его останавливает, находится между ног этой девчонки. Извини за выражение.

Я трясую головой, пытаюсь избавиться от этого образа, возникшего в моих мыслях. Хаксли и Стив. Она обвела его и всю школу вокруг пальца. Она не сдастся. Во всяком случае, не до выпускного бала и вручения дипломов, двух самых публичных событий в жизни старшей школы. Некоторые люди начинают встречаться исключительно для того, чтобы пойти на эти мероприятия не в одиночестве.

— Ты еще здесь? — спрашивает он.

Я мычу в ответ.

— Ну, ты можешь это сделать?

— Не знаю, — я прикусываю губу, чтобы успокоиться.

— Что ты имеешь в виду? Ты уже делала это раньше, ведь так?

— Это другое. Они как непреступная крепость. Не думаю, что Хаксли позволит чему-нибудь встать между ними. Она сразу узнает, если кто-то будет замышлять что-нибудь против нее.

— Ты можешь начать со слухов или типа того.

— Она использует своих прилипал, чтобы подавить сплетни, а затем откроит охоту на того, кто начал их распускать. — Лена Херман распространила слух, что Хаксли принимает слабительное, чтобы похудеть, Хаксли узнала об этом на той же неделе. Через месяц Лена перевелась в католическую школу... а ведь она иудейка!

— Я надеялся, что ты специалист.

— Так и есть, но я не знаю можно ли разбить их пару. — Или, может быть, не знаю смогу ли я это сделать. Если все получится, она будет жаждать моей крови. Хаксли промыла мозги всей школе, так что они будут преследовать меня на выходе с горящими факелами. Иногда ты должен знать свой предел. — Я выражаю свое искреннее, полупрофессиональное мнение.

— А что если я утрою ставку? Триста долларов?

Мои глаза расширяются при мысли о трехстах долларах. Но затем в голове всплывает лицо Хаксли и мысль о деньгах тускнеет.

— Если семья Стива не может изменить его решения, что заставляет вас думать, что это смогу я?

Он бросает на меня раздраженный взгляд.

— Такое ощущение, что ты ее боишься.

— Боюсь ее? Да ни в жизнь!

— Ты пытаешься найти оправдания, хотя прекрасно знаешь, что эта девчонка — стерва. Мне так приятно, что он это сказал. Ни одна я думаю, что она ужасна.

— Она просто раздражает.

— Знаешь, в старшей школе у нас тоже был хулиган, — мистер Тауне откидывается на спинку стула и выглядит так, будто он с головой окунулся в воспоминания. — Ему нравилось задирать тех, у кого был карманный калькулятор. Никто никогда не давал сдачи. Но однажды один тощий пацан встал перед ним в столовой и разбил ему нос. Без колебаний и предупреждений. Все в зале смеялись. И знаешь, что этот хулиган сделал?

— Что?

— Оставил меня и моих друзей в покое до окончания старшей школы.

Я подумала, что он и есть этот задира. Но кто знает, может он выдумал эту историю или украл из одного из эпизодов «Шоу Энди Гриффита».

— Послушай, мне нужно знать сможешь ли ты это сделать? — Мистер Тауне очень прямолинеен.

— Дайте мне подумать.

— Думай быстрее. Если я не дождусь ответа до воскресенья, то аннулирую предложение.

10

«Давай сходим сегодня в кино?»

Я быстро пишу записку, адресуя ее Вал, затем вытягиваю руки за голову, имитируя потягивание, а на самом деле передаю листок.

Мои одноклассники ерзают на стульях, пытаюсь устроиться поудобней. Сегодня пятница. Восьмой урок. Латинский. Я чувствую, как возбуждение по поводу надвигающихся выходных пульсирует в классе. Только измотанное лицо Бари с пустым взглядом смотрит на доску, как будто сегодня утро понедельника. Она устало тащится из класса после звонка, избегая людей. Острое чувство вины пронзает меня, но все к лучшему. Я не зло. Я — добрый самаритянин. Однажды она поблагодарит меня, ну, если узнает, кто это сделал.

Я иду к Вал между партами.

— Так во сколько тебя сегодня подобрать? — спрашиваю я. — Кино начинается в семь сорок пять.

Вал прижимает две книги и записную книжку к груди.

— Отлично, — говорит она с неохотой. — Ты не возражаешь, если Эзра присоединится к нам?

Мое пятничное воодушевление моментально пропадает. Я думаю, как ответить. Нужно ли мне выглядеть беспечной и веселой, или ответить честно? Если он придет, то Вал превратится из просто «Вал» в «Вал в отношениях», что угробит весь вечер.

— Ты не против? — снова спрашивает она.

— Если ты хочешь.

— Уверена? Если ты не хочешь его видеть, то я пойму.

— С чего бы это я не захотела его видеть? — Надеюсь, она не попросит меня перечислить причины.

Вал выдыхает. На ее лице снова появляется улыбка.

— Отлично. Я просто хотела спросить, поскольку не была уверена в том, что он тебе нравится.

— Что? Да я даже не знаю его.

Я, конечно, не должна, но, все же, шокирована предположением Вал. По ее мнению, я

рассержена не потому, что практически с ней не вижусь, а потому что мне не нравится Эзра.

— Я переживала. Мне хочется, чтобы он тебе понравился. Он удивительный. И я это говорю вовсе не потому, что я его девушка. — Она краснеет, когда произносит слово «*девушка*». — Итак, на какой фильм мы идем?

— «Чужие 2».

— Нам же не понравилась первая часть?

— Нас практически выгнали, — отвечаю я. Мы обе смеемся, вспоминая этот момент. «Чужие» — отстойный фильм, поэтому мы хихикали и комментировали весь сеанс. Почему режиссеры фильмов ужасов думают, что девушкам нравится бродить топлесс, когда за ними охотится пришелец-убийца??? Билетер зашел в зал и сказал, что нам следует успокоиться или он нас выводит.

— Фильм был отстойный! Интересно насколько плоха будет эта часть, — говорит она.

Я взволнована от того, что она уже предвкушает. Может быть, все будет как в старые добрые времена.

***

Я сижу на заднем сиденье белой «Тойоты Камри» Эзра и играю с дырой в обивке. Работающие дворники заглушают голоса с передних сидений. Чувствую себя ребенком в детском кресле. *Как будто они одни в машине.* Где их чувство такта?

Если дорога ровная, то они держатся за руки. На каждом светофоре, когда мы останавливаемся на красный свет, Эзра обдает горячим дыханием пальцы Вал, а потом их целует.

— Что? — Эзра спрашивает Вал, которая не отрываясь смотрит на него.

— Ничего, — застенчиво отвечает она. — Я просто за тобой наблюдаю.

— Ну, тогда ты будешь вести машину на обратном пути, чтобы я смог понаблюдать за тобой.

Они уже дважды это повторили.

— Эзра, а ты хочешь посмотреть «Чужие 2»? — спрашиваю я, как бы намекая, что на заднем сиденье тоже кто-то есть.

— А о чем он?

— Астронавты на заброшенном корабле должны победить расу злобных пришельцев, которые едят человеческие мозги. Они понимают, что смогут спастись, только если убьют королеву, которая и дает пришельцам силу по высасыванию мозгов. Будь готов много смеяться. — Сейчас Вал не смеется. Она, видимо, ожидает реакцию Эзра, чтобы подстроиться под его ответ.

— Я не силен в ужастиках, поэтому должно быть интересно. Я обычно хожу в кинотеатр при колледже. Они показывают хороший артхаус и классику, — его низкий голос разносится по всей машине.

— Всегда хотела посмотреть там что-нибудь, — говорю я.

— Правда? Вал сказала, что вы все время туда ходите.

— Да?

Я смотрю на лицо Вал в зеркале заднего вида. Ее глаза умоляют меня согласиться.

— Да, мы ходим, — выразительно говорю я. — Просто я засыпаю спустя минут десять после начала. Поэтому, технически, так и не посмотрела ни одного фильма, — надеюсь, это

имеет смысл.

— Согласен, некоторые из них неинтересные, но есть много самородков.

Он заезжает на парковку возле закрытого торгового центра. Яркие, сверкающие огни кинотеатра освещают все вокруг, как казино.

— Ого, я не был в кинотеатре уже сто лет. Буду выделяться из толпы, как Элви в Лос-Анджелесе, — говорит Эзра, легко пихая Вал локтем.

— Как кто? — спрашивает она.

— Элви Сингер, — отвечает он. Имя ничего не говорит ни мне, ни Вал. — Из «Энни Холл».

— А, понятно! — говорит Вал.

— Ты в порядке?

— Извини, тяжелая неделя.

Эзра тихонько смеется. Они опять держатся за руки. Вал выдыхает. Краски опять приливают к ее лицу. Он находит место недалеко от кинотеатра, паркуется и ухмыляется Вал.

— Что? — спрашивает она, краснея.

— Ничего, — говорит он. — Я просто за тобой наблюдаю.

Это все еще продолжается.

***

Из-за дождя половина учеников старшей школы сегодня пошла в кино. Очередь для тех, кто покупает билеты по студенческому, тянется почти до самой билетной кассы. Я даю Эзра деньги на билет и с опаской делаю следующий шаг. Курс на преодоление общественных препятствий. Я прохожу мимо групп людей, которых вижу каждый день в коридоре школы, одна. Не знаю, правда ли это, но, кажется, что все взгляды прикованы ко мне, оценивая мой общественный статус. Мне хочется прокричать им, что *я здесь с друзьями. Просто води себя нормально, Бекка*. Когда я мельком бросаю взгляд на смотрящих, то замечаю много парочек. Думаю, это нормально для вечера пятницы в кинотеатре. Вал и Эзра стоят в очереди за билетами, держась за руки.

Как только начинается фильм, мне сразу становится легче. Можно оставить настоящее позади и сфокусироваться на астронавтах, которых убивают замысловатыми, отвратительными способами.

Ну, я думала, что смогу.

Но у Вал и Эзра свой собственный фильм. Им мало просто держаться за руки, ведь это целый процесс, который необходимо наращивать. Их легкие движения отвлекают меня. Эзра поглаживает руку Вал, пока она делает вид, что смотрит кино. Потом он обнимает ее, но и этого мало! И вот они держатся за руки. Думаю, не для того, чтобы их тела были ближе друг к другу. Она прислоняется к нему и гладит его руки. Но затем ему хочется погладить ее по бедру, а это означает, что она уже не может прислоняться к нему. Она принимает нормальную позу. Но и руки на ее ноге недостаточно, поэтому он опять кладет руку ей на плечи. Их тела, как неподходящие кусочки пазла. На экране показывают, как парню щупальца прокалывают глаз, а я не имею понятия, как это случилось, но...

Я трогаю Вал за плечо.

— Я в туалет, — шепчу я. Нагибаюсь и пробираюсь к проходу, из которого заметно, что

в кинотеатре одни парочки, и каждая в том или ином виде подражает движениям Вал и Эзра.

Я выхожу в холл, и мое настроение резко ухудшается. Любители кино ожидают сеанса на восемь тридцать. Большинство из них учатся в нашей школе, а в центре всего — Хаксли и Стив со своими друзьями. Неужели не могли найти места получше?

Я избегаю зрительного контакта с ними и мчусь прямо в туалет, игнорируя периферийное зрение. Все, что я вижу — это туалет, мое убежище, спасение от затруднительного положения.

Я врезаюсь в женщину с сыном. Их попкорн рассыпается по всей красной, ковровой дорожке. Развлечение для толпы.

— Простите.

— Смотри куда идешь!

— Извините.

Я оглядываюсь назад. Конечно, Хаксли и Стив прямо передо мной.

— Ребекка.

— Привет, Хаксли.

— Ты одна? — Ее волосы сухие, а с волос Стива на мокрые плечи капает вода. Зонт лежит у ног.

— Нет, я пришла с Вал и Эзра. Они в зале.

— О, это так благородно с их стороны позволить тебе примкнуть к ним, — говорит она.

Эддисон и ее парень, который учится в колледже, но по-прежнему посещает все мероприятия в Ашлэнде, ржут, а я чувствую, как жар приливает к моим щекам.

Женщина, в которую я врезалась, появляется снова.

— Эй, они взяли с меня три доллара за попкорн. И ты за него заплатишь.

У меня нет галлюцинаций: абсолютно все смотрят на меня. Я шокировано открываю рот, а за ушами пот течет градом. Когда через десять лет у нас будет вечер встречи выпускников, меня будут представлять как одинокую девушку, которая рассыпала детский попкорн.

— Отлично, Ребекка, — говорит Хаксли.

— Мы же были подругами!

Она кладет голову Стиву на грудь, и он обнимает ее. Это ее ответ, и я ясно и четко понимаю его. Остальные девушки в очереди обнимают своих парней, благодаря Бога, что они — не я.

Я вручаю деньги, избавляюсь от мыслей об этой старухе и о туалете и несусь в зал.

Я спускаюсь к своему ряду и вижу, что Эзра и Вал лижутя. Думаю, им не терпелось избавиться от меня. Дотрагиваюсь до плеча Вал, но она настолько увлечена, что даже не замечает. Я стою в проходе. Один из придурков-одноклассников шипит на меня:

— Сядь!

Эти двое не останавливаются. Я сажусь на пустое место позади них. Пытаюсь сконцентрироваться на фильме, но все, что я могу видеть — это как моя лучшая подруга и ее парень слюнявят друг друга.

А ведь мы были подругами.

Глаза завлакивает пелена слез. Слава богу, что темно. Боковым зрением, я замечаю, как Вал и Эзра чуть ли не вылизывают лица друг друга, но, в конце концов, фильм поглощает меня. Два оставшихся в живых астронавта сражаются со злой королевой. Ее щупальца жадно

кружит вокруг, пытаюсь достать их в космическом корабле. Благодаря тем мозгам, которыми она уже высосала, королева просчитывает наперед все их действия. Она умнее, быстрее и абсолютно безжалостна. Но они умудряются протиснуться в спасательную капсулу, взорвать корабль и убить королеву. Этот тупой фильм просто приковал меня к месту и открыл мне новое видение мира. Чувствую, будто я там, с астронавтами, и мне хочется завизжать во все легкие, когда корабль, наконец, взрывается. Это как божественное предзнаменование, что сегодня я пришла посмотреть этот фильм.

Я должна уничтожить злую королеву.

11

Мне не нужно готовиться, чтобы составить досье на Хаксли и Стива. Как только я возвращаюсь домой из кинотеатра, сразу же несусь в свою комнату и достаю записную книжку. Все в школе, включая учителей, знают их историю. Это как неотъемлемая часть социального учебного плана. Я быстро строчу по памяти, слова льются из меня быстрее, чем могу записать. Ручка так и летает над страницей.

Я объединяю их истории отношений, так как они встречались только друг с другом. Как восхитительно... и скучно.

Хаксли Манозер и Стив Оверлэнд

История отношений.

С 8 класса (Стив)/7 класса (Хаксли) по настоящее время.

— Стив — новичок, играет в футбол. Хаксли — приятная и обычная девушка, встречает Стива и становится популярной стервой.

— К концу второй недели вместе сидят за ланчем.

— В середине сентября появляются вместе на вечерниках.

— Официально подтвердили отношения в статье школьной газеты.

УПЧНП — ВЫСОКИЙ

— Держались за руки в школе, целовались в коридоре, ничего неприличного.

Подтвержденные слухи:

Зима второй/первый курс. Стив перепил текилы, и его вырвало на Хаксли (один из моих любимых).

Осень предпоследний/второй курс. Хаксли была на диете, принимая ягоды акаи и похудела на шесть фунтов к коронации на выпускном.

Осень последний/предпоследний курс. Хаксли и Стив смотрели на обручальные кольца на витринах магазинов.

Когда прекращаю писать, рука дрожит. Неужели после четырех лет отношений в качестве самой популярной пары школы нет других слухов? Драк, скандалов? Хаксли мастерски контролирует общественные отношения, никто и никогда бы не догадался, что родители Стива хотят их разлучить. Почему в школе, где учатся полторы тысячи детей, практически нет сплетен об этой парочке? Их отношения не могут быть настолько идеальными, как кажутся.

***

Следующим вечером мы с Дианой составляем план битвы за остатками пиццы.

— Терпеть не могу, что середина пиццы никогда не подогревается в микроволновке. Края подгорают, а середина так и остается холодной, — ворчит она, хотя в любом случае ее съест.

Мое досье и ежегодник лежат на обеденном столе. Родители сегодня на бар-мицва, поэтому мы можем разработать план в уединении.

— Больше шансов, что Стив бросит Хаксли. Она никоим образом никогда его не бросит.

— Не уверена. В следующем году он не будет звездой футбола. Его мачо-имидж упадет.

— Он ради нее поступает в Вермилион, — говорю я. — И она, вероятнее всего, присоединится к нему, когда мы выпустимся.

— Это безнадежно.

— Не стоит недооценивать силу доведенного до предела парня.

— Черт! — Диана вытирает со своей спортивной кофты каплю упавшего соуса. — Так как его семья ненавидит ее, он, вероятно, ищет способ избавиться от нее. Тебе надо проработать план под этим углом. Попробуй пообщаться с его родителями.

— Не думаю, что это хорошая идея, — говорю я. Я не вмешиваю семьи в планы по разбиванию пар. У меня есть правила, несмотря на то, чем занимаюсь. Я нарезаю круги по комнате, осторожно, чтобы не разбить одну из маминых античных ваз.

— А что, если он станет подозревать ее в измене?

— Сомневаюсь, что она будет ему изменять, и он это знает. — Лицо Хаксли всплывает у меня в голове. Почему кто-нибудь захотел бы с ней расстаться? Я вспоминаю все их впечатляющие мгновения во время учебы. Ее жизнь, как кино — каждая деталь срежиссирована так, чтобы девочки хотели быть похожими на нее. Если ты ее друг или парень, то должен знать отведенную тебе роль. А если же ты не вписываешься, то о тебе просто забывают.

— А что если она будет думать, что Стив ей изменяет? — спрашиваю я.

Диана допивает колу.

— Он не станет.

— Да, но если мы заставим ее думать, что он изменяет?

Диана отодвигает в сторону еду и напитки, и полностью обращает свое внимание на меня.

— Продолжай.

— Если Хаксли будет подозревать его в измене, то она взбесится и попытается еще больше контролировать Стива, а это, думаю, может довести его до предела. Но все нужно сделать постепенно. Если мы пойдем простым путем и, к примеру, пошлем пошлую смску, то она сразу все раскусит. — Я прокручиваю в голове все варианты.

— Это может сработать, но кто будет его любовницей?

Тут голова перестает работать. Ни одна девушка в школе не посмеет встречаться со Стивом. Они знают, что он помечен как «Собственность Хаксли Мапозер». И нет ни одной девушки, которую бы я ненавидела настолько, чтобы превратить в ничего неподозревающую любовницу. Я вспоминаю Стива в его первый день в школе: такой симпатичный, очаровательный и высокий. Он сразу же стал популярным, нежели Хаксли. Не может быть,

чтобы она была его первой девушкой. Это просто невозможно. Такие парни долго не залеживаются. Должен же быть кто-то до нее, кто остался в Лэлэнде — городе, где он жил раньше.

— Его бывшая девушка, — говорю я.

— Она у него была?

— Они всегда есть.

Мы идем наверх к компьютеру Дианы, чтобы посмотреть фотографии Стива на Фэйсбуке, но у меня нет доступа. Я не достаточно крута, чтобы быть его другом в любой ситуации, даже здесь. Все, что я вижу — это фотографию профиля: он и Хаксли на фоне заката обнимаются на озере. Может показаться, что это случайный кадр, но, скорее всего, Хаксли выжидала весь день, чтобы сделать ее именно такой.

— Отлично, — говорю я.

— У меня идея, — говорит Диана. — Хотя и немного старомодная.

***

— Они хранят весь этот мусор? — тихо спрашиваю я.

— Да. Это общественные записи. Они есть во всех городах, — говорит Диана громче, чем следует. Библиотекарь за стойкой для справок шикает на нее.

В зале витает запах старых книг, и, просто вдыхая его, я чувствую себя умнее. На стене позади меня висят огромные часы, и, кажется, будто записи библиотеки Лэлэнд — это маленький кусочек этих старых гигантских часов.

Диана быстро просматривает все полки, пока в итоге не находит ящик с надписью: «Ежегодники: средняя школа им. Джеймса Уитмора».

— Конечно, они в самом низу, — говорю я. Вдвоем мы выдвигаем ящик и перебираем альбомы истории Лэлэнда, пока не находим нужный год.

Я сразу же нахожу фотографию Стива в ежегоднике для проверки, что мы вытащили то, что искали, ну, и посмотреть, как он выглядел раньше. Когда я вижу его короткую стрижку и пухлые щеки, то начинаю смеяться. Хотя даже так он выглядит восхитительно.

Диана и я просматриваем странички спортивных команд, клубов, преподавательского состава, в общем, всего того, что было бы мне интересно, если бы я действительно училась в этой школе. Я поражена, насколько старше выглядят люди спустя всего пять лет. Хотя с другой стороны, прошло целых пять лет. Почти треть моей жизни!

Наконец мы добираемся до раздела: «Все и обо всех». По количеству фотографий, на которых есть тот или иной ученик, я сразу же могу определить: кто из них популярен. Такое ощущение, что у Стива свой собственный раздел, в котором есть несколько снимков его и гибкой блондинки с большими глазами и теплой улыбкой, которая убеждает меня, что она очень дружелюбная.

Анджела Бентли.

Мое внимание привлекает фотография, на которой они едят ланч. Он выбирает пепперони из своей пиццы и кладет на ее тарелку, а она отрывает корочки со своей и кладет на его. Это кажется таким обыденным. Специально для камеры, они обмениваются подозрительными взглядами. «Анджела и Стив: самая очаровательная пара!!!» — написано под снимком. И я с этим соглашусь.

— Ты была права, Би, — говорит Диана. Она опирается на шкаф и стучит пальцем по

энциклопедии. — Думаешь, они до сих пор общаются?

— Возможно, они дружат на Фэйсбук. Мне кажется, что они слишком милые, чтобы плохо расстаться. — Я возвращаюсь к настоящему, подальше от мыслей об этой парочке. — Может, я смогу залезть в его телефон и послать ей сообщение.

— Он удалит его до того, как Хаксли увидит. А даже, если она и увидит, он будет все отрицать. В любом случае, как *мы* об этом узнаем? Они же необычная пара. Они сильнее и умеют прятать свои секреты. Держу пари, что ни один из его друзей не знает об Анджеле.

Диана смотрит на меня в поисках ответа, но у меня его нет. Она права.

— Тебе нужно копнуть глубже, — продолжает она.

— Что ты имеешь в виду?

— Работай под прикрытием.

— Притворяться другом Хаксли и Стиву? — Я отмечаю это предположение. — Ни за что.

— Только Хаксли. Тебе нужно пробраться через их стену и быть принятой во внутренний круг. Чем больше времени ты с ней проведешь, тем больше шансов увидеть или услышать то, чего не должна.

— Это не сработает. — Хаксли никогда снова не станет моей подругой. Только мысль о том, что мне придется проводить с ней время, скручивает мой желудок.

— Почему нет?

— Хаксли не гений, но и не дура.

— Ты говорила, что у нее прослушивание для Студенческой Танцевальной Ассоциации. Если ты попадешь в ее команду, то сможешь проводить с ней много времени. Тогда мы лучше сможем понять, работает ли план.

— Ты действительно считаешь, что она станет со мной этим делиться?

— А разве вы не были подругами?

Я захлопываю ежегодник.

— Я не буду этого делать, Диана. Это не твое дело, а мое. И я отказываюсь. — Мой голос дрожит, но я остаюсь спокойной.

Диана не произносит ни слова. Она училась в колледже, когда Хаксли начала отстраняться от меня, и я рассказала ей об этом только спустя некоторое время. Тогда мы не были так близки, весь ее мир крутился вокруг Санкреша.

— Ты можешь это сделать, — наконец Диана нарушает молчание. На этот раз, она помнит о том, что нужно говорить шепотом. — Не для мистера Тауне, а для всех тех в школе, к кому относятся как к чему-то второсортному. Ты выведешь эти отношения на чистую воду.

12

— Ребекка, не ожидала тебя здесь увидеть.

— Что ж, вот она я! — я широко развожу руки в стороны и опускаю. Глубоко вдыхаю через нос. Я все смогу.

Пустой кафетерий выглядит совершенно иначе. Спокойно. Никакой толкучки в очереди. Просто зал со столиками и стульями. Хаксли сидит за столом с надписью: «Регистрация». Даже после учебы, во время которой она должна выглядеть наилучшим образом для полутора тысяч своих почитателей, Хаксли по-прежнему смотрится бодрой.

— Ты хочешь вступить в СТА? — Насмешка и осуждение — ее главное оружие, так и

слышится в каждом слове. СТА — это своего рода альтернатива чирлидерству, только менее ориентированное на гимнастику. Нас разделят на две команды: зеленые и белые, каждая из которых должна показать все, на что способна под разные треки.

— Да, мне нравится танцевать.

— Правда?

— Ты это знаешь.

Хаксли скрещивает руки и откидывается на спинку стула. Да, она помнит, хотя и не хотела бы. Как я только посмела вспомнить то время, когда она была простой смертной.

Раньше мы вместе посещали танцевальную школу для девочек имени Фрэнсис Глори. Фрэнсис была маленькой, пожилой женщиной с копной седых волос, которые были похожи на молнию в ночном небе. Она говорила с непередаваемым акцентом. Мы были им очарованы и пытались воспроизвести его в школе. Фрэнсис всегда ставила нас на задний план: мы были слишком высокие. Она называла нас телефонными столбами, что с ее акцентом звучало, как *теелефона стоолбы*.

— Это было много лет назад, — говорит Хаксли. — И, насколько я помню, ты перестала ходить.

Мне так хотелось сказать, что *это все из-за нее*. Занятия танцами потеряли свое очарование, когда она стала общаться с Эддисон и другими популярными девочками. Воспоминания об этом такие яркие и четкие, я отгоняю их.

— Невозможно забыть то, чему тебя научили. Это как езда на велосипеде.

— СТА немного сложнее.

— Ты права, — отвечаю я, надеясь, что не ляпнула лишнего.

Легким взмахом головы Хаксли грациозно откидывает волосы за плечи. Как бы мне хотелось, чтобы и я так могла.

— Ребекка, Студенческая Танцевальная Ассоциация — это не клуб для развлечений. Она только для серьезно настроенных танцоров. И я не уверена, что ты к этому готова.

— Любой допускается до прослушивания. Позволь мне показать, что я умею. — Я делаю несколько глубоких вдохов, чтобы сохранить веселое выражение лица.

— Справедливо.

Она включает музыку. Играет ремикс на олимпийскую тематику: тяжелые ритмы и басы на фоне духовых фанфар. Я притопываю ногой, чтобы поймать ритм.

— Начинай, когда будешь готова.

Я исполняю хореографический номер, взяв за основу воспоминания о том, что мы делали в танцевальной школе, и старые видео Бритни Спирс. Мы с Хаксли постоянно танцевали в ее подвале. Мы даже выкладывали некоторые из наших номеров онлайн, а затем быстро их удаляли. Я тренировалась все выходные, растягивала мышцы, часами кружилась по комнате, пока не отточила все движения. Не думаю, что кто-либо из претендентов так готовился к прослушиванию, но мне нужно было выглядеть идеально, чтобы Хаксли приняла во внимание мою кандидатуру.

Я поворачиваюсь и начинаю так быстро двигать телом, что Бритни бы мной гордилась. Каждое движение выверено до миллиметра. И мне это нравится. Я вспоминаю, что когда-то у меня был огромный талант к этому. Думаю, он у меня до сих пор остался. Делаю выпад вперед и замираю в финальной позе.

— Спасибо, — говорит Хаксли с таким видом, словно я вручила ей купон на улице. Она не делала никаких замечаний в блокноте. Оу, а ее ручка гармонирует с туфлями. Не думаю, что

это совпадение.

Спасибо? И это все? Я задерживаю дыхание, пока Хаксли наносила крем на руки. Потратить на это все выходные и так безрезультатно? И как только я могла подумать, что будет хоть какая-то справедливость?

— Спасибо! — киваю я, ослепительно улыбаясь. Я не задаю ей вопросов. Это прямой путь к отказу. — Буду держать пальцы скрещенными всю неделю! Так волнуюсь! — Может быть, смогу заработать этим пару дополнительных очков. Меня бесит, что в данный момент Хаксли имеет надо мной власть, но я продолжаю повторять про себя «Королева Чужих», снова и снова, чтобы оставаться сосредоточенной.

— Мы вывесим список в четверг.

— Отлично!

После неловкого момента молчания, я понимаю, что она все сказала, и забираю сумку с жакетом.

— Ты действительно волнуешься по поводу вступления в СТА?

— Да. Всегда хотела это сделать, — это не совсем ложь. Мне действительно нравилось танцевать и, возможно, при других обстоятельствах, я бы от всего сердца танцевала для СТА.

— Так не похоже на тебя, — пристально смотрит на меня Хаксли, ее глаза оценивают мои модные балетки и недавно уложенные волосы. Да, я немного привела себя в порядок. Никто не идет на прослушивание в СТА, выглядя так, будто отсидел шесть часов на уроках. — Ты не поддерживаешь дух школы. Ты не танцевала с седьмого класса. Но вот ты здесь. Безупречные движения. Просто все очень неожиданно и... интересно.

В горле нарастает ком, во рту пересохло. Знаю, я выглядела слишком слащаво, чтобы все прошло нормально. Так что, пытаюсь придумать что-нибудь в ответ.

— Не знаю. Люди могут измениться, — говорю я, но Хаксли не купилась на мое оправдание. Так же как и я.

И тут у меня возникает идея. Она кажется такой очевидной, словно только и поджидала меня. Я хватаю стул и сажусь напротив Хаксли. До меня доносится сладкий запах жимолости от ее крема для рук. Настал момент истины.

— Это кажется тебе интересным, да? — говорю я

— Да.

— Между нами, я делаю это не для того, чтобы поставить галочку в своем школьном списке. У меня есть скрытый мотив, — я наклоняюсь вперед и понижаю голос. — Я абсолютно уверена в том, что вступление в СТА поможет мне найти парня.

Хаксли выпрямляется и поднимает брови.

— Ты... хочешь найти парня?

— Да. У всех девочек в группе самые лучшие парни, особенно у тебя

— Это правда.

— То есть выбор стоит между командой и чирлидерством.

— О, только не чирлидерство. Эти девчонки просто шлюхи, — она ухмыляется и кивает, ей нравится эта перемена во мне.

— Честно говоря, если кто-то и может научить меня, как заполучить приличного парня, так это девушка Стива Оверлэнда. — Может быть, я была слишком слащава, но посмотрев на нее, я понимаю, что Хаксли все это проглотила.

— Ребекка, а чем это вызвано?

— Я много думала, о том, что ты сказала тогда на уроке. И ты права. Я просто очень

боялась любить и ненавидела отношения только потому, что у меня их никогда не было. Но я готова к переменам, — я прикладываю руку к сердцу, изображая героиню романтических фильмов. — Если я буду в СТА, то парни обратят на меня внимание.

— Так и есть. Правильное окружение привлечет к тебе подходящий тип парней. Кроме того, СТА — это просто круто!

— Да, и мне нравятся костюмы. Какая тема в этом году?

— Олимпиада. Каждый танец будет представлять отдельный вид спорта. Я хочу, чтобы мы объединили хореографию и атлетические упражнения.

— Мне нравится, — мне действительно это нравится. Хаксли сверкает от гордости. Она президент СТА не только потому, что ей хочется власти.

— Это так неожиданно.

— Знаю. Предпочитаю узнать все о парнях из самого лучшего источника.

Она краснеет.

— Я не знаю.

— Возможно, это звучит странно, но я готова начать все с чистого листа. — Я поднимаюсь и собираю вещи. Она не останавливает меня. — Хаксли, я знаю, что мы разные, но мне бы действительно пригодилась твоя помощь.

Наступает еще один неловкий момент. В этот раз его прерывает Хаксли.

— Хорошо, — говорит она и улыбается мне своей искренней белозубой улыбкой.

— Огромное спасибо, — отвечаю я. Это выглядит, как благодарность крестьянки перед барыней, но мне необходимо, чтобы она была уверена, что ситуация под ее контролем. — С чего начнем?

Хаксли проверяет время на настенных часах.

— Не сейчас. Мне нужно встретиться со Стивом.

— Горячее свиданье?

Она озадаченно смотрит на меня. Думаю, мы еще не дошли до стадии дружеского подшучивания.

— Стив работает в пиццерии «Марио» по вечерам понедельника, поэтому я тусуюсь там, составляя ему компанию. Обычно в это время там никого нет.

— Как мило.

— Мне нравится проводить с ним время, даже если он просто собирает коробки для пиццы. Скоро ты узнаешь, каково это.

— И ты ходишь туда каждый понедельник? — спрашиваю я.

— Да. В пиццерии удобно делать домашнюю работу, — засовывает она свой блокнот и розовую ручку в сумку. Она носит с собой даже меньше учебников, чем Вал. — Ребекка, у тебя есть дома туфли на каблуках?

— Да.

— Начинай их носить.

Когда она прощалась со мной, я едва смогла помахать ей рукой. В моей голове только что созрел отличный план, как разбить их пару.

Мой отец никогда не выбрасывает купоны. Наш кухонный ящик забит скидками в любой ресторан и на любой продукт, которые только можно вообразить: еда, овощи, одежда,

телевизоры, корм для собак, хотя у нас даже нет собаки! Я потратила около получаса, просматривая конверты, набитые предложениями, пока не нашла то, что нужно. На фоне куска сицилийской пиццы написано: *«Пиццерия «Марио». Любая большая пицца за полцены. Акция действует только по понедельникам»*.

— Бекка, что ты там делаешь? — спрашивает мама. — Ты опоздаешь.

Я засовываю купон в кошелек и хватаю свою спортивную сумку. Каблуки звонко стучат по паркету, когда я выбегаю за дверь.

В середине восьмого урока, я получаю очень содержательную записку от Вал.

«О, МОЙ ДОЛБАНЫЙ БОГ!!!»

Мне даже не приходится ждать ее после урока. Она сразу же подбегает ко мне и хватается за плечи.

— Бекка, — Вал тяжело дышит. Она пристально смотрит мне в глаза, пытаясь телепатически сообщить мне что-то. Я ничего не понимаю.

— Вал.

— Бекка. — Ребята снуют мимо нас. — Бекка.

— Давай, говори уже.

— Эзра. Сказал. Мне. Что... — Вал топает ногами, готовая взорваться от возбуждения. — Он думает, что начинает в меня влюбляется. Влюбляется! В меня! Эзра! Самый привлекательный, адекватный парень в школе.

Мой желудок связывается узлом. Она еще не извинилась за то, что относилась ко мне как к ручной клади в кино, но, думаю, этого она никогда не сделает. Факт того, что Вал находится в отношениях, не дает ей права быть паршивой подругой.

— Гм, алло? — говорит Вал. — Какие-нибудь мысли, комментарии, сомнения?

— И что это означает?

— Очевидно, прошло слишком мало времени, чтобы мы влюбились друг в друга. Но он считает, что уже влюбляется.

— Почему он заранее говорит тебе об этом? Если он влюбляется в тебя, то пусть просто сделает это. Или же он хочет проверить тебя? Я влюбляюсь в тебя. Продолжать в том же духе? Отлично!

— Думаю, ты слишком утрируешь. Он говорит мне, что наши отношения... О, Господи, я в отношениях! С парнем! Правда, круто? Так вот, наши отношения имеют потенциал для развития. Думаю, именно это он и имел в виду. Я права?

Я смотрю на часы. Уже почти два тридцать. Я тяну Вал по коридору, и мы продолжаем наш анализ.

— Не знаю, — говорю я. — Но это реально странно. И слишком быстро. Он просто это выпалил?

— Это не те слова, которые можно «просто выпалить», — отвечает Вал. Она рассказывает, что в субботу они ходили на экскурсию в Форт Ли. В этом месте снимали фильмы в 1910-х. «Голливуд до Голливуда» — сказал он ей. Это было до того, как режиссеры поумнели и перебрались в солнечный Лос-Анджелес. Эзра даже провел ей персональную экскурсию по одному из павильонов звукозаписи. Вал вскоре стало скучно, но ей понравилось, как он был увлечен. Вероятно, когда Эзра ей все расписывал, то сиял как рождественская витрина универмага.

Вал смотрит на меня.

— Разве ты не счастлива?

— За тебя? Нет, что ты! Это здорово, — говорю я с энтузиазмом.

— Невероятно убедительно. Ты моя лучшая подруга. Я думала, что у тебя будет больше эмоций.

— Я... Просто сейчас кое-что изменилось.

— Ничего не изменилось. Только у меня в жизни появился кто-то еще.

— Знаю. — А также знаю, что это неправда. Проверяю время на телефоне: два двадцать семь.

— Мне нужно бежать, — говорю я. — Может, встретимся позже?

— Не могу. Мы с Эзра собираемся вечером позаниматься вместе. Куда ты торопишься?

— На тренировку, — убегаю я.

— На что? — спрашивает Вал, но меня уже нет, только стук каблучков разносится по коридору.

***

Я захожу в зал в два тридцать пять. Сорок пар глаз пристально смотрят на меня, но никто не говорит, ни слова. Они растеряны. Я направляюсь к местам на трибуне, не поднимая головы. И когда это клубы стали начинать занятия вовремя?

— Ты опоздала, — говорит Хаксли.

— Прости. Я не знала, что вы начинаете ровно в два тридцать.

Я сажусь в первом ряду.

— Встань, — говорит она. — Сядешь, когда я закончу.

— Ты серьезно?

Она бросает на меня испепеляющий взгляд, и я понимаю, что так оно и есть.

Я делаю, как она говорит.

Все девчонки смотрят на меня. Даже парни, работающие с декорациями на сцене, вытаращили глаза.

Хаксли поворачивается к остальным.

— У нас есть возможность тренироваться всего два часа в день и только шесть недель, чтобы выучить и отточить восемь танцев. Поэтому, когда я уведомляю вас о том, что занятия начинаются в два тридцать, то так оно и есть. — Она поднимает бровь и смотрит на меня.

Сообщение принято.

Она опять улыбается, никаких следов недовольства. Я сажусь.

— Ребекка, я не разрешала тебе садиться.

Только мысль о разрушении ее отношений, о ней, сидящей за столиком в кафе, одинокой и всеми забытой, заставляет меня встать.

— Теперь нам нужно выбрать какой вид спорта будет представлять каждая команда. Капитаны должны написать на бумажке только один из видов. В этом году процесс будет демократичнее, мы будем тянуть жребий из шляпы. — Хаксли даже не осознает, что это совсем не похоже на демократию.

Она тянет первая, на ее лице преувеличенное нетерпение.

— Моя команда, наш вид спорта... керлинг? Что еще за керлинг? Кто его написал?

Мерedit Артурро, капитан одой из малочисленных команд, делает шаг вперед.

— Это как шаффлборд на льду.

— Шаффлборда нет на Олимпийских играх.

— А керлинг есть. Он очень популярен в Канаде.

Пока они ушли проверять на ноутбуке, входит ли керлинг в список олимпийских видов спорта, мои соратницы по команде начинают переговариваться. Девяносто процентов их предложений начинается с «Мой парень».

— У моего парня самый очаровательный на свете золотистый ретривер.

— У моего парня на следующей неделе тест по вождению, и он тренируется как помешанный.

— Я со своим парнем ходила в суши-бар, хотя он и ненавидит японскую еду. Я сказала ему, что суши восхитительны, а он ответил, что его стошнит, если положит в рот хоть кусочек из этого. Поэтому мой парень взял себе курицу. В суши-баре! Ха-ха.

Они ждут, когда я присоединюсь к их беседе. Я стою с открытым ртом.

— Не знала, что в суши-барах подают курицу. — Девушки улыбаются и продолжают свой содержательный разговор.

Парни на сцене собирают первые декорации. У каждого танца они свои. Для усиления главной темы, декорации будут двигаться по сцене. Интересно, как школа смогла привлечь к этому парней. Тут я замечаю знакомое лицо, рисующее олимпийские кольца на холсте.

— Привет.

— Ты что, в СТА? — спрашивает Эзра. На его висках капельки пота, лицо и руки покрыты пятнами краски.

— Да. Моя жизнь — танцы.

— Моя тоже, но, я считаю, что костюмы слишком сковывают движения, — говорит Эзра, демонстрируя склонность к сарказму. — Поэтому я рисую.

— Ты рисуешь, — присматриваюсь я к его шедевру. Кольца больше похожи на квадраты, которые нанесли резкими мазками кисти. Рисование определенно не его конек. — Выглядит неплохо.

— Да... — Он окунает кисть в краску и пытается уверенно держать руку над холстом. Но у него это не получается. — Я готовлю промежуточное видео для шоу, но так как технически это часть работы по подготовке декораций, то я вынужден помогать. Хорошо хоть я уговорил помочь своих товарищей, с которыми мы смотрим фильмы.

— Нужно найти того, кто сможет закрасить твои мазки, — говорит его друг Джефф О'Салливан.

— Думаю, во мне больше от Кубрика, чем от Кандинского.

— Ты делаешь видео? Это круто, — говорю я. На видео капитаны СТА и их бойфренды пытаются в шутливой форме представить шоу и танцы. Обычно они единственные, кто думает, что получилось смешно, но я верю, что Эзра сможет подготовить что-нибудь стоящее. — Надеюсь, они у тебя получатся лучше чем «Чужие 2».

— На самом деле, там было несколько интересных моментов, — лицо Эзра начинает сиять, как всегда, когда разговор заходит о фильмах.

— Да, и самый главный — это то, что фильм длился меньше полутора часов.

Возможно, фильм бы и понравился мне больше, если бы не пришлось смотреть, как они с Вал вылизывают друг друга. Я вздрагиваю от этих воспоминаний.

— Полностью с тобой согласен, — говорит Джефф, откидывая назад свои тонкие, светлые волосы. Бедный парень, к тридцати он, скорее всего, облысеет. К счастью, он встречается с Карри Кирби с первого курса, а ей, кажется, все равно. Они — одна их тех пар, у которых есть интересы помимо друг друга. Очень плохой образец для подражания.

— Моим любимым моментом в фильме стали титры и когда тот ученый снял с нее топик.

— В фильме были по-настоящему страшные сцены, а также интересный романтический сюжет с Тони и Викторией, — говорит Эзра.

Я откидываю голову назад и начинаю смеяться.

— О, пожалуйста! Это там, где они провели вместе одну ночь, и он страшно влюбился в нее, а потом пожертвовал свой мозг чужим? Именно такие любовные отношения я ненавижу в фильмах. Парень лишь однажды смотрит на девочку и моментально в нее влюбляется.

— Так бывает. Ты просто видишь кого-то и чувства, которые возникают с первого взгляда, сражают тебя наповал.

— В кино. Но не в жизни.

— Ты влюбляешься сразу, а не постепенно, — Эзра хлопает по своей груди, еще больше пачкая свою футболку. — Сердце не знает, что такое постепенно.

Все, что говорит Эзра просто требует слащавого музыкального сопровождения и блесков на заднем фоне. Интересно, мама читала ему в детстве поздравительные открытки? Джефф полностью со мной согласен и делает вид, что его сейчас стошнит. Эзра пихает его под ребра.

— Чувствовалось, что между Тони и Викторией есть влечение, — говорит Эзра.

— Эзра, ты хотя бы знаешь, что такое одноразовая связь? В эту ночь Виктория чувствовала только одну вещь внутри себя, и это явно была не любовь.

Он кивает, захваченный врасплох моими отнюдь не девичьими высказываниями.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Давай совместим приятное с полезным, — он вручает мне кисть с оранжевой краской.

— «Чужие 2» не такой уж и плохой фильм, но ему определено далеко до «Касабланки», — говорит он. Эзра выражается как ни один другой парень в школе. Словно глоток свежего воздуха.

— Тут ты прав. — Мой отец заставил меня посмотреть этот фильм, когда был снегопад. Он сказал, что если я продолжу смотреть реалити — шоу, то мой мозг стухнет, поэтому настало время посмотреть что-нибудь стоящее. Обычно мне не нравятся фильмы, которые он рекомендует, но этот меня захватил. В следующие выходные, вдохновившись Хамфри Богартом, я пошла в магазин и купила себе тренч.

— Тебе нравится «Касабланка»?

— Да. Это классика.

— Интересно, — говорит он, вытирая капающую краску своей футболкой. — Этот фильм очень романтичный.

Я приостанавливаю свои попытки закруглить его квадратные кольца.

— Совсем наоборот. Это один из тех фильмов, где логика побеждает любовь. Рик осознает, что он и Илза отлично провели время в Касабланке, но все не настолько серьезно, чтобы умолять ее бросить мужа.

— Не настолько серьезно? Когда Рик просит Илзу сесть на тот самолет — это любовь. — Эзра делает такое же страдальческое выражение лица, как и моя мама, когда она присоединилась к нам, чтобы посмотреть финальную сцену.

— Сказать ей уезжать с мужем и никогда не возвращаться — на твой взгляд и есть любовь?

— Он заботился о ней, хотел, чтобы она была в безопасности и у нее была счастливая жизнь, даже если не с ним.

— Или он понял, что их роман не стоит того, чтобы ради этого рушить свои жизни. Если бы он действительно ее любил, то не позволил бы ей сесть на тот самолет, — направляю я свою кисть на него.

— Давай подведем итог: здесь мы не согласны друг с другом, — возвращается он к работе. — А что насчет «Титаника»? Это определенно самый романтичный фильм за последние двадцать пять лет.

— Я думал, что у чудаков, помешанных на фильмах, хороший вкус, — вмешивается Джефф. — Друг, ты реально должен сходить с нами на фильм Майкла Бэя.

— Тем не менее, это классика.

— Джек и Роуз? У них был всего-навсего курортный роман, — говорю я. — Он учит ее плевать, она видит его в смокинге, и вдруг ни с того ни с сего оказывается, что они родственные души? Не-а.

Почему девушки в школе предпочитают фильмы с несчастливым концом? Половина пар в этих фильмах либо умирает, либо разъезжается. Но они все никак не могут ими насытиться. «Титаник», «Влюбленный Шекспир», «Искушение», «Дневник памяти» «Спешите любить» и любой другой фильм по романам Николаса Спаркса. Моим одноклассницам хочется отношений, но в тоже время они поклоняются фильмам, в которых пары никогда не остаются вместе. Я этого не понимаю.

Эзра пытается закончить свои кольца.

— Тогда тебе, должно быть, нравится «Волшебник из Страны Оз».

— Почему? В этом фильме романтика отсутствует напрочь.

— Именно это я и имел в виду, — улыбается он, смотря наверх и влево. Так он выглядит как ребенок, выпрашивающий печенку. Вал права. С объективной точки зрения это смотрится очаровательно.

Хаксли снова начинает говорить. Меня охватывает паника. Я бросаю кисть в банку с водой.

— Мне нужно идти, — говорю я.

Эзра салютует:

— Спасибо за помощь.

— Спасибо тебе, — говорит Джефф. — Теперь это выглядит куда лучше.

Я оборачиваюсь.

— Ребята, вы ведь в курсе, что в Олимпийском символе нет оранжевых колец?

***

Анджела,

Мы давно не общались. В этот понедельник я работаю в вечернюю смену — отдам тебе свое пепперони, если ты поделишься корочкой:)

Я вкладываю купон в записку и запечатываю конверт. Иду в тапочках по своей подъездной дорожке. Слава богу, можно отдохнуть от каблуков. Бросаю конверт в почтовый ящик и поднимаю флажок вверх. Ветер пронзает мою кожу и толкает назад.

О, нет, Мать-Природа. Сегодня ты меня не остановишь.

Первые три дня тренировок в СТА показались мне адом — потянутые мышцы, растянутые связки. Я и понятия не имела, что все мое тело может так болеть, включая ногти, мочки ушей и даже указательный палец. Девчонки же из команды едва потели.

Так как я вхожу в команду Хаксли и участвую в ее финальном танцевальном номере, то вынуждена выглядеть идеально. Наш номер должен заставить людей подняться со своих мест. Когда я думаю, что мы уже достойны танцевать на Бродвее, Хаксли находит слабые места. Она резка до крайности. Пока она нас тренирует, мы должны отказаться от сахара и любых сложных углеводов. Больше всего Хаксли любит находить ошибки у других танцоров. Особенно у меня.

— Ребекка, на счет раз ты начинаешь с правой ноги, а не с левой. Знаешь разницу между левой и правой?

— Ребекка, ногу нужно поднять выше. Ты же не пинаешь футбольный мяч.

— Ребекка, улыбайся. Ты должна выглядеть веселой.

— Ребекка, — ее передергивает от вида пятен пота подмышками и между ног. — Неважно.

Это и есть ее план? Ежедневно ругать, унижать меня и причинять мучительную боль? Я вступила в СТА или в какую-то секту? Полагаю, она никогда и не думала мне помогать. Я — ее развлечение. Та, которая веселит во время танца всю команду.

Единственное, что позволяет мне продолжать идти вперед — это то, что через несколько дней наступит понедельник.

***

— Человек-паук гораздо круче, чем Железный человек, — говорит Фред своим друзьям перед тем, как закинуть в рот горсть картошки фри, политой кетчупом. — Единственное, что есть у Железного человека — это металлический костюм.

— По крайней мере, он может летать. Человек-паук может только раскачиваться. Ты когда-нибудь задумывался над тем, почему Человек-паук не сражается со злодеями в пустыне или тундре? Потому что там нет зданий, за которые можно было бы зацепиться и раскачаться, — отвечает Говард, откусывая кусочек кренделя.

Они спорили по этому поводу весь ланч, и ни один не закрывал рта, пока жевал. Так как Вал теперь ест с Эзра, я делю столик с Фредом, Говардом, Квентином и кучей комиксов в пластиковых обложках. Ну, по крайней мере, я не в одиночестве.

— А ты что думаешь? — спрашивает Фред. — Железный человек или Человек-паук? Кто круче?

Я пожимаю плечами. Я как-то больше подкована в квадратных уравнениях.

— Ну, Роберт Дауни Младший довольно-таки смешной малый.

— Съели? — вопит Говард. Двое других резко откидываются на спинки стульев. Это не так уж и ужасно, приятно не слушать разговоры о парнях, туфлях или одноклассниках.

Я машинально рисую на фотографии Хаксли и Стива с выпускного. Стива не трогаю, а Хаксли пририсовываю дьявольские рога, затемняю ей зубы, а в облачке мыслей пишу: «Я сука». Да, знаю, это по-детски. И это просто кусок бумаги. Но мне доставляет удовольствие

видеть, что Хаксли выглядит как дьяволица.

— Так Вал и Эзра теперь официально встречаются? — спрашивает Квентин. Он последний человек, интересующийся сплетнями Ашлэнда, на которого бы я подумала. Но, полагаю, всем ученикам нравится быть в курсе событий.

— Он «не мыслит шаблонами», — отвечаю я, демонстрируя пальцами кавычки. — Но да, они встречаются.

— Этот парень затеял серьезную игру, — говорит Говард, залпом выпив баночку Гавайского пунша. — Не помню, чтобы я когда-либо видел его без девушки. Ни дня.

— Кто-то, кажется, завидует, — говорит Квентин, показывая Говарду, что его зубы окрасились от сока.

— Нет, я просто говорю, что у парня всегда были девушки. Я им восхищаюсь. Мне бы хотелось иметь хотя бы половину его шарма.

— Тебе бы хотелось иметь половину его подружек.

— Да, и это тоже.

Я жду, когда Фред присоединится к разговору, но он занят изучением происходящего за другим столиком, там шесть парней, идентичных моим сотрапезникам, ютятся за столиком, охают и ахают над чем-то. Кубик-рубик? Плейбой?

— Джереми Фаулер принес еще один винтажный комикс о Бэтмене сороковых годов, — говорит Фред. Я пожимаю плечами. — Это как если бы девушка пришла в паре туфель от Джимми Чу.

Я закрываю блокнот, пряча фотографию.

— Не знала, что ты увлекаешься модой.

— У меня есть сестра, — он опять смотрит на тот столик. — Раньше мы сидели все вместе. У нас даже была своя традиция. Когда кто-нибудь приносил редкий комикс, мы давали себе двадцать минут, чтобы пролистать его и только потом ели. — Он опускает голову на руку, лежащую на столе.

— Что произошло? — кажется, я включаю рабочий режим специалиста по разбиванию пар.

— Дедушка Джереми умер, — говорит он, понижая голос. — Джереми в действительности никогда не был поклонником комиксов. Ему просто нравилось делать вид, что он знает, о чем говорит, а мы всегда игнорировали его. Однажды он перепутал Зеленый Фонарь и Зеленого Гоблина!

— Ну, они же оба зеленые.

— Поверь мне. Их нельзя перепутать, — говорит он. Фред трясет головой и выглядит взбудораженным. — Но потом умер его дедушка и неожиданно оставил ему в наследство винтажную коллекцию ДиСи Комикс. У парней потекли слюнки. Однако Джереми теперь думает, что он господин и настаивает на том, чтобы мы обсуждали только ДиСи Комикс, иначе он больше не принесет ни одной из книг. Парни и я, — он указывает на Квентина и Говарда. — Поклонники Марвел Комикс. У нас бывали такие дебаты за столиком, — Фред еще больше оживляется. — Но Джереми сказал, что этот столик только для настоящих фанатов комиксов — фанатов ДиСи. Прямо так и сказал! Конечно, я ответил, что это тупость. Тогда он поставил вопрос на голосование, а так как остальные парни хотели посмотреть старые комиксы, то встали на его сторону. Столик проголосовал, и когда мы вернулись на учебу после Рождественских каникул, нас отлучили. Хит Леджер, наверное, переворачивается в гробу.

— А почему вы ничего не сделаете? — спрашиваю я. Кто ж знал, что парни могут быть такими же коварными, как и девчонки. В моей голове начинают крутиться колесики, и формируется план.

— Он не станет меня слушать.

— Сделай так, чтобы он продал комиксы.

— Он этого не сделает.

— Сделает, если цена будет подходящей, — говорю я.

— В ресторане моих родителей я получаю восемь долларов в час. Предложение, от которого он не сможет отказаться, я сделаю лет так через пятьдесят.

Я смеюсь. Это как поток свежего воздуха, когда ты встречаешь в школе людей с хорошим чувством юмора. Быстро окидываю взглядом Джереми.

— А если его друзья узнают, что он продает комиксы? Они ведь сойдут с ума, не так ли?

— Продавать винтажные комиксы? Это кощунство! — Фред вздрагивает только от одной мысли об этом.

— Отлично. Зарегистрируй фальшивый аккаунт на eBay от его имени. Или, еще лучше, анонимно свяжись с ним и скажи, что ты готов заплатить за его коллекцию. Не миллионы, конечно, но приличные деньги.

— Но я не могу.

— Но он этого не знает. Тебе нужно только заинтересовать его, а потом невзначай обронить его друзьям, что он продаст комиксы, если поступит заманчивое предложение, — беспечно пожимаю я плечами. Эти гениальные идеи возникают у меня сами собой. — Даже если это и неправда, что тебе нужно — так это посеять зерно сомнений, и все сложится само собой.

Фред выглядит так, будто находится в своего рода прострации.

— Это, хм, крайность.

— Так же как и настраивание друзей против вас, и отлучение от столика.

— Это другое. Я не собираюсь опускаться до его уровня. У меня все еще есть эти парни, — говорит он, похлопывая Говарда и Квентина по спинам.

— Ты прав, — отвечаю я, засовывая записную книжку в сумку.

***

Во время седьмого урока я иду к туалету. В это время Стив находится в спортзале. Я на цыпочках захожу в раздевалку парней. Боже, какой душный запах! Натягиваю футболку на нос и вдыхаю запах кондиционера для белья. Ну почему парни так ужасно пахнут?

Как и многое в нашей школе, раздевалку никто не ремонтировал лет так тридцать. Ящики все узкие и ржавые, только на некоторых видна зеленая краска. Ни один рюкзак в них не помещается, поэтому они просто лежат на полу.

Плохо для учеников, хорошо для меня.

Модный, водонепроницаемый рюкзак Стива лежит в конце среднего ряда. Это подарок Хаксли на рождество в прошлом году. Он подходит для путешествий, а не для коридоров старшей школы.

Я открываю ящик Стива своим ключом V56. Надеюсь, его нижнее белье не вывалится мне на лицо. Я прикрываю лицо перед тем, как открыть.

Достаю фотографию с выпускного из заднего кармана рюкзака и приклеиваю ее на

скотч с внутренней стороны дверцы. На левом крючке висит куча мятой одежды. Как только кто-нибудь из его друзей увидит снимок, то по школе слухи быстро разнесутся. Малоизвестный факт, но парни еще большие сплетники, чем девушки.

Я не пробиралась тайком в раздевалку парней с того момента, как мне нужно было разбить пару Натана Крейна и Сары Ковингтон. Ее друзья не могли смириться с тем, что он сноб и превращал Сару в свое подобие. Как только Сара обнаружила в его телефоне сообщения, в которых он называл ее некомпетентной и тупой, то сразу дала ему отворот-поворот. Не могу поверить, что это было всего лишь год назад. Вначале я испытывала чувство вины, но оно испарилось, когда оказалось, что Натан действительно именно так и думал о своей девушке. Ему просто нравилось встречаться с теми, на фоне кого он мог чувствовать себя выше.

До раздевалки доносится дребезжащий голос тренера Капнек. Я присаживаюсь на корточки и прячусь в конце ряда. Потом выглядываю за угол и вижу Стива в офисе тренера. Я на корточках добираюсь до ближайшей к стене двери офиса и устраиваюсь за баком с грязными полотенцами. Ну, никто и не говорил, что у специалиста по разрывам гламурная жизнь.

— Университет Чандлер все еще интересуется тобой, — говорит тренер Капнек. — Это отличное учебное заведение.

— Они хотят меня только по одной причине. Вы говорили с Вермилионом?

— Я разговаривал со своим приятелем. Они не могут ничего тебе предложить. Ты ожидал, что они вручат стипендию парню, у которого средняя оценка «хорошо»?

Раздается скрип стола. Наверное, тренер сел на него. И почему учителям в этой школе не сидится на стульях?

— Ты уверен, Стив? Можешь быть честным со мной. Ты хочешь играть в футбол в колледже?

Я прислоняю голову ближе к двери.

— Нет, — говорит он, едва слышно.

— Я буду честен с тобой. Думаю, ты хочешь.

— Футбол больше не смысл моей жизни. Настало время двигаться дальше. Я теперь не живу под девизом: «либо профессиональный футбол, либо ничего».

— Не зарекайся. Это все еще отличная возможность, и как только дверь закроется, то снова уже не откроется.

— Спасибо, тренер.

Стив неожиданно выходит из офиса и, к счастью, двигается в противоположном направлении от бака с полотенцами. Я на корточках пробираюсь обратно к ящику. В этот момент тренер Капнек появляется из офиса и стоит в проходе какое-то время. Я пригибаюсь еще ниже, прячась за большим рюкзаком, и задерживаю дыхание. Он делает несколько шагов по направлению ко мне и останавливается. *Бекка, если тебя поймут, просто скажи, что ты лунатик.*

Он стучит пальцами по ящикам. Я сжимаюсь еще сильнее. Отслаивающаяся краска застревает в волосах. Закрываю глаза, понимая, что если я только на него посмотрю, он сразу это почувствует и заметит меня.

Тренер Капнек шумно выдыхает и идет мимо моего ряда в сторону открытого туалета. Интересно, что парни имеют против уединенности? Пока он занят, я бегу на выход.

— Эй! Кто здесь? — кричит он.

Понимают ли они, как смешно смотрятся у писсуаров?

***

Кино и телевидение лгут. Слежка — вовсе не захватывающая забава. Это такая скука.

Последние три часа мы с Дианой сидим в ее машине, шпионя за Стивом и Хаксли в пиццерии «Марио». Я ерзаю на сиденье каждые пять минут, то вытягивая ноги, то скрещивая их, почти так же часто, как Диана меняет радиостанции. Ни один звук не может заглушить урчание наших желудков. Пропустить ужин, чтобы сидеть, уставившись на пиццерию, было не самым лучшим из моих решений. Хорошо хоть до нас не доносится никаких запахов.

Мы по очереди смотрим в сверхмощный бинокль отца. Моя переносица покраснела, а отпечаток бинокля жжет каждый раз, когда я в него смотрю. Отец купил его в субботу после обеда, потому что кто-то вломился в соседний дом. Он хочет жить в безопасном месте, а по описанию это тот же бинокль, которым пользуются морские котики⁵. Должно быть, носы этих парней гораздо крепче моего.

Хуже всего то, что не было никаких признаков Анджелы или ее парня.

— Если я увижу, как Кен и Барби поцелуются еще раз, меня вырвет на приборную панель, — ворчит Диана.

— Она придет. Должна прийти. Нельзя получить такое письмо по почте и ничего не сделать.

— А что, если она ответила ему по электронке?

Я не настолько подкована технически и не могу получить доступ к его почте или поставить жучок в телефон. Хотя, компьютеры абсолютно неромантичны. Какой девушке не понравится собственноручно написанная записка? Это так старомодно. Она не станет разрушать романтику, отправляя смс. Ну, по крайней мере, я надеюсь.

— Скоро мы все узнаем.

Какая-то женщина заходит в пиццерию. Диана оживает и смотрит в бинокль.

— Ложная тревога.

Она опускается на сиденье и начинает накручивать жвачку вокруг пальца.

— Ну, дорогая сестренка, Вал и как-его-там будут твоими новыми жертвами?

— Я не могу с ней так поступить, — данная мысль проскальзывала у меня в голове несколько раз. И каждый раз я ее отметала. Как я смогу называться ее подругой, если сделаю это?

— Но ты думала об этом, не так ли?

— Это ничего не значит. Ты когда-нибудь думала, чтобы сделать подобное со своими так называемыми подругами?

— Почему это «с так называемыми»? Они все еще мои подруги, — говорит Диана. Затем выплевывает старую жвачку и берет новую.

— Ты уверена?

— Я просто позволяю их отношениям самоуничтожиться без моего вмешательства.

— А что насчет дня рождения Оуэна? — спрашиваю я. До того, как мы ушли, я увидела приглашения на первую годовщину сына Эрин. Оно лежало в мусорке.

— Он и не заметит моего отсутствия.

Трудно называться чьей-то подругой, если ты даже не признаешь день рождения ее

ребенка. Раньше Диане нравилось организовывать дни рождения для друзей. Она покупала печеньки и сама начиняла их шуточными записками. На двадцать первое день рождения Санкреша она организовала фееричный поход в бар со своими друзьями. Я видела снимки, где она положила плавающие бенгальские огоньки в напитки. Она всегда выглядела разочарованной на своих днях рождениях, потому что Санкреш никогда не был особо креативным.

Диана чувствует мое разочарование.

— Приглашение — формальность. Просто им хочется посмотреть, во что я превратилась. Это ведь дешевле, чем нанимать клоуна, — смеется она над собственной шуткой.

— Думаю, они были бы рады тебя увидеть. — Девчонки были так близки в колледже, что и я воспринимала их как подруг. С нетерпением жду того момента, когда скучные группки в старшей школе останутся позади и я смогу найти подруг в колледже, как Диана.

— Я не могу, — говорит она. Неожиданно в машине становится тихо.

— Почему? Вы поругались?

— Технически, нет, — лицо Диана смягчается. — Но они все ушли вперед, а я все еще топчусь на том же самом месте.

— Но тебя ничего не останавливает.

— У меня нет выбора. Я всегда буду на этом месте, — ее голос дрожит, но она не плачет. Думаю, за последний год она все выплакала.

Мне хочется что-нибудь сказать, но у меня нет никаких волшебных слов. И момент уходит. Так как и хотела Диана.

Она снова подносит бинокль к лицу.

— Что-нибудь есть? — спрашиваю я

— Вообще-то, да, — вручает она мне бинокль.

— Это Анджела! — Меня всегда шокирует, когда мои планы удаются. Смешно думать, что люди прислушиваются ко мне, даже если сами этого не ведают.

— А где ее парень?

— Думаю, она пришла без него.

— И выжидала практически до закрытия. Интересно.

Так и есть.

Стив выглядит шокированным, но его выражение быстро меняется на приятно-удивленное. Я не ожидала такой реакции, но потом поняла, что Стив ведь и не ожидал появления в пиццерии его прошлого. Анджела выглядит немного скованно, но когда Стив выходит из-за прилавка, она его обнимает.

Я рассказываю Диане о происходящем:

— Она очень нервничает.

Ее щеки горят. Они болтают. Руки не скрещены, никаких чопорных поз. Анджела открывает сумку.

— Она собирается показать ему записку! — говорю я и хлопаю Диану по руке несколько раз. — О, подожди.

Хаксли присоединяется к беседе и обнимает Стива. Анджела убирает руки от сумки. Стив их знакомит.

— Бла-бла-бла. Вау, никогда не видела таких натянутых улыбок.

— У кого? — спрашивает Диана.

— У обоих. Делают вид, что они старые друзья, которые давно потеряли связь.

— Держи своих друзей при себе...

Анджела заказывает кусок пепперони. Стив кладет ее в коробку, Хаксли в это время стоит за кассой. Анджеле хочется как можно скорее уйти, и я ее не виню. Мне жаль, что я вовлекла в это бедняжку, но ведь я не разрушаю ее жизнь. Что если они снова будут общаться? Друзей много не бывает.

Диана замечает, что я прекратила комментировать происходящее.

— Что случилось?

— Ничего, — говорю со вздохом. — Хаксли опять села за свой стол. Анджела получила свою пиццу. Конец.

Анджела неловко прощается со Стивом и Хаксли. Я прекращаю слежку. Думаю, план в моей голове выглядел куда лучше.

— Прости, Би. — Диана опять включает радио и за десять секунд успевает переключить три канала. Она наверно специалист в «Угадай Мелодию».

Я знала, что мой план не без изъянов. И теперь мне страшно завтра идти на тренировки в СТА, ведь у меня нет никаких зацепок. Еще раз проигрываю в голове сцену в пиццерии и почти выпрыгиваю из сиденья, когда до меня доходит одна деталь. И как только я ее упустила?

— Она заказала кусок пепперони, — говорю Диане.

— Может быть, она ей нравится.

— Это правда, но Стив всегда отдавал ей свое пепперони.

— Интересно.

Но недостаточно — знаю, именно это она и хотела сказать. Я откидываюсь на сиденье. Диана берет бинокль, чтобы составить свое мнение. Она всматривается в окна пиццерии, и ее лицо озаряет улыбка.

— Что?

Диана вручает мне бинокль. Я поднимаю его обеими руками. Она хихикает и качает головой.

— Что? — спрашиваю я. Увеличиваю фокус. Хаксли делает домашнюю работу, Стив протирает столы. Кажется, вечер заканчивается невесело.

— Посмотри на Стива.

Он поворачивает за угол, чтобы протереть пару столов, и именно тогда я замечаю.

Стив ест корочку с пиццы Анджелы.

15

Следующие две недели моя жизнь состояла из школы, сна и СТА. Боль в мышцах после тренировок обычно исчезала к следующему утру, кроме пятниц, тогда чувствовала себя так, будто пробежала марафон. Я была настолько занятой, что едва уделяла внимание домашней работе и Вал.

У Хаксли стало меньше претензий ко мне, и она больше не пытается быть мерзкой. Думаю, она просто хочет, чтобы танец стал произведением искусства, так что не разменивается по пустякам. Я очень много работаю над тем, чтобы у меня все получалось, даже встаю на час раньше для тренировки в своей комнате. Чувствую, выходит все лучше и лучше. Теперь я танцую уверенно, а не просто пытаюсь попадать в такт движениям. Когда

начинает звучать музыка, мое тело двигается на автопилоте. Забытые навыки со времен Фрэнсис Глори постепенно пробуждаются вновь. Наконец Хаксли признает, что я добилась успехов.

— Кажется, твоя голова и ноги сегодня работают вместе.

Я заливаюсь краской и ничего не могу с этим поделать.

Хаксли заканчивает тренировку пораньше, чтобы вручить костюмы. Она стоит рядом с открытой коробкой, промокая виски полотенцем. Даже после двух часов усиленного потения, волосы Хаксли лежат так, словно она только что покинула салон красоты. Я же выгляжу, как из джунглей. Девчонки, как обычно, собираются в группки на открытой трибуне.

— У нее были дьявольские рога и надпись: «Я сука», — шепчет Элли Цвик Керри Андерсон.

— Вау. Ну же, давай, Стив, признайся уже в своих настоящих чувствах, — отвечает Керри. Я подслушала, что по школе гуляют несколько вариаций подобного разговора. Мне нравится наблюдать за тем, как моя работа вызывает такую реакцию.

Хаксли держит в руках костюм: комбинезон для стриптизерши с гармонизирующими с ним пушистыми наушниками.

— Красивые, правда? — говорит Хаксли, и все кивают. Ни у кого не возникнет проблем втиснуться в них. — Я еще купила наушники, потому что керлинг связан со льдом, следовательно, и с холодом.

Она раздает костюмы девушкам, и некоторые из них сразу же прикладывают их к груди. Если бы у меня было такое же подтянутое тело с изгибами в нужных местах, я тоже была бы возбуждена.

— В этом году костюмы стоят десять долларов, — говорит она. Эта фраза вызывает радостные возгласы и аплодисменты. — Я знаю. Мы с папой нашли отличное предложение в интернете.

— Да неужели, — шепчет Элли Керри. — Сомневаюсь, что ее папа охотился за уцененными товарами.

В этом я соглашусь с Элли. Отец Хаксли работает на Уолл-Стрит и ему очень хорошо платят. Не знаю, что он делает, но она как-то показывала мне фотографии, сделанные из его офиса с видом на Статую Свободы. Им не нужны скидки. Скорее всего, они заплатили полную цену за эти костюмы и обманули школьный совет. Для команды Хаксли только все самое лучшее.

Хаксли закрывает пустую коробку.

— Эти костюмы очень... компактные, поэтому я бы порекомендовала использовать сэкономленные деньги, чтобы продепилировать открытые места.

— А можно побрить? — спрашивает девушка рядом со мной.

— Щетина — для парней.

Все оставшееся время девчонки примеряют костюмы. Я пока к этому не готова, поэтому делаю вид, что читаю параграф по истории, а на самом деле завидую их генам. К Элли и Керри подходят другие девушки. Перед тем, как начать разговор, они косо смотрят на Хаксли и начинают общаться в той оживленной манере, которая появляется, когда простой разговор перетекает в сплетни. Это биологическое пристрастие. В конце концов, обсуждение других людей — самая древняя форма развлечения.

— Думаешь, она знала, что Стив там работает? — спрашивает Тамара Бойл, заправляя

волосы за уши каждые две секунды.

— Ну, ты же не приедешь из другого штата, чтобы просто купить пиццу. Мой парень слышал, что Стив с ней флиртовал.

— Что? Да ладно! — Элли прикрывает ладонью рот. — Думаешь, он стал бы это делать перед ней?

Керри пожимает плечами.

— Все возможно.

— Отстой, — говорит Тамара и тут же пересматривает свою точку зрения. — Хотя было бы так очаровательно, если бы он снова стал встречаться со своей бывшей девушкой спустя пять лет. Как в кино, на которое я бы точно затащила своего парня.

— Да, Белоснежка спасает принца Чарминга из рук Злой Ведьмы, — шутит Элли.

— Эй, ребята, дайте мне знать, если вам нужен другой размер, — голос Хаксли раздаётся позади них. — Я имею в виду, костюмов.

Их лица белеют.

— Конечно, — запинаясь, говорит Элли.

Я закрываю книгу.

— Печально. У вас настолько скучная жизнь и низкая самооценка, что вы распускаете сплетни. Девушка просто купила пиццу. Угломонитесь.

Девушки молчат. А что можно на это ответить? В обычной обстановке, я бы промолчала, но мне было не по себе их слушать. Они разговаривали всего лишь в шаге от объекта сплетни! Это просто мерзко.

Я собираю рюкзак, расправляю плечи и пересаживаюсь на другую сторону трибуны. Хаксли общается со своими подругами. Все оставшееся время она даже не смотрит в мою сторону.

***

Недостаточно просто тренироваться с дюжиной самых красивых девушек в школе. Нужно еще и делить с ними раздевалку. Так, на всякий случай, вдруг я забуду какое бледное у меня тело.

Хаксли и девушка из белой команды переодеваются рядом со мной. Не знаю ее имени, но кажется, как фамилия президента. Мэдисон, Тейлор, Картер. Что-то типа этого.

— Бари утверждает, что она не собирала эту чертову свадебную папку, — говорит Мэдисон\Тейлор\Картер.

— И кто мог бы это сделать? — спрашивает Хаксли, надевая блузку в крестьянском стиле. Любая, даже самая простая вещь выглядит на ней дорого.

— Она думает, что это было подстроено.

— Только не снова, — говорит Хаксли.

— Она считает, что это дело рук специалиста по разрывам.

Моя спина деревенеет. Я одеваюсь, не поднимая головы.

— Дерек тоже так думает, — говорит М\Т\К. Она хихикает и распрямляет складки на блузке.

— Ну, конечно же, он так и думает.

— Хотя, не знаю. Может, в этом что-то есть. Возможно, ему действительно подложили записку. Если подумать, то в школе уже было несколько странных разрывов.

Я напрягаю слух и даже не замечаю, что одеваю блузку задом наперед. Воротничок сдавливает мне шею.

— Специалист по разрывам — городская легенда, — говорит Хаксли.

— А разве в основе всех городских легенд не лежит крупица правды?

— Рейган, не будь такой впечатлительной.

Рейган!

Хаксли продолжает:

— Если эту папку подложили, то почему они снова не вместе? Ну, давай, поделись со мной своими теориями тайных сговоров. Если бы Бари поняла, что ей с ним хорошо, то сделала бы все возможное, чтобы его вернуть, — говорит Хаксли, натягивая невозможно узкие джинсы.

— Если им суждено быть вместе, то так и будет, — Рейган скручивает свои волнистые волосы в пучок.

Хаксли закатывает глаза.

— Некоторые вещи нельзя оставлять на волю случая. Парни, как Дерек Келли, на дороге не валяются, и поэтому сейчас Бари просто еще одна одиночка. Она сама отшвырнула себя к серой массе ничем непримечательных людей.

— Это грубо, Хаксли. Он ведь просто парень.

Она наклоняется поближе к Рейган.

— Думаешь, мы бы дружили, если бы ты не встречалась с Марком Олавски?

Вся радость исчезает с лица Рейган. Она молча заканчивает одеваться и вежливо кивает Хаксли перед тем как уйти.

Мы с Хаксли — единственные, кто остался в этом ряду. Я нервничаю. В свое время мне она сказала гораздо худшие вещи.

— Ребекка, — говорит она, одевая неудобные, но такие красивые туфли на каблуках. — Ты очень продвинулась.

— Спасибо, — завязываю я кроссовки. Хаксли обращает на них внимание, поэтому я расстегиваю рюкзак и демонстрирую ей свои каблуки. — Если бы я носила их после тренировок, мои ноги бы отвалились.

— Помнишь те золотистые балетные тапочки, которые мы носили на занятие с Фрэнсис? — ни с того ни с сего спрашивает она. — Ты их хранишь?

— Да. — В шестом классе Фрэнсис Глори решила, что вместо вручения призов, покрасит балетные тапочки в золотистый цвет для каждой из девочек. Должно быть, эта идея у нее возникла в последнюю минуту, потому что, когда она их раздала, краска еще не высохла. Моя мама очень ругалась на нее, недовольная тем, что мои трико были все в золотистой краске, которая не отстирывалась. И она была не единственной. На классной фотографии у всех были заляпанные трико.

— Думаю, краска полностью высохла около года назад, — говорю я, и Хаксли смеется. Настоящим, искренним смехом, который я так давно не слышала и по которому скучала.

Какое-то время Хаксли думает о тапочках, занятиях или о чем-то еще. Она сидит на лавочке и пристально смотрит на ящики. Никогда не видела, чтобы она так уходила в себя.

— Ты считаешь кого-то своим друг, а... — говорит она. — Грустно, что ты не можешь рассказать ближайшим подругам что-то по секрету.

Она со мной разговаривает? Обо мне? Не знаю. Я не привыкла иметь дело с чувствительной Хаксли.

— Это не выглядело так, будто они твои подруги, — говорю я.

— Я рассказала своим друзьям об Анджеле по секрету.

— Ну, честно говоря, чем выше ты взбираешься, тем больше твоему окружению хочется спустить тебя вниз. Полагаю, это одна из обратных сторон счастья. — Не могу поверить, что даю здравые советы Хаксли. Но я видела ее друзей, и тоже не стала бы им доверять. Эддисон, Рейган и остальные — все наслаждаются своей популярностью, но желают большего, мечтают встречаться с защитником. Я осознаю, что, вероятно, быть королевой улья — очень изматывающее занятие, и впечатлена тем, что она так долго с этим справляется.

— Ты лучше этого, — говорю я.

— Спасибо.

Я, не двигаясь, сижу на лавочке. Мне еще нужно обуть правый кроссовок, но не хочу разрушать этот момент.

— Я действительно рада, что ты вступила в СТА, — говорит она. Хаксли кладет свою руку на мою, и я сжимаю ее в ответ.

— Я тоже.

16

Я лежу на кровати, пытаюсь сделать домашнюю работу по математике. Неожиданно раздается звонок, который я ожидала меньше всего.

— Привет! Хочешь покататься на коньках? — спрашивает Вал.

— Сейчас? — На часах семь шестнадцать вечера, четверг. Я не настолько крута, чтобы вести общественную жизнь в течение учебной недели. У меня едва хватает времени на это по выходным.

Она объясняет, что местный колледж по четвергам открывает каток для всех.

— Эзра и я слышали об этом от Джеффа, — говорит она. — Мы заедем за тобой через двадцать минут.

— Даже не знаю. — Мой взгляд скользит по часам, домашней работе, разбросанной по кровати, и больным ногам. К тому же я каталась на коньках только один раз, и все закончилось кровью, слезами и швами.

— «Даже не знаю» означает «убеди меня»? Хорошо. Будет так весело! Может быть, какой-нибудь парень попросит тебя с ним покататься и будет держать тебя за руку. Научно доказано, что лед настраивает на романтический лад.

— И откуда эта информация? Из «US Weekly»⁶?

— Ну же, Бекка!

Не буду обманывать, мне очень приятно, что моя подруга так сильно хочет увидеть меня. Кажется, мы не зависали с ней уже целую вечность. И я не против того, если Эзра тоже будет там. Сейчас, когда я узнала его получше, могу сказать, что проведу время с двумя друзьями. Если они не будут целоваться весь вечер, то все пройдет просто замечательно.

***

— Что новенького? — спрашивает меня Вал в машине уже второй раз. Терпеть не могу эти общие фразы. Люди употребляют их в общении с незнакомцами, а не с лучшими

друзьями.

— Ничего особенного, — пожимаю я плечами. Трудно решить с чего начать, если мы едва общались последние несколько недель. А ведь не так давно мы делились абсолютно всем.

Мы не были знакомы с Вал в то время, когда я посещала занятия в школе им. Фрэнсис Глори. Мы видели друг друга в средней школе, но общались в разных кругах. Ее друзья никогда не нравились Хаксли, поэтому я и не дружила с ними. Все произошло в восьмом классе во время нашего путешествия в Вашингтон, когда я и Вал вынуждены были сидеть вместе в автобусе. Спустя четыре часа и три штата мы стали друзьями. Просто удивительно, как это произошло. С большинством людей, я бы просто перекинулась парой фраз. А тут... Мы начали с ничего незначащего разговора, а через пять минут мне казалось, что знаю ее целую вечность. Не могу этого объяснить, но именно так и завязалась дружба. Поэтому мне так больно, что сегодня вечером мы просто ведем бессодержательную светскую беседу.

— О! — говорит Вал. — Эзра и я ужинали в самом лучшем ресторане в воскресенье. Ты когда-нибудь была в бифштексной «Аламо»?

— А разве ты не вегетарианка? — спрашиваю ее я.

— Раньше, но теперь я снова ем красное мясо, — погладит она Эзра по бедру, а он берет ее пальцы в руку и сжимает их.

— Эзра, а *ты* вегетарианец?

— Не дай подвеске в виде листка конопли себя одурачить. Я люблю говядину.

— Интересно. — Почему моя якобы лучшая подруга не сказала мне, что опять ест мясо. Да, это всего лишь мясо, но я чувствую себя преданной. За окном темнее, чем обычно. Колледж находится на холме, вдали от близлежащих городков. Местные студенты называют его «Гарвард на холме».

Опять неловкое молчание.

— Как дела у Тамары? — спрашивает Эзра. — Вчера на тренировке она так жестко упала.

— Ну, она приятная девушка, но танцует так, словно ее страдает судорогами. Поэтому у нее очень быстро начинает кружиться голова.

— Ты ведь знаешь, как Джефф прозвал ее?

— Тропический шторм Тамара, мы вместе придумали это прозвище, — приподнимаю я бровь и смотрю на него в зеркало заднего вида.

— Хорошо звучит. Любопытно, какое прозвище вы придумали для Хаксли.

— Было бы неэтично разглашать эту тайну.

Эзра начинает хихикать.

Вал поворачивает лицо в мою сторону и сжимает губы — признак ее расстройства.

— Ты вступила в СТА? Почему ты ничего не сказала мне? — она смотрит на меня, потом на Эзра с таким видом, будто раскрыла тайный заговор.

— Я думала, что сказала тебе, — говорю я, точно зная, что это ложь. Но почему Эзра ничего ей не рассказал?

— Она довольно хорошо танцует. Хаксли ставит ее на передние и центральные позиции в танце, — говорит Эзра. При воспоминании об этом, мы начинаем смеяться.

— Я занималась танцами несколько лет назад, — произношу я.

— Круто. — Вал откидывается на сиденье и постукивает пальцами по бедру до самого катка.

***

Несмотря на толпу, каток поделен на зоны для различных групп. Внешний круг для семейств с детьми. Более продвинутые фигуристы, носятся по среднему кругу, ну а третья зона для парочек, которые держатся за руки во время катания. Яркий свет на фоне белого льда создает сказочное и, да, романтическое настроение.

Вал и Эзра скользят по льду с румянцем на щеках. Она держится куда лучше, чем я думала, и к ее чести не разыгрывает сцен типа «держи меня, я падаю».

Я же шаткой походкой, держась за стену, медленно двигаюсь вперед. Мимо меня проносятся двухлетние.

Я настолько сконцентрирована на том, чтобы не разбить голову, что даже не замечаю, что Эзра катится рядом со мной. Он хлопает меня по плечу.

— Ну как, весело?

— Очень! — говорю я. — Разве по мне не видно?!

Он протягивает руку в перчатке.

— Давай, пошли на лед.

— Я уже на льду.

— Выглядишь так, будто ты на рифе и обдумываешь прыгнуть или нет.

— Я в порядке. У меня свой темп. — Я уже чувствую себя третьей лишней. Не хочу, чтобы он и Вал носились со мной, как с неполноценным ребенком.

— Позволь мне помочь тебе проехать один круг, и если тебе не понравится, я верну тебя на место.

Вал улыбается мне с противоположной стороны, попивая кока-колу.

— Хорошо, — говорю я и беру его за руку. Он начинает разгон. Я настолько крепко держу его, что моя рука белеет.

— Расслабься. Ты слишком напряжена.

Я медленно перебираю ногами. Коньки как будто топают по льду. Тело одеревенело, чувствую себя Железным Человеком.

— Не задирай коньки вверх, — говорит Эзра. — Чуть-чуть приподнимай их, а затем скользи, — и он с легкостью это демонстрирует. У меня чуть не случился сердечный приступ, пока я стояла в окружении носящихся туда-сюда конькобежцев.

Он возвращается ко мне и берет за руку.

— Я держу тебя. Теперь твоя очередь. Попробуй. Не отрывай коньки ото льда, толкайся.

Я делаю первое скользящее движение. Это как проверка. Следующий шаг более уверенный, затем скольжу в третий раз и падаю на задницу. Мне хочется пробить кулаком лед.

Эзра помогает мне встать.

— Довольно неплохо.

— Думаю, лучше я вернусь к стене.

— Мы даже не преодолели и половину пути. А теперь, прекрати смотреть под ноги, это нарушает равновесие. — Эзра поворачивается и теперь стоит прямо передо мной. — В этот раз, когда мы покатаемся, смотри вверх и прямо на меня.

Он берет мои руки, и меня пронзает ток. Его руки холодные и влажные, но они придают мне уверенность.

— Что если мы в кого-нибудь врежемся?

— Тебе придется быть моими глазами, Бекка.

Мне хочется снять куртку. Может быть, я и стою на льду, но уже вся вспотела.

— Готова? — спрашивает он.

Я опускаю голову вниз, затем поднимаю вверх и пристально смотрю на Эзра. Такой близкий зрительный контакт. Это настолько интимно, хотя и не должно быть так. Такое ощущение, будто он видит меня насквозь. И вот я уже начинаю замечать детали: небольшой шрам на челюсти, красные губы, длинные брови.

— У тебя хорошо получается, — говорит он.

Очевидно, я качусь. Волна облегчения накрывает меня, и я расслабляюсь. Холодный ветер дует в лицо. Над щекой у Эзра целая россыпь веснушек. Он продолжает смотреть мне в глаза. Мне хочется отвести взгляд, но я не могу. Интересно, что он видит.

Я забываю о том, что где-то там сбоку Вал, что вокруг нас дюжины катающихся людей, шум, свет и все остальное. Я будто в трансе, и мне надо из него выйти.

Я отталкиваюсь и качусь к дальней стене под табло. Эзра зовет меня, но я прислоняюсь к выступу и пытаюсь восстановить дыхание.

За пределами катка я прихожу в себя и вдруг замечаю Стива. Он стоит, прислонившись к стене, рядом с аварийным выходом и широко улыбается.

Рядом с ним стоит Анджела и смеется над каждым его словом.

17

Кому: Роберту Тауне

От: Le Break-Up Artiste

Уважаемый мистер Тауне,

За последний месяц я значительно продвинулась в попытках разрушить отношения Стива и Хаксли. Хаксли и ее ближайшие подруги начинают подозревать, что у Стива роман с бывшей девушкой. Сомнения и терзания — два моих самых действенных рычага. Ничто так быстро не разрушает отношения, как появление в сердце человека искаженных, параноидальных мыслей. По крайней мере, это то, что я однажды прочитала на открытке «Холмарк кардс».

Буду продолжать держать вас в курсе событий.

С уважением,

Специалист по разрывам.

На следующий день я не могу дождаться начала тренировок. На восьмом уроке лезу за новой ручкой в рюкзак, а когда выпрямляюсь, то вижу на столе свернутую в шарик записку.

«Жизнь кончена!»

Скомкиваю ее и бросаю в рюкзак. Даже не смотрю в сторону Вала.

— Бекка, подожди.

Вал догоняет меня в коридоре после урока. Она тяжело дышит, волосы прилипли к лицу. Она была бы так смущена, если бы знала, как сейчас выглядит.

— Что случилось? — спрашиваю приторным голосом менеджера по работе с клиентами. Мне нужно торопиться, поэтому я сдаюсь и перехожу к главному, — Твоя жизнь

закончена?

Я нисколько не озабочена, так как на девяносто девять и девять десятых процента уверена, что это какая-нибудь ерунда по поводу Эзра.

— Моя жизнь — полный хаос, — говорит она. На ее лице беспокойство. — Я не знаю, что делать.

Может, что-то серьезное. Если мы начнем это обсуждать, то я опоздаю на тренировку, но я понимаю, Вал для меня важнее.

— Что случилось? — глажу я ее по плечу.

Вал прижимает свои два учебника и тетрадь к груди.

— Мы с Эзра шли на первый урок, и когда он довел меня до класса, я поцеловала его.

Жду окончания истории, но, кажется, это все.

— Так в чем проблема?

— Ты что, не слушала? Я же сказала, я поцеловала *его*. Он всегда это делает, но не в этот раз. Мне пришлось его поцеловать.

Мы быстро спускаемся по лестнице на первый этаж. Я проверяю время каждые несколько секунд.

— Не вижу никакой проблемы, — говорю я.

— Мне пришлось его поцеловать. Почему он не сделал это первым сегодня утром? Даже не хочу думать, как я выглядела, потянувшись к своему парню, чтобы поцеловать его, как какая-то феминистка.

— На дворе двадцать первый век. Сейчас это нормально. Оу, а знаешь, еще нам разрешили голосовать.

— Очень смешно, — говорит она с расстроенным видом.

— Я просто уверена, что это выглядело очень романтично. — Или также шокирующе, как ядерный взрыв.

— Я даже не рассказала тебе, что случилось четыре дня назад.

«Вал, ты много чего не рассказывала мне», — думаю я про себя.

— Что случилось?

— Мы целовались, и Эзра был не особо активен. Я была более страстной.

— Как ты можешь судить о чем-то подобном? Думаю, он очень страстный парень, — говорю я.

— Я чувствовала это. Он целовал меня не так, как обычно.

— Как обычно? Ребята, вы встречаетесь всего около месяца.

— Пять с половиной недель, — уточняет она. — Почти два месяца.

Я останавливаюсь посреди коридора и закатываю глаза.

— Ты серьезно?

— Знаю, но мне страшно.

— Прекрати, Вал. Ты знаешь, как это раздражает?

Вал мгновенно становится очень злой.

— Прости за то, что надоедаю тебе.

Обычно мне бы хватило просто закатить глаза, но я достигла предела разочарования, и слова просто вылетели из меня:

— Именно так. Ты просто держишь меня под рукой, чтобы я выслушивала твои надуманные проблемы. Я не подруга, а резонатор для тебя.

— Я всегда готова поговорить. Это ты предпочитаешь молчать. Я думала, что ты

поддерживаешь мои отношения.

— Если ты думаешь, что твои отношения подходят к концу, то может так оно и есть.

Сейчас 14:29, у меня нет времени на разговоры. Кто бы знал, что я буду думать, что тренировка в СТА куда более лучшее времяпровождение, чем беседа с подругой. Но она больше не моя подруга, она превратилась в зомби, помешанного на отношениях, также как и остальные.

— Мне нужно идти.

Я направляюсь в раздевалку. Не могу дождаться, чтобы сконцентрироваться на танцах и забыть об этом разговоре.

***

В зал я вхожу с улыбкой до ушей. Девчонки растягиваются. Теперь Хаксли чуть более лояльна к опозданиям, так как мы выучили танец, и он у нас довольно хорошо получается. Разминка превратилась в «пообщайся с командой».

Я присоединяюсь к Хаксли и девушкам, тянущихся на полу.

— Извини за опоздание. Сегодня я немного вялая.

— Поздно легла спать? — спрашивает Хаксли.

— Типа того. Ходила развлекаться вчера.

Опа, у меня сразу появились слушатели.

— Ребекка Вильямсон ходила развлекаться во время учебной недели? — спрашивает Хаксли. — Это просто не укладывается в голове.

— Правда? Я ходила кататься на коньках. А что вы со Стивом вчера делали?

Девочкам интереснее узнать ответ на этот вопрос, чем о том, что делала я. Хаксли спокойно относится к такому вниманию. Она в этом профи.

— Стиву пришлось работать, поэтому я просто отдыхала.

— А где этот каток? — спрашивает Рейган.

Я рассказываю им о катке при местном колледже и о моих попытках покататься.

— Но, в конце концов, я это сделала, у меня даже есть фотографии.

Быстро достаю телефон и показываю снимки. Вот я пытаюсь кружиться, вот мы с Вал, Вал и Эзра, наслаждающиеся вечером четверга. Я выгляжу как волшебная фея. Никогда не догадаешься, что я могу стоять на коньках только три секунды.

— Правда хороший каток? — спрашиваю я. — Я определенно поеду туда еще.

Рейган всматривается в телефон и прищуривается, чтобы рассмотреть ту самую фотографию. К ней присоединяются остальные девушки и обмениваются подозрительными взглядами. Я вручаю им телефон и делаю вид, что ничего не понимаю.

— Что?

— Это... возле тех дверей? — начинает Рейган, но останавливается. Она смотрит на Керри, и та ей кивает. Они прячут улыбки.

— Что это...? — спрашивает Хаксли.

— Да. Что вы там увидели? — говорю я. Вау, не думала, что так хорошо играю.

— Ничего, — одновременно отвечают Рейган и Керри.

Хаксли и я выглядим сбитыми с толку. И только она по-настоящему.

— Можно мне взглянуть? — говорит Хаксли. Я отдаю ей телефон. Она изучает фотографию, оставаясь при этом равнодушной. — Кажется, вы весело провели время.

Она отдает мне телефон. Для всех остальных, она выглядит как человек, не увидевший ничего такого, но я поймала тот момент, когда она слегка сузила свои глаза.

18

— Том Хэнкс в этом фильме так раздражает, — говорит Диана с полным ртом хлопьев. По телевизору показывают «Вам письмо». На ее пижамные штаны капает молоко. — Он узнает, что они ведут онлайн переписку, но ничего не говорит по этому поводу весь фильм, а просто использует эту информацию, чтобы влюбить ее в себя. Потом он выкидывает ее из бизнеса. И да, все это время он ходит на свидания с кем-то еще. Но ей все равно. Она ведет себя как «Ла-Ди-Да. Я поцеловала Тома Хэнкса. Плевать на все остальное». Немного патетично.

— Собака прикольная, — перемешиваю я фрукты в йогурте и расслабляюсь на троне.

— Да, собачка очаровательная.

В гостиную входит полностью одетая мама и выключает телевизор. Она смотрит на Диану.

— Одевайся.

— Зачем?

— Сегодня день рождения сына Эрин, и ты на него идешь.

— Бенджамина Баттона? А разве технически сегодня ему не 84?

Я смеюсь, но мама остается серьезной, что веселит меня еще больше.

— Езжай в «Toys 'R' Us» и выбери игрушку для Оуэна.

— Вообще-то, я думала купить ему пачку сигар и флажку.

Мама неподвижно стоит перед телевизором со скрещенными руками. На этот раз она не отступит. Я прикрываю рот, чтобы сдержать смех.

— Бекка, тебе действительно это кажется смешным? — спрашивает мама. Она надеется на мою поддержку, но нет, здесь она ее не получит.

— Мам, зачем Диане туда ехать? Она может послать открытку. Как насчет этого?

— То есть, по-твоему, это нормально, что она выкидывает этих девушек из своей жизни?

— Прекратите разговаривать так, будто меня здесь нет.

— Диана, ты едешь и без разговоров.

Зачем мама так настаивает? Разве она не видит страх в глазах Дианы?

— А что еще тебе сегодня делать? Или планируешь опять пролежать все воскресенье на кушетке? Может, стоит поискать работу по специальности?

— Почему ты так переживаешь по поводу чьего-то ребенка?

— А почему тебе *все равно*? Она твоя подруга. Ты их еще помнишь? Девушек, которые звонили тебе каждый день, чтобы узнать как дела, и которые пытались сделать тебе сюрприз на день рождения, — мама шокирует своим криком даже саму себя. Она присаживается на свободное место на кушетке рядом с Дианой и собирается похлопать ее по колену, но Диана подтягивает их к груди. — Знаю, они перешли на новый уровень, но ты тоже встретишь отличного парня.

— Как Том Хэнкс и Мэг Райан?

— Точно!

Диана водит ложкой по тарелке, избегая смотреть маме в глаза.

— Ты увидишься с друзьями, пообщаешься и повеселишься, — говорит мама.

— Едва ли их можно считать моими друзьями. Я никуда не поеду.

Мама хватается ключи от машины Дианы с кофейного столика и опять становится спиной к телевизору, загораживая обзор. Она проворна и выглядит оживленнее обычного. Она готова к битве.

— Отлично, — говорит она. — Если ты не едешь туда, тогда в этом месяце ты больше никуда не поедешь.

— Ты не можешь этого сделать.

— Мы отдали тебе эту машину и можем забрать ее обратно.

Диана сползает с кушетки и сердито смотрит на маму:

— Хорошо.

— Думаю, ты отлично повеселишься.

Я спрыгиваю с кушетки.

— Я поеду с ней.

— Прекрасно. — Мама отдает ключи и моментально превращается в неконфликтную версию самой себя.

Диана облегченно мне улыбается, будто она рада, что кто-то в этом доме все еще на ее стороне.

***

Диана едет вниз по шоссе, одной рукой переключая радиоканалы.

— Это будет ужасно, — говорит она мне и самой себе.

— Это ведь просто скопище людей, глазеющих на ребенка?

— Вроде того. Мариан, возможно, попробует переключить немного внимания на себя.

— Разве ты не рассказывала мне, что она сильно напилась на двадцать первое день рождения Эйми, что ее пришлось отправить в больницу?

— Да, она пьяная рыдала в углу, пока мы пели «С Днем Рождения».

Помню, как приехала навестить Диану в колледже и провела время с ее подругами. Эйми, Мариан и Эрин вели себя как старшие сестры. Они все жили на одном этаже с Дианой в свой первый год. Потом все вместе вступили в женское сообщество и вместе снимали квартиру на последнем курсе. Они были такими классными, и по-прежнему являются таковыми для меня. Хотя я никогда не скажу об этом Диане.

Мы заезжаем в охраняемый микрорайон с домами в стиле Марты Стюарт. Словно здесь каждый домовладелец стремится превзойти предыдущего. Мы едем по дороге с видом на пруд. Диана паркуется на улице позади внедорожника с наклейкой «На борту ребенок». Вдоль дома Эрин огромная веранда, словно дань ее южным корням. Голубые воздушные шары, привязанные к почтовому ящику, качаются на ветру.

— Соберись, — говорит Диана, пытаясь казаться веселой, но я вижу, как она напугана, и единственное, что хочу — защитить свою сестренку. — Не обращай внимания на их самодовольство.

Я вспоминаю, как завидовала их крепкой дружбе. Я несу разноцветные счета, которые мы купили на распродаже.

— Они тебя любят.

— Они любят прежнюю Диану, ту, которая должна была выйти замуж и жить в одном

из этих уродливых домиков. — Она пристально смотрит на дом с печальным выражением на лице. Диана выплевывает жвачку на газон и спрашивает, готова ли я.

В доме Эрин полно мебели из Поттери Барн⁷, смешных фотографий и парочек. Куча парочек. По правде говоря, одни парочки. И все в одинаковой одежде. Мужчины одеты в свитера с v-образным вырезом, рубашки и джинсы. Их жены также одеты в свитера (конечно же, не таких цветов, как мужские) и узкие джинсы, заправленные в сапоги. Мы выглядим слишком простенько на их фоне. Я прямо чувствую, как Диана боится пройти по минному полю, полному этих погрязших в отношениях зомби. Она поднимает голову и приклеивает на лицо улыбку. Такое ощущение, что смотришь на продавца машин, за исключением того, что она продает свое счастье сомневающимся.

Я следую за ней. Парочки кучкуются вместе и ведут разговоры о пустяках, затем замечая Диану, начинают на нее таращиться. Это еще хуже, чем то, как на меня смотрели в кинотеатре. А ведь взрослые должны быть сдержанней. Они какое-то время следят за нами, а потом возобновляют свои ничего незначащие беседы, гордясь тем, что уж они-то смогли поставить галочку под каждым пунктом в обязательном списке для нормального члена общества. Таким будет сегодняшний школьный кафетерий через десять лет, ведь это следующий, уже предопределенный шаг в их наполненных стереотипами жизнях.

Мы с Дианой пробираемся вперед в своих громоздких зимних одеждах. Она наклоняется ко мне:

— Я только поздороваюсь с Эрин, посмотрю, как ребенок надевает штаны, а затем мы уйдем.

— Диана? — Эйми встает с кушетки. Ее беременный живот выпирает из-под свободной блузки. Зная Эйми, можно предположить, что у нее отойдут воды на каком-нибудь собрании.

Диана неловко ей улыбается.

— Привет.

— Не знала, что ты придешь, — говорит Эйми. Да, она не совсем рада видеть свою подругу. Кажется, она нервничает.

— Не знала, что ты ждешь ребенка.

— Да. Семь месяцев. Ждем, не дождемся, чтобы узнать пол малыша. Не хотим знать заранее, хотим удивиться. Прямо как я сейчас. Вау! Хорошо, что ты пришла!

Она тянет Диану в свои объятия, что кажется ужасно неудобным.

Замечаю пару позади меня, парочку, уставившуюся на Диану и перешептывающуюся между собой: «*Посмотри, это та несчастная одинокая девушка*». Готова поспорить, что именно это они и говорят. Но на их лицах нет злобных ухмылок сплетников и, кажется, они тоже нервничают.

— Привет, Бекка! Сто лет тебя не видела, — говорит Эйми. Ее взгляд направлен на кухонную дверь.

— Диана? — присоединяется Мариан. Ее обручальное кольцо с легкостью может ослепить в солнечный денек.

— Это мини воссоединение, — говорит Диана.

— Мы не знали, что ты придешь, — говорит Мариан.

— Ну вот, я здесь.

Мариан и Эйми обмениваются взглядами, которые плавно перемещаются на вход в кухню. Такое ощущение, что они соревнуются кто грубее.

— Вот так сюрприз, — говорит Мариан. — Тебе следовало предупредить нас заранее.

— Что ж, я этого не сделала. Где Оуэн? — спрашивает Диана. В ее голосе появляется язвительный тон.

— Думаю, она его кормит в своих белых штанах, вот храбрая душа, — говорит Мариан и начинает крутить кольцо вокруг пальца, для чего ей приходится чуть отодвинуть средний.

На кухне толпится народ, таким образом, указывая нам местонахождение Оуэна. Мне так страшно туда идти. Двигаю костяшки на счетах туда-сюда.

— Ты уже была на веранде? Там такое удобное кресло-качалка, — говорит Эйми. Она пытается увести Диану в этом направлении, но сестра отказывается.

— Что происходит?

Мариан выпучивает глаза и смотрит на свой стакан. Эйми, как всегда, само спокойствие.

— Кресло очень хорошее. Мы просто хотим с тобой пообщаться.

— Ерунда, — выплевываю я, даже не осознавая, что открыла рот. Это удивляет всех троих. Я ожидала столкнуться с самодовольством сегодня, но никак не со злобой. Да, может Диана и одна, но не заслуживает, чтобы об нее вытирали ноги.

— Диана.

Я узнаю этот голос. Диана также знает его, лучше каждого в этом доме.

Горло сжимается, счета выскальзывают из рук, но я успеваю подхватить их в последний момент. Диана может и выглядеть абсолютно спокойной для своих бывших друзей и знакомых, но я замечаю, как у нее трясутся руки. Она засовывает их в карманы.

Сестра медленно поворачивается, пытаюсь отсрочить унижение насколько это возможно.

— Привет, — говорит Диана.

В дверном проеме стоит Санкреш, поглаживая руку Прийи. Солнечный свет отражается в ее кольце. Оно больше, чем тогда было у Дианы.

Все молчат, только плач Оуэна заполняет эту тишину.

Воспоминания и чувства того дня прорывают мысленный барьер, который я специально возвела. Мне хочется подойти и задушить Санкреша. За то, что украл четыре года жизни Дианы, за то, что оказался таким трусом. За то, что отделался отговоркой, будто больше не влюблен.

Я встречаюсь взглядом с Эрин. Она прижимает Оуэна к плечу, а ее муж приобнимает ее. Она смотрит вниз, поудобнее устраиваясь в объятиях мужа.

Санкреш делает шаг вперед.

— Я не...

— Знал, что я приду, — продолжает Диана.

Эйми поглаживает руку Дианы, но сестра не обращает на нее никакого внимания.

Оуэн никак не уgomонится. Он орет, как бы Эрин его не укачивала.

— Пойдем, — говорит мне Диана, но я не двигаюсь.

Все эти зомби смотрят на нее, кроме ее так называемых подруг. Может быть, позже я и оценю всю эту иронию.

— Ну же, Бекка, — выхватывает она счета из моих рук и бросает их на стеклянный кофейный столик. Звук удара эхом отдается по комнате.

Я иду, не поднимая головы, сфокусировавшись на каблуках сестры. Я не закрываю за собой дверь. На улице чувствуется, какая-то вибрирующая энергия. Как будто дома смотрят

на нас и ждут, когда же мы уедем.

— Диана! Подожди! — Эрин выбегает на газон уже без ребенка.

— Пойдем, — Диана даже не оборачивается.

Каблук Эрин в чем-то увяз — жвачка? — и она падает лицом на газон. Я хочу помочь ей. На ее белых штанах останутся пятна от травы, и мне, почему-то, это неприятно. Но я продолжаю идти дальше.

Машина уже заведена. Диана смотрит на Эрин поверх руля, ее лицо начинает смягчаться. Клянусь, она уже собиралась открыть дверь и подойти, когда выбежал муж Эрин и помог ей подняться. Диана отъезжает.

Кажется, что Диана готова снести шлагбаум на въезде, но он открываются автоматически. Проехав первый светофор, Диана съезжает на обочину.

— Ты в порядке? — спрашиваю я. Но ответ очевиден.

Диана смотрит в лобовое стекло, а потом резко начинает бить кулаками по рулю. Снова и снова. Задыхаясь, мыча и шипя что-то неразборчивое. Удары становятся быстрее и безумнее. У меня такое чувство, будто именно меня избивают. Глаза наливаются слезами.

В конце концов, она останавливается.

Ни слова не говоря, она снова возвращается на дорогу, и мы едем домой.

19

Мне не следовало сегодня приходить в школу. Я сижу в кафетерии, ожидая классное собрание, и пытаюсь делать домашнюю работу, но все бесполезно. Не могу сконцентрироваться. Я постоянно проигрываю в голове наше позорное бегство со дня рождения Оуэна, поэтому мне просто не до уроков.

Тут меня находят Эзра и Джефф, но я не в настроении общаться, особенно с мистером Романтика.

— Делаешь домашнюю работу? — спрашивает Джефф, расправляя мешковатый свитер под рюкзаком. — Вот это преданность.

— Вчера я нашел статью, касающуюся финальной сцены в «Касабланке», хоть мне и тяжело это говорить, но она в чем-то подтверждает твою теорию, — Эзра светится от воодушевления. Он поднимает брови, ожидая моей реакции.

Я пожимаю плечами и возвращаюсь к своим конспектам по истории.

— Я отправлю тебе статью по электронке.

Я киваю, не отрывая взгляда от тетради. Делаю все возможное, чтобы быть вежливой, но единственное чего мне сейчас хочется — чтобы весь мир оставил меня в покое.

— Ты в порядке?

— Да.

Диана всю ночь просидела, заперевшись в своей комнате и смотря старые ситкомы. А я простояла у ее двери, прислушиваясь, плачет ли она, но слышала только смех зрителей. Интересно, что вчера там делали Санкреш и Прийя. Гости, вероятно, смеялись до колик из-за инцидента, и Диана теперь их любимая шутка.

— Ты уверена?

— Просто у меня позже контрольная, — киваю я.

— Это объясняет, почему ты сегодня так рано.

— Да.

Звук от ударов ее кулаков по рулю до сих пор стоит в ушах. Санкреш не знает, каково это. Также как и Эзра.

— Мне надо идти, — говорит Джефф. — Я обещал Карри помощь украсить шкафчик ее подруги ко дню рождения.

— Ей стоило бы ослабить поводок, — бормочет Эзра.

— И не говори! — Джефф машет рукой и убегает. Он никогда не сделает того, что Санкреш сделал с Дианой. Слишком боится своей девушки. А может и сделает — просто уйдет потихоньку. Вероятно, парням легче быть подонками, чем нормальными людьми.

Эзра стучит пальцами по спинке стула.

— Уверена, что все в порядке? — Он поправляет свою подвеску с изображением конопли, ожидая, когда я попрощаюсь, и косит глаза вверх и влево, будто у него паралич. — Ладно. Увидимся.

Я не могу позволить ему вот так уйти. Такие парни, как он, достаточно срывались с крючка. Монике пришлось лечить разбитое сердце, когда Эзра бросил ее ради Изабель, а теперь и Изабель где-то плачет, пока они с Вал пререкаются, кому стоит первым прекратить пилиться на другого. Почему люди мечтают влюбиться, заранее зная побочные эффекты?

— Эзра, — говорю я. Он останавливается около соседнего столика. — Ты вообще хоть немного переживал, когда бросал Изабель и Монику? Или тебе было все равно, ведь у тебя уже была другая девушка?

Все дружелюбие испаряется с его лица, и он переходит в режим «защиты».

— Нет, мне было не все равно.

— Правда? Такое ощущение, что у тебя своя система, которой ты следуешь, и, судя по всему, Вал следующая.

Он засовывает руки поглубже в толстовку. Признак вины?

— Почему бы тебе не вернуться к учебе? — говорит он.

— Эзра, просто ответь на вопрос. Вал — моя лучшая подруга. Я хочу подготовить ее, если ты собираешься с ней расстаться? Ты исчерпал свой временной лимит или тебе просто стало скучно?

— Да что с тобой такое?!

— Тебе действительно плевать на людей, которым ты причиняешь боль? — я с отвращением качаю головой. — Вы все одинаковые.

Его лицо искажает грусть. Я смотрю в печально опущенные глаза и вижу парня, который учил меня кататься на коньках. Эзра стремительно направляется к выходу из кафетерия.

Я бегу за ним, догоняя его на полпути пути.

— Что? — спрашивает он

Сначала я молчу, а потом слова, словно сами вылетают изо рта, и я рассказываю ему историю о Диане, Санкреше и дне рождения Оуэна.

— Вау, — говорит он. — Вот отстой.

— А...Что случилось с теми другими девушками?

Он пожимает плечами.

— Просто не срослось.

— И что это значит?

Он смягчается. Его теплые, ореховые глаза будто видят меня насквозь, как тогда на катке, только на этот раз он хочет сказать мне что-то еще.

— Мы не любили друг друга.

— О, это лучшее оправдание.

— Это не оправдание.

— Именно оно. Если кто-то хочет прекратить отношения, но не хочет озвучивать истинную причину, то использует оправдание: «я тебя больше не люблю». Как может такое сильное чувство просто пройти? Это же не простуда.

— Когда ты только-только начинаешь встречаться с человеком, то еще не влюблен в него, — говорит Эзра. Его лицо озаряется. — Но чувствуешь что-то особенное, и это может быть любовь. А может и нет. Ты надеешься, что это чувство перерастет нечто большее. Иногда этого не происходит, но проверить все же стоит. Любовь — не математическая формула.

— Это просто оправдание для поступков людей, чтобы они могли делать что хотят. Я тебя люблю... ой, а сейчас нет. Меня достало, что люди так паршиво поступают, говоря это.

— То есть ты считаешь, что я паршиво поступил по отношению к Изабель? К концу наших отношений мы оба были несчастны друг с другом. Молча гуляли после школы, нам даже не о чем было поговорить. Я пытался поговорить о том, что происходит, а она не слушала, но, тем не менее, хотела оставаться в отношениях, — Эзра облизывает губы, и теперь они еще больше выделяются на фоне его бледной кожи. — Расставания никогда не проходят гладко и легко. Если я не плакал в туалете, то это еще не означает, что мне было все равно. Не хочу обидеть твою сестру, но ты ведь знаешь только ее версию истории.

Последняя фраза причиняет острую боль, несмотря на то, что это может оказаться правдой. Вдруг Санкреш действительно прошел свои собственные круги ада. Я об этом никогда не узнаю. Это очень интересная мысль. Я ведь знаю только одну версию отношений: от своей сестры или клиентов. Раздается звонок, предупреждающий о начале классного собрания.

Эзра хлопает меня по плечу. Его рука задерживается на секунду дольше, чем следует.

— Надеюсь, твоей сестре лучше.

***

После тренировки я прихрамывающей походкой выхожу из раздевалки. Моя правая нога невыносимо болит. Такое ощущение, что я потянула никому не известную мышцу на большом пальце. Хаксли стоит у питьевого фонтанчика, проверяя телефон, и ожидает своих подружек. Девчонки машут ей руками, улыбаются и сразу же поворачиваются друг к другу, начиная обсуждать все, что касается Хаксли и Стива.

— Ой, посмотри, Хаксли в одиночестве. Интересно, где же Стив? — шепчет одна из них позади меня.

— Доставляет пиццу, — шепчет ее подруга в ответ. Затем они хихикают.

Я слышала, Стив сказал, что доставлял пиццу на чей-то день рождения на катке. А Анджела просто случайно там оказалась. Думаю, это вполне возможно, и оправдание было бы принято в суде или других местах, где разум правит балом. Но не здесь. Мне всегда казалось, что девушки Ашлэнда восхищаются Хаксли. Видимо, она как знаменитость, поэтому они мечтают увидеть ее падение с пьедестала.

Я прощаюсь с ней, но затем останавливаюсь. Ведь у меня появилась отличная возможность.

— Как дела? — спрашиваю я.

Ее оливковая кожа светится под флуоресцентными лампами.

— Прекрасно. — Кажется, она удивлена вопросом. Вероятно, я единственная девушка в СТА, кто спросил ее об этом.

— Слушай, если захочешь поговорить...

Хаксли оживает, и на секунду я снова вижу свою лучшую подругу.

— Я ценю это, Ребекка. Но я в порядке.

— Знаешь, чем чаще ты это говоришь, тем меньше я тебе верю.

Хаксли убирает телефон и идет со мной, оставив позади Рейган и Эддисон в раздевалке.

Мы выходим через центральные зеленые двери Ашлэнда, которые еще не заперты. Сегодня теплый вечер — признак того, что в любой момент наступит весна. На парковке только несколько машин.

— Ты мне нравишься, Ребекка. Ты говоришь то, что думаешь. Это словно поток свежего воздуха.

— Можешь звать меня Бекка. Как все.

— Я знаю.

Я иду с ней к ее трону на колесах — белому «Рендж Роверу». Интересно, сколько людей видело нас вместе. В то время как я разговариваю с ней исключительно в исследовательских целях, мой общественный статус поднимается до небес.

Хаксли внимательно осматривает меня, и я чувствую себя, как на досмотре в аэропорту.

— Думаю, ты носишь ту же самую одежду и макияж со времен средней школы.

— Не правда.

Она поднимает брови. Не *ту же самую* одежду и макияж. Я подобрала себе стиль, который мне идет и помогает не выделяться. Ну, или я так думала.

— Думаю, темный оттенок тебе подойдет больше. — Она поднимает руку к моей щеке, чтобы лучше это представить. Я убираю ее руку.

— Спасибо за совет.

— Думаю, так ты выглядела бы горячее. Ну, круто. Что ты сейчас делаешь?

Пытаюсь придумать подходящий ответ. Не хочу, чтобы она знала, что моя жизнь настолько скучна, как она и считает. Но, тем не менее, мы обе ведаем правду.

— Ничего, — говорю я.

— Хочешь сходить в универмаг Виллоухэвен? Мы можем подобрать тебе новый макияж и пару нарядов.

Я чувствую ловушку и медленно отступаю.

— Я сегодня ужинаю с семьей. Они меня ждут.

— Твою порцию могут поставить в духовку. Это будет стоить того, когда они увидят твой новый гардероб.

— Мне нравится моя одежда. Может быть, мой макияж и не очень, но у меня хорошее чувство стиля.

— Твоя одежда слишком неприметная. Когда ты вступила в СТА, я сказала, что помогу тебе найти парня. Это необходимый шаг номер один.

— Уже поздно, а Виллоухэвен в получасе езды.

— Ты же не ждешь, что я поеду в Саннисайд Парк, правда? Это место наводит на меня депрессию. — Хаксли садится в машину, и у меня возникает ощущение, что она возвышается надо мной на добрых шесть футов, протягивая руку помощи бедной крестьянской девочке. —

Ну же, Ребекка. Не будь занудой.

Я так устала от одиночества. Вал столько раз хотела придумать мне новый образ, но теперь ее нет рядом. Я сажусь в машину Хаксли и откидываюсь на глубоком кожаном сиденье.

Машина рвет с места. С каждой минутой мое возбуждение нарастает. Хаксли включает радио и настраивает его на старую песню Бритни Спирс.

— Ты помнишь? — спрашивает Хаксли.

— Видео, которое мы смонтировали? Да. А потом удалили с YouTube.

— Очень на это надеюсь!

Ее рука стучит по рулю. Я качаю головой вперед-назад. Начинаю заводиться. Я только что оттанцевала два часа, но во мне еще бурлит энергия. Ближе к припеву, я прибавляю громкость.

— Пять, шесть, семь, восемь!

И мы начинаем наш танец, немного измененный для сидения в машине. Каждое движение выходит само собой. Я никак не могла повторить его одна. Некоторые вещи вспоминаются только с другими людьми.

На припеве Хаксли трясет волосами, не сводя глаз от дороги. Только, когда мы выезжаем на шоссе, я понимаю, что все идеально идет по плану.

20

Девушки притащили своих парней в «Hit or Miss», но Хаксли не обращает на них внимания — она перебирает вешалки с одеждой.

— О, примерь вот это! — Она откуда-то вытаскивает приталенное платье в красно-черную полосу.

— Оно не для меня.

— Это именно то, что надо! — Хаксли прикладывает его ко мне. — Ты могла бы показать отличную фигуру, если бы перестала прятать ее под свитерами и кардиганами.

— Вообще-то, если ты не заметила, на улице прохладно. Теплая одежда вроде как необходимость, — я вешаю платье на место. То, что я читаю модные журналы, еще не означает, что я буду одеваться, как модели в них.

— В этом случае можно надеть пальто, — она снова вытаскивает это платье. — Поверь мне. Эти платья чудесны. Они подчеркнут твою фигуру и выделяют бедра, зад и *особенно* твои...

— Хорошо. Я его примерю, — скрещиваю я руки на груди.

Парни с мученическими выражениями лиц, сидят около примерочных, словно их приковали. Вероятно, они уже протерли подлокотники кресел, считая часы, когда наконец-то будут свободны. Невысокая коренастая девушка выходит из примерочной в кожаной юбке, которая ну совсем не красит ее бедра.

— Как тебе? — спрашивает она парня. На его лице страх и изнеможение.

— Тебе идет.

— Я слышу сомнение в твоем голосе?

Его нижняя губа дрожит.

— Н-нет. А сейчас тебе не хотелось бы перекусить?

— Нет, пока ты не честно ответишь, как она на мне сидит, — говорит она ледяным

тоном. Думаю, нет смысла покупать одежду, которая не нравится твоему парню.

Продавщица ведет нас к примерочной для инвалидов в конце зала. Я вешаю красивое, но не мое, платье на крючок. По крайней мере, в Виллоухэвене никто из Ашлэнда меня не увидит. Я надеваю платье и пытаюсь понять, почему же Стив не среди этих парней в креслах. Почему Хаксли проводит время со мной, а не с ним? Если бы она переживала, что он изменит, разве она не держала бы его при себе постоянно? Может быть, они хорошо проводят время, потешаясь над нами и слухами?

Я смотрюсь в зеркало. Неужели это мое тело? Оу, у меня есть грудь! Можно сказать, что в некоторых местах у меня довольно *женственная* фигура. Откидываю волосы с лица, делая вид, что я в объективе фотографа из «Вог». Черт возьми, Хаксли! Ты права!

Все парни поворачиваются в мою сторону и не могут сдержать улыбки. Как и я. На секунду, я представляю себе картинку, как один из них встает и обнимает меня. Невысокая и коренастая тычет пальцем в лицо своего парня, и мы оба приходим в себя.

— Думаю, у нас есть победитель, — говорит Хаксли. Она подобрала мне еще два платья.

— Я не могу позволить себе купить их все.

— Я оплачу. Мне нравится помогать менее удачливым. — Она вешает их в примерочной. Даже если Хаксли и не заботится о деньгах, мне все равно от этого не по себе.

— Почему ты так добра ко мне? — Хотелось бы выразить это по-другому, но подозрение и любопытство, кажется, отключили какую-то часть мозга.

— Потому что там, где ты видишь гадкого утенка, я вижу лебедя.

Я поражена, насколько ласково и невинно она это говорит. Молча, я возвращаюсь в примерочную.

***

Мы идем в сторону «Спритц» — нового косметического магазина, который недавно обнаружила Хаксли, а это означает, что через неделю девушки Ашлэнда его опустошат.

— А где сегодня Стив? — спрашиваю я, когда мы проходим мимо фудкорта. Парочки кормят друг друга жареной картошкой и булочками из «Синнабон», так же как это делают в школьном кафетерии. Вероятно, еда не так вкусна, если тебе ее не кладут в рот.

— Он с семьей пошел на игру «Девилс».

— А тебя не пригласили?

— Пригласили, но у меня тренировка и я не хотела поздно ложиться спать. Я завтракаю с ними в воскресенье.

— Ты много времени проводишь с его семьей?

— Да. Его родители самые лучшие, они подарили мне этот браслет, — она вытягивает руку, чтобы показать простую золотую цепочку на запястье. Милый подарок от людей, которые хотят выкинуть ее из жизни своего сына.

— А где сегодня Вал? — спрашивает она.

— Вероятно, с Эзра, — я прилагаю все усилия, чтобы это прозвучало как можно беспечнее.

Хаксли гладит меня по спине.

— Не переживай. Скоро мы и тебе найдем парня, — говорит она утешительным тоном. Она думает, что я завидую? Почему все всегда сводится к этому?

Громкая музыка, красно-голубое освещение внутри «Спритц» — все это больше подходит девушке, собирающейся в клуб, а не в школу. Хаксли также явно не в восторге от всего этого, не понимаю, почему она выделила именно этот магазин.

Она выбирает несколько помад от розового до ярко-красного оттенка, пробует их на ладони, а затем прикладывает к моему лицу.

— Думаю, лучше естественный оттенок. Ничего вызывающего, — говорит Хаксли.

— Согласна.

— Дай мне свой блеск для губ, которым ты пользуешься последние лет сто.

Я отдаю ей свой бледно-розовый блеск. Цвет неброский, но и девушки вроде меня не гонятся за вниманием. Хаксли выбрасывает его в мусорное ведро за стойкой. Я молчу. Мы обе знали, что так и будет.

— Давай попробуем бордовые оттенки!

— Они слишком темные. Люди в космосе не должны видеть мои губы.

— Можно подобрать посветлее.

Хаксли осматривается и цепляется взглядом за консультанта, стоящей спиной к нам. Светлые волосы той, каскадом ниспадают на спину. Она могла бы посоревноваться в этом с Хаксли.

— Простите, у вас не найдется салфетки?

Девушка поворачивается. Я округляю глаза, а сердце на секунду перестает стучать. Разительный контраст с невозмутимой Хаксли.

— Привет, — говорит Анджела.

Ни одна из них не нервничает, а может быть, они просто очень хорошо умеют это скрывать. Мне же хочется залезть под стол.

— Ты не могла бы дать мне салфетку? — спрашивает Хаксли, показывая на свою руку.

— Конечно.

Анджела протягивает одну, и Хаксли вырывает ее из ладони. Мое сердце стучит громче, чем контрабас.

— Спасибо. Не знала, что ты тут работаешь, — говорит Хаксли. — Тебе определенно подходит это место.

— Да, работаю после школы. Как и Стив.

Я вздрагиваю, услышав его имя.

Хаксли вытирает руку и бросает грязную салфетку на стойку.

— Моей подруге нужен оттенок посветлее. Что-то между светло-розовым и красным. Есть идеи?

Анджела внимательно смотрит на меня. И как мне теперь себя вести?

— Я бы попробовала оттенок «Ледибаг» — он сейчас на мне, — Анджела вытягивает губы для демонстрации. — Или «Пламфул», если хочется чего-нибудь более нейтрального, — она вытаскивает два тюбика с витрины и красит мои трясущиеся губы сначала оттенком «Ледибаг».

— Слишком вызывающе, — говорит Хаксли, взглянув на меня. Она улыбается Анджеле. — Без обид.

— Давай попробуем «Пламфул», — говорит Анджела, стирая «Ледибаг».

— Как покаталась на коньках? — спрашивает ее Хаксли.

— Было весело. Я столкнулась со Стивом.

— Знаю, он сказал. Стив рассказывает мне все.

— Даже не сомневаюсь, — говорит Анджела. Злобная ухмылка искажает ее лицо. Меня потряхивает от адреналина. В любую минуту может начаться драка.

— Анджела, вопреки тому, что ты слышала, история не повторяется. Поэтому успокойся, — говорит Хаксли.

Анджела красит мои губы оттенком «Пламфул». Это большой шаг вперед для меня. Но я уступаю Хаксли. Именно сейчас, только ее мнение имеет значение. Она кивает в одобрении.

— Мы возьмем эту.

— Правда? Думаю, «Ледибаг» смотрится лучше, — Анджела переводит взгляд на меня. — Какой больше нравится тебе?

— П-п-пламфул.

Анджела пробивает помаду.

— Спасибо за покупку в «Спритц»! Передай Стиву привет.

Хаксли выходит из магазина, аккуратно обходя покупателей. Она не ждет меня, но я следую прямо за ней. Мне хочется оказаться подальше от этой девушки, также как и ей.

Возле магазина «Гэп» она сбавляет темп, и я догоняю ее. Хаксли улыбается. «Спритц» теперь в далеком прошлом.

— Прости, что тебе пришлось это увидеть, — говорит Хаксли. — Но я не могла встретиться с ней наедине. Давай оставим это между нами.

Я киваю. Теперь понятно, почему она так хотела пройтись со мной по магазинам.

21

Моя семья и прогресс — вещи несовместимые. У нас даже нет автоответчика, поэтому мне приходится отвечать на телефон, молясь, чтобы это не был кто-нибудь из моих болтливых родственников, например: тетя Лиза. Конечно, я ее люблю, но не тогда, когда она полчаса забрасывает меня вопросами, и один из них всегда касается того, встречаюсь ли я с парнем.

Как только я захожу домой, то слышу телефонный звонок. Бросаю сумки с покупками на пол и бегу на кухню, чтобы ответить. За столом сидит Диана, ест крекеры и просматривает журнал. Она никогда не отвечает на звонки. Ей не интересно говорить с кем бы то ни было, кроме телемаркетеров, потому что когда они спрашивают ее как дела, то уж точно не из жалости.

— Алло?

— Алло? Бекка?

Горло мгновенно пересохло и мне приходится прокашляться, чтобы ответить:

— Привет!

— Это Эрин.

— И Мариан.

Жаль, что не тетя Лиза, интересующаяся гнусавым голосом, в какой колледж я собираюсь подавать документы.

— Как дела? — спрашивает Эрин. Она старается, чтобы голос звучал радостно, но ей также не по себе, как и мне. — Я была очень рада видеть тебя, несмотря на обстоятельства.

— Спасибо.

— Диана дома? Мы бы хотели с ней поговорить? Она сменила номер мобильного?

Интересно, почему они звонят вместе. Двое против одного. Как всегда.

— Секундочку, я проверю.

Я прижимаю трубку к груди и говорю, кто звонит. Диана качает головой и опять начинает листать журнал.

— Ее нет дома. Что-нибудь ей передать?

— Как она? — спрашивает Мариан. — Диана не отвечает на звонки и электронные письма.

— Санкреш и Джеймс остались друзьями, мы не думали, что она собирается прийти. Бекка, мне ужасно неудобно, что так получилось, — голос Эрин прерывается, и где-то глубоко внутри эти слова трогают меня, — мы надеемся, что она в порядке.

— Я передам ей, что вы звонили. Мне нужно идти. — Я обрываю связь, и некоторое время держу трубку в руках. Диана смотрит, как я кладу ее на место.

— Может, тебе следовало с ними поговорить? Кажется, они искренне переживают.

— Они просто хотят посмеяться. Если им действительно не все равно, почему они не приехали меня навестить?

Почему Диана даже не хочет попробовать с ними поговорить? У нее есть машина. Она же не инвалид. Но потом, я заново вспоминаю, как в тот день они все просто стояли и смотрели на происходящее, вместо того, чтобы попытаться это предотвратить. Они позволили мне и Диане выглядеть цирковыми клоунами. Они не знают, через что прошла Диана.

— Им все равно, — говорит Диана. — Поверь мне.

Именно так я и делаю, ведь она моя сестра.

***

Не сказала бы, что Хаксли меня преобразила. Я и до этого не была прыщавой девушкой, которая носит растянутые футболки и джинсы. Она просто подчеркнула имеющиеся исходные данные. Поэтому первый школьный день в новом образе вряд ли повлияет на мой общественный статус. Да, на меня удивленно и оценивающе смотрели, но я не произвела значительного эффекта. Я все еще та девушка в вашем классе, просто в обтягивающем платье.

— Бекка? — Вал замечает меня в коридоре после первого урока и тянет с собой Эзра.

— Вау, Бекка, — говорит она. Но в голосе не слышно энтузиазма, скорее неверие и обида. — Ты отлично выглядишь, — она изображает восхищение. — Не могу в это поверить!

— Да, вот немного привела себя в порядок, — я пытаюсь уловить реакцию Эзра, но ее нет.

— Ты ходила за покупками и даже не позвала меня с собой? — спрашивает Вал.

Сомневаюсь, что она пошла бы со мной, если бы была с Эзра.

— Хаксли пригласила меня.

— О, не думала, что вы снова стали подругами, — в голосе Вал боль и ревность. Теперь она знает, каково это.

— Да, мы стали ближе за время тренировок в СТА.

— Отлично, — Вал кладет голову на плечо Эзра. — Разве она не великолепно выглядит?

Он проводит рукой по волосам, качает головой и произносит непонятное «Мэ-э». Знаю, что он шутит, но меня это все равно ранит. Было бы хорошо, если бы он отреагировал, как те

парни в универмаге.

Вал пихает его локтем. Он обнимает ее и притягивает ближе.

— Ты не считаешь, что она просто красавица?

— Она всегда ей была. Новое платье ничего не меняет.

— Мне нужно идти, — я направляюсь на второй урок, зардевшись как роза.

***

За ланчем парни за столом в открытую меня разглядывают, и я воспринимаю это как комплимент.

— Вау, — говорит Квентин с восхищением. — Ты отлично выглядишь! — он с трудом пытается отвести взгляд от моей груди.

Фред краснеет, пытаюсь открыть пакетик с кетчупом. Должно быть, я действительно хорошо выгляжу или просто они никогда не разговаривали с хорошенькими девушками.

Телефон пищит, и я вижу, что пришла смска от Хаксли.

«Ребекка, садись за мой столик и немедленно выброси это печенье!»

С ее исключительной наблюдательностью ей нужно работать в ЦРУ. Я беру еду и иду через весь кафетерий. Подхожу к мусорному баку и выбрасываю печенье. Вал вопросительно смотрит на меня со своего любовного гнездышка.

Прохожу мимо столика Бари. Сейчас, вместо Дерека, рядом с ней сидит Калиста, и, судя по всему, они ведут разговор по душам. Бари успокаивающе гладит Калисту по руке. С виду просто двое людей, разговаривающих друг с другом, но я-то знаю, о чем или о ком, они говорят.

***

Угловой столик Хаксли залит солнечным светом. Друзья, еда — все отражается в нем. Часть меня очень хочет сидеть с Хаксли и ее компанией. В качестве научного эксперимента и просто для разнообразия.

— Как салат? — спрашивает Хаксли. Она взяла себе такой же.

— Как и ожидалось.

— Интересно, есть ли какое-то правило, требующее, чтобы еда в кафетерии была несъедобной? — спрашивает она.

Я стою возле столика, за которым просто нет свободных мест, и чувствую себя ужасно неудобно.

— Эддисон, — говорит Хаксли. — Поднимайся.

Эддисон отрывает взгляд от журнала. Она симпатичнее большинства моделей, изображенных в них. Ее кудрявые рыжие волосы подпрыгивают от резкого движения.

— Что?

— Ты сидишь на месте Бекки.

— О чем ты говоришь, Хакс?

— Ты больше здесь не сидишь.

Эддисон смеется, воспринимая это как шутку, но Хаксли продолжает пристально на нее смотреть и терпеливо ждать, когда Эддисон встанет.

— Ты шутишь?

— Нет. Ты больше здесь не сидишь. — Хаксли сидит неподвижно, готовая атаковать в любой момент, если понадобится.

— Я думала, мы друзья, — говорит Эддисон.

— Я тоже. Но когда вещи, о которых я тебе рассказываю по секрету, распространяются по всей школе, то начинаю сомневаться в нашей дружбе. Я думала, что могу тебе доверять, но, видимо, это не так. Как я могу есть в твоём присутствии, если при одном взгляде на твоё лицо, у меня пропадает аппетит?

Хаксли не скупится в выражениях. Кажется, я попала.

— Это безумия. Клянусь, я никогда ничего никому не говорила.

Стив сжимает руку Хаксли, пытаюсь ее поддержать.

— Поднимите руки те, кому Эддисон передавала личную информацию обо мне и Стиве или Стиве и Анджеле, — говорит она.

Медленно, но каждый сидящий за столом поднимает руку. Эддисон кривит лицо, пытаюсь выглядеть оскорбленной.

— Это заговор! Не волнуйся, Хакс, у меня есть ещё много чего, что можно рассказать, — Эддисон складывает учебники и убегает из кафетерия, оставив поднос на столе.

Хаксли усмехается и указывает мне на пустой стул.

— Сядь!

***

За столом Хаксли ведутся светские беседы, и, каким-то образом, меня это заинтересовало. Все-таки они звезды нашей школы, и я имею возможность изучить их в естественной среде. Знаю, глупо звучит, но круто, что я с ними. Кто же знал, что так легко стать популярной? Всего лишь немного лжи, манипуляций и довольно средние танцевальные данные.

Девушки разговаривают о моде и знаменитостях, а парни о спорте. Они прекрасно играют свои роли. Я сижу в центре, поэтому в курсе обсуждений обеих сторон.

— Стив, как насчет того, чтобы повеселиться? — спрашивает Грег Бэйлор с набитым ртом — крепкий парень с растрепанными светлыми волосами. Его запросто можно принять за пещерного человека.

— О чем ты, приятель? — спрашивает Стив.

— Вчера мне позвонил рекрут из Университета Чандлер. Он пригласил нас осмотреться в кампусе на выходные, — Грег закидывает в рот еще немного еды. Как бы мне хотелось есть макароны с сыром и не думать при этом о калориях.

— Нас? — спрашивает Стив. Хаксли настораживается и сосредотачивается на их беседе.

— Да. Ты все еще ему интересен. Ты собираешься это доедать? — Грег тычет пальцем в мой овощной ролл. Я толкаю ему ролл, и он моментально исчезает у него во рту.

— Правда?

— Тебе нужно поехать. В прошлом году Университет Чандлер выиграл кубок. Я слышал, что их кампус отличное место для безумств, — он играет бровями, будто мы и так не поняли, что он имел в виду.

— Он все еще мной интересуется? — говорит Стив.

— Я же сказал, что да.

Стив пристально смотрит на быстро исчезающие макароны с сыром и что-то обдумывает. Уверена, он представляет себе различные сценарии выходных, наподобие видео «Слетевших с Катушек Девчонок». Уголки его губ подрагивают в улыбке.

— Готов поспорить, он снова предложит тебе стипендию, — говорит Грег.

— Слишком поздно. Стив собирается в Вермилион, — сладко пропевает Хаксли.

— Это окончательный ответ? — спрашивает Грег.

Я вспоминаю разговор Стива с тренером. Если он не сможет оплатить учебу в Вермилионе, то ответ отнюдь не окончательный.

— В принципе, да, — говорит Стив. Хаксли массирует его плечо.

— В принципе? Поехали со мной. Все там посмотрим. Это всего одни выходные, Стив.

— Не думаю, что это хорошая идея, — встревает Хаксли. — Будет несправедливо тратить школьное время и деньги, если у него нет намерений поступать в этот университет.

Она кладет голову ему на плечо. Стив еще раз обдумывает предложение, потом кладет вилку на пустую тарелку.

— Тебе решать, приятель, — Грег начисто вылизывает свою одноразовую тарелку, а затем ее комкает.

— Я пас. Я уже решил, куда собираюсь поступать после школы, — он поворачивает голову к сияющей Хаксли и смачно целует ее в губы.

***

Быстро несусь к своему шкафчику, пока не начался шестой урок. Обычно мы заканчиваем ланч за несколько минут до звонка, поэтому у меня есть время заглянуть в шкафчик, а потом появиться на уроке по здоровому образу жизни без опозданий. Я заворачиваю за угол, где расположены классы по естественным наукам и ноздри наполняет запах формальдегида. Затем захожу в нужный коридор и резко останавливаюсь.

Прислонившись к моему шкафчику, стоит Вал и плачет.

22

— Мы можем поговорить? — спрашивает она. Ее глаза умоляют меня не отказываться.

— Что случилось?

Она отходит от шкафчика. Я бросаю на пол сумку с учебниками, могу поклясться, напольная плитка треснула под их тяжестью.

— Мне действительно нравится, как ты теперь выглядишь. Помнишь, я советовала тебе оттенки потемнее?

— Спасибо, — я приседаю на корточки и убираю ненужные учебники. Даже не могу вспомнить, когда мы общались с Вал без Эзра. Такое ощущение, что лет десять назад.

— Итак, как твои дела? — спрашивает она.

У меня такое чувство, что эта девушка мне незнакома. Как такое могло произойти? Кидаю книги обратно в сумку. Забегу сюда перед седьмым уроком. Это просто попытка.

— Мне нужно идти в класс.

— Подожди, — Вал хватается меня за ремешок сумки. Ее голос дрожит. — Я скучаю по тебе, — она вытирает нос рукавом блузки.

— Я нигде не исчезала.

— Но мы не общаемся.

— Не по моей вине! — Я никого не кидала ради парня.

И вот я тоже начинаю плакать. Я так скучала по Вал.

— Знаю, — говорит она, — мне так жаль. Я не хочу, чтобы перестали дружить из-за парня.

Я приятно удивлена ее словами.

— Я тоже.

— Давай прекратим эти неловкие обмены ничего незначащими фразами при встрече друг с другом. Это же так на нас не похоже!

— Согласна.

Мы обнимаемся и утираем слезы.

— Обещаю прекратить говорить только об Эзра, — говорит она.

— Так ты, наконец, это заметила?

— Бекка, скажу тебе честно. Меня просто затянуло в водоворот, я даже не успела понять, как это произошло. Иметь парня — это такой постоянный неугасаемый порыв, зато даже самые скучные моменты жизни становятся интересными, когда он рядом. Поэтому, думаю, что у меня все хорошо. Я думала, что и у нас все в порядке. Но потом я увидела, как ты общаешься с Хаксли и сидишь за ее столиком. Именно тогда я и поняла, что что-то не так.

Я бросаю рюкзак на пол, и он падает с глухим стуком. Она улыбается так, словно скучала по этому звуку.

— Как у тебя дела с Эзра?

— Прекрасно. Но... я знала, что он фанат кино, но не до такой же степени. Восемьдесят процентов того, о чем он говорит — это кино. Только между нами: это надоедает.

— Может, ваши отношения себя исчерпали? — говорю я, надеясь, что они расстались.

— Нет! Что ты, — отвечает она, даже не задумываясь. Мне хочется ее спросить действительно ли она любит Эзра, но сейчас лучше промолчать. Наша дружба слишком хрупка, чтобы сейчас задавать подобные вопросы. Я снова начинаю раздражаться, даже больше, чем во время наших недавних бесед. Теперь, когда я узнала Эзра поближе, то считаю, что он заслуживает того, кто может оценить его вместе с его увлечением. Он ищет кого-то особенного, в то время как Вал хочет быть с кем-то исключительно ради того, чтобы не остаться в одиночестве.

Я открываю шкафчик и меняю учебники.

— Скажи мне честно, — говорит Вал. — Хаксли как подруга лучше меня?

— Нет, — автоматически отвечаю я. Не могу сомневаться ни секунды, иначе Вал никогда мне этого не простит. — Если только тебя не привлекают лживые комплименты.

Вал смеется, счастливая из-за того, что ее место никто не занял.

— Как по-настоящему зовут Хаксли? Спорю, что-нибудь типа Хэзер, но это имя оказалось слишком простым для нее.

Звонок оповещает о начале занятия, но почему-то из-за этого мы начинаем смеяться еще громче.

***

Вернувшись домой, я обнаруживаю электронное письмо от мистера Тауне.

«Мне нужен ПОЛНЫЙ отчет о прогрессе. Давай поговорим».

Я закатываю глаза. Он что, отец, спрашивающий, как мои успехи в выполнении домашней работы? Ни один из клиентов не требовал подобного. Все верили в меня и в то, что я выполню ожидаемое. Но с другой стороны им и не приходилось так долго ждать каких-либо результатов.

— Все немного затягивается, — говорю я ему по видеочату. — Но я делаю успехи.

Его глаза холодно смотрят на меня через экран. Он сидит, откинувшись на стул и сложив руки на животе.

— Прошло уже шесть недель с нашего последнего разговора. Ты не можешь постоянно молчать. Твой единственный язвительный отчет ни о чем.

И какие данные я должна ему предоставить? Я же не статистическое бюро. Хочется сказать ему, чтобы он мне доверял. Пары не разбиваются за один день. Но я киваю, соглашаясь с ним.

— Извините. Буду держать вас в курсе.

— Таким образом, через шесть недель ты только и можешь сказать, что у тебя есть кое-какой прогресс?

— Для таких вещей нужно время. Или вы думаете, что Хаксли так легко откажется от Стива?

— Такими темпами они расстанутся к серебряной годовщине, — ерзает он в кресле, как ребенок в комнате ожидания. Вероятно, он не привык работать с подростками, особенно в таких костюмах. — Послушай, решение по поводу колледжа вступает в силу с пятнадцатого мая. Если Стив не передумает, то вся его жизнь будет загублена. Он навечно застрянет под боком у Хаксли.

Я, конечно, не единственный человек, который тоже так думает, но услышать это из уст взрослого человека кажется оскорбительным.

— У тебя один месяц, — напоминает он мне, перед тем как отсоединиться.

***

Я пересказываю наш разговор Диане. Мне хочется выйти из дела.

Оно начинает меня беспокоить.

Сестра лежит на кровати и красит ногти на ногах в неоновозеленый цвет. В своем свитере университета Ратгерс она выглядит как рождественское украшение.

— Тебе нужно продолжать, — говорит она.

Но все это уже не кажется мне таким уж и простым. Вспоминаю Хаксли, стоящую возле питьевого фонтанчика с вымученной улыбкой на лице. В то время как так называемые подружки сплетничают буквально в шаге от нее. Им всем наплевать, что она делает все, чтобы шоу СТА получилось захватывающим. Что будет, если отношениям Хаксли и Стива придет конец? Об этом будут говорить до самого выпуска. Это ведь не просто пара, о которой вскоре все забудут. В этом случае натянутая улыбка Хаксли станет частью ее гардероба.

Диана ощущает мою неуверенность.

— Не говори мне, что тебе жаль эту девчонку.

Я падаю на кровать. Именно поэтому я терпеть не могу работать под прикрытием.

Чтобы хорошо исполнять работу нужно быть на расстоянии от объекта. Вы ведь никогда не видели наемного убийцу, листающего семейные альбомы со своими жертвами.

— Все дело в том, что мы типа, возможно, на стадии того, чтобы в ближайшем будущем снова стать подругами, — говорю, хотя прекрасно знаю, что мы на порядок ближе к дружбе, чем я озвучила.

— Ну конечно. К кому еще ей идти?

— Да, верно.

— Это все часть плана, это не по-настоящему. Ни для одного из вас, — Диана дует на лак. — Ты просто запасной друг. — Я складываю руки на животе. — Нет, даже не так. Ты — временная замена. Если ты откажешься от плана, и Хаксли со Стивом уладят все разногласия, думаешь, она продолжит с тобой дружить? Все эти ее курицы прибегут обратно к ней, и тебя снова бросят. Ведь больше она не будет в тебе нуждаться, — Диана пожимает плечами. Все верно, ведь я пришла к ней не за сладкими речами. — Она уже однажды сделала это. Би, не дай истории вновь повториться.

Вероятно, я просто была ослеплена популярностью Хаксли и возможностью сидеть с ней за одним столиком в кафетерии. Но Диана права, абсолютно права. Мы не настоящие друзья. Настоящие друзья не относятся к тебе, как к изгою, чтобы скрыть факт давней дружбы. Я для нее, как запасное колесо. Именно это произошло и с друзьями Дианы. Когда Санкреш ее бросил, они вскоре прекратили ей звонить. Конечно, они приложили немного усилий, чтобы не казаться совсем уж бессердечными. Но вскоре просто предпочли более значимых, чем Диана, людей.

А Вал. Даже не хочу думать о том, что произойдет, если в их отношениях с Эзра наступит черная полоса.

— Ты в порядке? — спрашивает Диана.

— Да, — мой голос звучит тверже. Теперь я знаю, что должна сделать.

***

Преподаватели в Ашлэнде слишком доверчивы. Не могут же они действительно думать, что отпрашиваясь в уборную, студенты непременно туда и направляются. Я выхожу из школы и иду на парковку. Никто меня не останавливает. Никто не поднимает брови, когда видит, что я вытаскиваю металлическую проволоку, согнутую на конце в виде крюка. Никто не походит, когда я приседаю на корточки возле машины Стива. Такое ощущение, что руководство школы уже считает нас взрослыми и ответственными людьми.

Просовываю проволоку в щель между окном и дверью со стороны пассажирского сиденья подержанной «Джетты» и кручу ее, пока мне не удастся подцепить крючком дверной замок. Медленно поднимаю проволоку и... *щелк*. Не могу поверить, что это сработало. Спасибо за помощь, интернет.

Открываю скрипучую дверь. Дует холодный апрельский ветер. *«Не тормози, — говорю я себе. — Просто сделай то, что задумала и уходи».*

Вдыхаю морозный воздух и достаю из кармана упаковку от презерватива и наполовину использованную помаду оттенка «Ледибаг». Кладу их под сиденье, где они и будут терпеливо дожидаться Хаксли.

Не могу сдержать улыбку. Может это нервы или адреналин, или полная смехотворность ситуации, но, черт возьми, прямо сейчас я обожаю свою работу. Я нашла в себе силы, чтобы

довести ее до конца.

— Бекка, ты дрожишь, — говорит мисс Хардвик, когда я захожу в класс.

— Обогреватель в женском туалете не работает. В следующий раз, нужно брать с собой пальто.

По пути к своему месту, я улыбаюсь Хаксли во весь рот.

23

— Не три ей, как щеткой.

— Но это и есть щетка!

Хаксли показывает Стиву, как управлять щеткой для керлинга. Она перемещается по площадке и свипует⁸. Со стороны трибуны Эзра снимает происходящее на камеру.

— Мы можем на секунду прерваться? — спрашивает его Хаксли.

Я сижу позади Эзра и смотрю в видеомонитор. Я согласилась помочь ему со съемками СТА. К тому же Хаксли хотела, чтобы представительница команды проследила за образом СТА (включая ее), который хорошо бы смотрелся в видеосюжете. Вероятно, потому что однажды режиссер снял ролик, в котором СТА выглядела, как какой-то культ лесбиянок. Эзра попросил меня побыть его ассистентом, что хорошо звучало. Но на деле оказалось, что мне нужно все время стоять и держать над головами Хаксли и Стива огромный микрофон.

В то время как Стив ужасно обращается со щеткой, Эзра ловко управляет с камерой, пробуя интересные ракурсы. Даже установил ее на баскетбольном кольце, чтобы снять пару кадров сверху. Для того чтобы сделать кадр со свипованием, он медленно по диагонали спускался с трибуны, приближая изображение Хаксли и Стива. То, что начиналось так обыденно, превратилось в произведение искусства. Даже диалог Хаксли стал смешным. Наблюдать за человеком в своей стихии — ни с чем несравнимое зрелище. Даже сейчас он сидит на корточках и выбирает лучший кадр, совсем не обращая внимания на пот, струящийся по лицу. Жаль, что у меня нет любимого дела, которому я могла бы так страстно отдаваться. Ну, не считая разбивания пар.

— А затем ты говоришь: «Вау! Теперь пол невероятно чистый» и показываешь большой палец, — произносит Хаксли. — Ну как, Эзра?

Тот молчит. Видимо, этот «изумительный» сценарий писал не он.

— Не знаю, звучит как-то по-дурацки, — говорит Стив.

Хаксли поворачивает голову, разминая шею, и с силой сжимает щетку.

— А мне кажется, что очень мило и весело.

— Но не смешно.

Я замираю на своем месте, на случай если Хаксли начнет изрыгать пламя.

— А что ты думаешь, Эзра?

— Хм... — Эзра пытается подобрать правильное слово. Ну, правильное слово, конечно, «не смешно», но нужно подобрать что-то другое. — Если позволишь, мы могли бы немного изменить сценарий.

— То есть, тебе он тоже не нравится? — Хаксли скрещивает руки, готовая выплеснуть на него весь свой гнев.

— Нет, — заикается Эзра. Но Хаксли не отступает.

— Думаю, что все не так плохо, — говорю я. Все поворачиваются в мою сторону. — Если ты произнесешь эту фразу с абсолютно серьезным выражением лица, а потом

поднимешь большой палец вверх, то публика будет безудержно хохотать.

— Мне нравится, — соглашается Хаксли.

— Так и сделаем, — кивает Стив, затем машет рукой Эзра, чтобы тот приготовился.

Эзра кладет руку мне на поясницу.

— Ты моя спасительница, — шепчет он. Его губы всего на секунду касаются моего уха, и моя кожа сразу же покрывается мурашками.

Я поднимаю микрофон, и Эзра говорит:

— Начали!

Вместо того чтобы произнести заготовленную фразу, Стив с озорной улыбкой хватается Хаксли сзади и начинает ее кружить. Сначала она вскрикивает от неожиданности, а потом ей становится весело. Волосы Хаксли разлетаются во все стороны, она хихикает. Я просто не узнаю ее. Хаксли сейчас — не Хаксли, а обычная девчонка, которая отлично проводит время со своим парнем.

***

Мы продолжаем снимать еще в течение часа, а затем Хаксли говорит закругляться. Они со Стивом уходят домой, а я остаюсь помочь Эзра собрать оборудование. Я стою, массируя плечи. Держать над головой гигантский микрофон три часа оказывается невероятно тяжело. Но благодаря постоянным тренировкам СТА, я выдержала это с большей легкостью, чем ожидала.

— Думаю, все прошло хорошо.

— Определенно «хорошо», — говорит Эзра. — Вот для чего изобрели редактирование.

Может, Стив с Хаксли и разыгрывают отличные шоу в коридорах школы, но в ближайшем будущем Оскар им явно не светит. Он монотонно говорил и заметно нервничал, а она переигрывала и каждую строчку произносила так, словно заводила всех на митинге. Тем не менее, они очень мило смотрелись вместе, особенно, когда обменивались улыбками. В этом уж они были профессионалами.

— Хотя такие режиссеры как Кевин Смит и Гас Ван Сент работали с непрофессиональными актерами и у них все получилось, — говорит он.

— Верно!

— Ты ведь не имеешь понятия, кто они, — Эзра наматывает шнур на кулак и скрепляет его резинкой.

Я отрицательно качаю головой.

У него ум, как киноэнциклопедия. Это просто невероятно. Редко выпадает возможность поговорить с экспертом о том, что он любит. И почему Вал считает это скучным.

— А как ты начал увлекаться кино?

— Не знаю. Просто так получилось.

— Это не ответ. Ты поразительно много знаешь о киноиндустрии, а с камерой ведешь себя, как ребенок в магазине со сладостями. К этому просто так не приходят.

— Но это так, — уверенно заявляет он, явно ненастроенный на обсуждение.

— Я не хотела совать нос в твои дела, мне просто любопытно.

Никогда не видела, чтобы Эзра так замыкался. Я в тишине разбираю микрофон и складываю его в кейс.

— Прости, — говорит он, присаживаясь на трибуну. Его ореховые глаза темнеют, как

небо перед грозой. Он упаковывает камеру в сумку, а потом смотрит на меня, будто готов рассказать нечто важное, но не уверен, что мы настолько близкие друзья.

— Развод моих родителей был очень тяжелым, а по напряженности походил на игру «Война Роз», — произносит он. Я никак не комментирую. — Я мог слышать их крики от дороги. Мог проснуться ночью от звона битой посуды. И этот шум никогда не прекращался, — его пальцы нервно теребят подвеску. — Чтобы его заглушить, я надевал наушники, включал фильм на компьютере и на какое-то время отключался от всего этого. Я каждый день ходил в библиотеку за дисками: классика, куча романтических комедий. И все это для того, чтобы не превратиться в полного циника. Ну, вот так я и стал киноманом.

— Я так сожалею. Я не знала.

Ни разу за все время, что я видела его в школьном холле и разговаривала с ним, он не дал ни единого намека, что у него дома такая ситуация. Интересно, какие трудности скрывают другие одноклассники. Никогда больше не буду жаловаться на своих родителей.

— Я выжил.

Он облегченно вздыхает, как человек, который избавился от реальных проблем.

— Даже не могу себе этого представить, — я присаживаюсь рядом с ним.

— Можешь, — говорит он.

— Что?

Он проводит рукой по волосам и чешет затылок. Вблизи его волосы вовсе не выглядят растрепанными, а скорее похожи на блестящие пряди, спутанные замысловатым образом.

— Вспомни, что было с твоей сестрой, когда...

Моя грудь сжимается. Я и забыла, что рассказала ему о Диане. Я готовлюсь к атаке воспоминаний, летящих ко мне.

— Было не очень, — я пытаюсь обратить все в шутку, однако нынче и моя актерская игра не получит никаких наград.

— Ты можешь мне все рассказать, — кладет он руку на мое колено. Его глаза, словно умоляют меня об этом. — Пожалуйста.

Я сопротивляюсь. Зачем вспоминать прошлое? А потом я смотрю ему в глаза и... в них нет и намека на какие-то скрытые мотивы или желания узнать сплетни. Он искренне сопереживает. В голове раздается крик Дианы.

— Было так ужасно, — мой голос едва слышен. — Мы с мамой помогали Диане надеть платье, когда он позвонил. Она была такая красивая. А я была так взволнована, наверное, даже больше нее. Ее подруги коллективно вздохнули с умилением, пока Диана разговаривала по сотовому. Вдруг телефон выскользнул из ее рук и с громким стуком приземлился на пол, лицо сестры стало мертвенно-бледным, и она сказала, что свадьбы не будет, — мои руки начинают дрожать, и я встряхиваю их, чтобы это прекратить. Эзра сильнее сжимает мое колено. — Потом она зашла в мамино ателье и минут десять рассматривала себя в зеркале. Она ничего не говорила, просто пристально смотрела. А затем Диана заперлась в комнате и начала плакать. Это было скорее похоже на крики раненого животного, чем на плач, — я затыкаю уши, голова пульсирует. — Мама стучала в дверь, умоляя Диану открыть, а потом сползла на пол и тоже начала рыдать. Это было похоже на эпидемию. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь так ревел, — мой голос дрожит, но я стараюсь сдержать слезы. — Он даже не знает, какую боль ей причинил. И, скорее всего, ему все равно.

Эзра меня обнимает. Его шерстяной свитер такой мягкий под моей щекой.

— Мне жаль.

Это такая общая фраза, но что еще он может сказать? По крайней мере, это срабатывает. Мне тепло и удобно в его объятиях. Я могла бы просидеть так довольно долго, но отодвигаюсь от него.

— Вау. И что это было? — говорю я относительно наших откровений.

— С тобой невероятно легко говорить, — отвечает он.

— И с тобой.

Эзра смотрит мне в глаза, как тогда, на катке. Его взгляд проникает в душу, и складывается такое ощущение, будто ты смотришь прямо на солнце.

Неожиданно звонит мой телефон, и я вынуждена ответить на вызов.

— Ребекка, у меня потрясающие новости! Я только что получила смску от друга Стива, Колина. Он просто великолепен, и он хочет сходить с тобой на свидание. Вчера я показала ему твою фотографию, и он сказал, что ты красивая. Я сказала ему, что ты сходишь с ним поужинать в пятницу. У тебя же вроде нет никаких планов на выходные.

— Звучит здорово.

— Тебе нужно будет продемонстрировать больше воодушевления на свидании, чем ты это сделала сейчас. Колин — отличный улов, и, думаю, что у вас все может сложиться.

— Спасибо, Хаксли.

Эзра надевает куртку, повернувшись ко мне спиной. Хаксли говорит достаточно громко, чтобы он все услышал. Все время, пока Хаксли рассказывает мне детали, я пристально смотрю на свои колени.

— Ребекка Вильямсон, наслаждайся последними днями своего одиночества, ну, если там есть чем наслаждаться, — наконец, Хаксли вешает трубку.

Я пытаюсь придумать, что сказать Эзру, но когда поднимаю голову, то вижу, что дверь в спортзал закрывается.

***

Вернувшись домой, я сразу же бегу в свою комнату. Диана спрашивает, как прошел мой день, но я просто киваю ей и продолжаю подниматься по лестнице.

Сконцентрируйся, Бекка! Оставь свои переживания о том, какая ты мерзкая подруга на потом.

Я включаю компьютер и создаю новый электронный адрес. Бросаю взгляд на свой костюм, выглядывающий из-под кровати. Я — не лучшая подруга Хаксли. Я — специалист по разрывам отношений. Если бы я не вступила в СТА, Хаксли так и продолжала бы относиться ко мне, как к мусору.

А Вал. Мы с Эзра серьезно поговорили. Именно так и делают друзья. Они разговаривают. А во время разговора кладут руки на поясницу друг друга. Это просто швейцарский стиль, это на сто десять процентов платонический разговор.

Я перечитываю и исправляю письмо около пятидесяти раз, пока оно не кажется мне идеальным.

Кому: AddisonG48

От: StevesDirtyLittleSecret

Тема: Я знаю, что делал Стив в прошлые выходные.

Интересный факт: Хаксли обнаружила в машине Стива упаковку от презерватива и губную помаду Анджелы Бентли (если тебе интересно, то оттенок ее помады «Ледибаг»). Полагаю, трудно забыть первую любовь. Сомневаюсь, что Хаксли кому-нибудь об этом рассказала. Как ее самая близкая и дорогая подруга, я уверена, что ты найдешь, как правильно распорядиться этой информацией. Знаю, ты желаешь ей только самого лучшего. Как хорошо, что у нее есть такая подруга, как ты.

24

По данным сайта HuxleyandSteveCountdown.com на сегодняшний день ставки таковы: 3:1 — что они расстанутся в следующем месяце, 7:1 — на следующей неделе и 12:1 — что они уже разбежались, но пока хранят это в секрете. Сайт стал просто какой-то одержимостью в Ашлэнде. Все кому не лень анонимно пишут посты с размышлениями о разрыве Хаксли и Стива.

— Неужели людям больше нечем заняться? — спрашивает меня Хаксли.

Я пытаюсь делать два дела одновременно: разговаривать по телефону и готовиться к свиданию. Я стою перед зеркалом в коротком, чуть ниже колен, платье цвета лазурита через одно плечо. Кто знал, что я могу так хорошо выглядеть?

— Просто не обращай внимания. Они завидуют, что их собственная жизнь не так интересна, как твоя.

— Но почему они рады разрыву моих отношений?

— Потому что ты популярна, а они уродливы, — я застегиваю сережки, которые свисают почти до плеч. — Почему ты позволяешь им себя задеть?

— Нет, я не позволяю, — заявляет она, но в ее голосе чувствуется сомнение. Сплетни и слухи уже просочились ей в голову. — Стив сказал, что у него ничего нет с Анджелой, а все это ему просто подбросили в машину.

— Тебе следует ему доверять. Он не станет тебя обманывать. — Я крашу губы помадой оттенка «Пламфул».

— Ты права, — она пытается скрыть переживания и сделать вид, что это просто глупая шутка. Я не могу ее успокаивать, иначе мой план рискует провалиться. Но даже если бы и стала, то я не уверена, что Стив действительно случайно встретил Анджелу на катке. Там, несомненно, проводится много детских праздников, но слишком уж все совпало по времени.

— А ты знаешь, почему они расстались? — спрашиваю я. — Думаешь из-за того, что Стив переехал сюда?

— Он говорит, что у них просто ничего не получилось. Но это же парни! От них не дождешься никакой конкретики! — Я удивлена, что он так «много» ей рассказал. — Ты считаешь, что Стив мне изменяет? — тихо спрашивает Хаксли. Я могу только представить, как трудно ей было произнести это вслух.

— Не думаю, — даже мне собственный голос кажется неубедительным. Встряхиваю волосы, и они волнами падают мне на лицо. Этому трюку меня научила Хаксли. — А ты как считаешь?

— Нет. Ты волнуешься?

— Думаю, да.

Я заглянула на страничку Колина Бейкера в Фейсбуке, и он мне понравился. Высокий, умный атлет с темными волосами, очками в тонкой оправе и убийственной улыбкой. По статистике таких парней вообще не должно существовать. Точнее они не должны быть одиноки. Никогда. Более того, они не должны интересоваться мной.

Приходит смска от Вал.

«Ты занята сегодня вечером?»

Желудок скручивает.

Я удачно скрывалась от Вал весь день. Когда она подошла ко мне после латинского, я улизнула под предлогом тренировок в СТА, на которых я в свою очередь избегала Эзра. Когда мы отрабатывали наш танец, мне вдруг пришло в голову, что ничего ведь не произошло. Да, у нас был серьезный разговор, немного эмоциональный. Но мы просто устали. У нас был долгий и тяжелый день. Ничего страшного. День закончился. Все, больше тут нечего добавить. Эзра встречается с моей лучшей подругой, и они счастливы.

Счастливы.

Тем не менее, я так и не подошла к нему после тренировки.

— Куда Колин тебя ведет? — спрашивает Хаксли.

— «Окна на Воде». — Этот ресторан стоит на сваях реки Гудзон, и из него открывается шикарный вид на Нью-Йорк. Я просмотрела их меню на сайте и чуть не подавилась, увидев цены.

— О, будет так романтично, — тяжело вздыхает Хаксли. — Начало отношений всегда очень захватывающе. Помню, как это было у нас со Стивом на вечеринке у Трэвиса Вебера. Мы сидели на плетеной лавочке, которая находилась на крыльце, и пили колу. Он дал мне свою куртку, чтобы я не замерзла. В доме играла песня «Bitter Sweet Symphony». Мы болтали о различиях между нашей и его старой школы. Знаешь, этот бессмысленный разговор, который в принципе никому не интересен, потому что в любой момент ты собираешься начать целоваться. А потом... из его кармана выпала бутылочка с жидкостью для полоскания рта.

— Вау, как предусмотрительно.

— Неловкий момент и... озарение. Меня собираются поцеловать. Моя жизнь изменится. Я подняла бутылочку и сказала: «а что это такое?». Тогда он поцеловал меня, и я пропала.

— Ты поняла, что влюбилась в него? — спросила я, закатывая глаза.

— Да. Тогда я не знала, что это любовь, но поняла, что это нечто особенное.

Этим «особенным» стал огромный скачок в ее социальном статусе. Ценой нашей дружбы. Я не знала этой истории с жидкостью для полоскания рта. Хотя слышала о том, что они начали встречаться после вечеринки у Трэвиса. Не от нее, конечно. Неужели она действительно не помнит, какой была ее жизнь до того, как они начали встречаться? Как она поступила со мной? Но я держу свои мысли при себе. Победа так близко. Как только Хаксли и Стив расстанутся, я заполню все пробелы в ее истории.

Раздается звонок в дверь. Мое сердце бешено бьется. Почему? Это ведь просто часть работы, которая включает в себя еду.

— Я только что слышала дверной звонок? — спрашивает Хаксли.

— Да, — я выглядываю из окна и вижу парня в блейзере и джинсах. Еще раз смотрюсь в зеркало и глубоко вздыхаю.

— Завтра мы пойдем на вечеринку Криса Гомберга. Приготовься к допросу, — говорит

она. — Удачи!

— И тебе. Надеюсь, вы со Стивом во всем разберетесь, — я вешаю трубку и бегом спускаюсь по лестнице. Учítывая, что я на каблуках — это смертельно опасно.

— Хорошенько повеселись, — говорит Диана. Она опирается на перила с миской попкорна в руках. — Постарайся не залететь.

— Спасибо.

Снова звонят в дверь. Я уже собираюсь открыть, но Диана хватает меня и пристально смотрит в лицо.

— Не обольщайся, Би. Это просто первое свидание. Я могу сказать тебе, как они обычно заканчиваются.

Я открываю дверь. За ней стоит Колин Бейкер со своей сияющей улыбкой и ямочками на щеках. До сегодняшнего дня я и не знала, что в нашем обыденном мире можно встретить моделей из каталогов.

— Должно быть, ты — Бекка, — говорит Колин. Даже голос у него красивый. — Приятно познакомиться.

***

Я смотрю на светящийся Нью-Йорк и ем самый лучший лосось в моей жизни. А в это время невероятно обаятельный и привлекательный парень расспрашивает меня о жизни, и, кажется, ему действительно это интересно. Можно ли лучше провести пятничный вечер? Нет!

Тогда почему мне так скучно?

— Керлинг? — недоверчиво спрашивает он.

— Ну, это как шаффлбординг на льду, — я отпиваю диетическую колу. — Очень популярен в Канаде.

Он начинает искренне смеяться.

— Ты когда-нибудь была в Канаде? Я однажды катался на лыжах в Уистлере, Британской Колумбии — самом красивом месте, которое я когда-либо видел.

— Даже лучше, Нью-Джерси? — спрашиваю я.

— Скажем так, Нью-Джерси — занимает второе место, — снова смеется он. Еще одна из привлекательных черт Колина Бейкера.

Я смотрю на горизонт и пытаюсь сосчитать количество зданий. Колин Бейкер — яркий представитель самого лучшего парня, который соответствует всем необходимым критериям девушек. Мне бы следовало расцеловать ноги Хаксли за то, что свела меня с ним, а вместо этого я считаю небоскребы. Но проблема в том, что он знает немного практически обо всем, а потому не может углубиться в обсуждение какой-то определенной темы. Его знаний хватает только для разговора о пустяках.

А может, именно для этого и нужны свидания — типа теста, достаточно ли хорошо два человека подходят друг другу, чтобы перейти к стадии отношений.

Я настораживаюсь, когда Колин упоминает о Стиве. Оказывается, их семьи дружат, поэтому они проводят вместе много времени. Он рассказывает мне о том, как они один на один играют в баскетбол и какие выдающиеся таланты у Стива в приготовлении барбекю. Кажется, если не брать во внимание его популярность, Стив хороший друг.

— Хорошо, что ваши колледжи недалеко друг от друга, — говорю я. Колин осенью

собирается в Университет Дрексл в Филадельфии. Уверена, что приемная комиссия попадала в обморок, увидев его. — Ты рад, что Стив поступает в Вермилион?

На лице Колина появляется неловкое выражение, и он делает глоток воды.

— Будет здорово видеть его, но...

Он обрывает себя, но я вижу, что если правильно себя поведу, то он продолжит.

— Да... жаль, что он не сможет там играть в футбол. Стив отличный спортсмен. Знаю, что Университет Чандлер все еще интересуется им.

— Правда? — спрашивает Колин и откладывает в сторону вилку. — Его семья была бы очень рада.

— Неужели? Им не нравится Вермилион? — спрашиваю я с самым наивным выражением лица. — Но ведь это хорошее учебное заведение и находится недалеко.

— И дорогое. Его родители не смогут оплатить его, а мой отец слышал, что они не предлагают ему стипендию.

— Он может взять кредит.

— Тогда он погрызнет в долгах еще до своего сорокалетия. По правде говоря, семья Хаксли без проблем может его оплатить. У них куча денег, — он кладет кусочек стейка в рот.

— А они предлагали? — я сижу на краешке стула. Свеча на столе придает лицу Колина землистый оттенок.

— Не знаю. Стив бы очень разозлился, если бы она это сделала.

— Но она бы просто хотела помочь.

— Он бы стал выглядеть их собственностью. Стив и так стесняется проводить с ними время. А эти деньги просто лишили бы его гордости.

Подходит официант с новой диетической колдой для меня, и я позволяю ему забрать свою тарелку. Это была самая пылкая речь Колина за сегодняшний вечер. Может, я не единственная, кто хочет разбить пару Хаксли и Стива.

— Прости, — говорит он, поправляя очки. — Мне нравится Хаксли. Правда. Мне не следовало этого говорить. Что я могу сказать? С тобой легко разговаривать, — когда он улыбается, уголки его губ слегка загибаются. Так мило. Еще один плюсик в его список.

— Мне часто это говорят.

Колин взбалтывает воду в стакане и пристально смотрит на меня.

— Ты красивая.

— Спасибо.

— Хочешь прогуляться после ужина?

***

Мы медленно бредем по набережной Гудзона, держась за руки. Мы не единственные, тут просто какой-то парад парочек. Нью-Йорк сверкает в лунном свете, а мы чувствуем себя так умиротворенно. Именно о таком свидании, должно быть, мечтает каждая девушка. Ну почему же мне все еще скучно?

Мне хочется пнуть себя за то, чтобы не портила атмосферу. Может быть, людям нравится эти пустые движения, потому что благодаря им они становятся на шаг ближе к отношениям. Колин все делает правильно, однако это выглядит, как типичный логический порядок первого свидания. Я должна чувствовать нервное возбуждение, но вместо этого я

просто нервничаю.

Колин останавливается возле лавочки, рядом с которой находится телескоп, так что я могу полюбоваться на город поближе. Пока смотрю в окно здания Крайслера, он стоит, облокотившись на телескоп.

— Ты когда-нибудь видела здание Крайслера так близко?

— Нет.

Выглядит как сцена из какой-нибудь романтической комедии. Я, конечно, не эксперт по свиданиям, но вижу, как все складывается. Ужин, прогулка, тихое место.

Следующим этапом должен быть поцелуй.

Такое ощущение, что я на американских горках, и мы вот-вот рухнем вниз. Думаю, у меня будет сердечный приступ.

Давай, Бекка. Ты должна наслаждаться происходящим. Но где же бабочки в животе? Я люблюсь обезоруживающей улыбкой Колина. Может, если сконцентрируюсь, то смогу почувствовать то же, что и он. А чувствует ли он что-нибудь? Ко мне?

— Ты в порядке? — спрашивает он, держа меня за руку.

— Да.

Колин держит меня за руку.

Следующая остановка — поцелуй. Если мы это сделаем, то встретимся еще раз. А если мы снова пойдем на свидание, то он попросит меня стать его девушкой, и тогда я застряну в качестве его подружки на черт знает сколько времени. Разве это не так работает? Знаю, что мы на улице, но такое ощущение, что вокруг меня стены, и они все ближе и ближе, а я заперта в маленькой коробочке с Колином Бейкером.

Я снова смотрю в телескоп на здание Крайслера. Не могу встретиться с ним взглядом. Если я это сделаю, то американские горки придут в движение.

— Город такой красивый, я мог бы наслаждаться этим видом часами, — говорит он. Надеюсь, что это просто выражение. — Вау, а тебе действительно нравится это здание.

— Да, неплохо. Я видела только, как его разрушают в боевиках, — я сильнее прижимаю лоб к стеклу. Чувствую металл на коже. Готова поспорить, что Эзра назвал бы минимум пять фильмов, в которых здание Крайслера уничтожали. Он бы сморщил лоб в раздумьях, глаза бы посмотрели вверх, а потом влево...

Соберись, Вильямсон!

Я хватаюсь за ручки с намерением никогда их не отпускать.

Становится тихо. И тут я чувствую его руки, мягко массирующие мои плечи. Я замираю и начинаю думать об уборщиках, работающих в офисах Крайслера и об их швабрах с треугольными насадками.

— Здесь так высоко, — бормочу я.

Колин не отвечает. Вместо этого он начинает целовать мою шею.

Прекрати! Прекрати!

Нет, Бекка! Это ты прекрати! Этот парень великолепен. Именно то, что тебе нужно. Почему ты сопротивляешься Колину Бейкеру?

Он поглаживает мои пальцы. А нет, не поглаживает. Пытается отцепить их от ручек и развернуть меня к себе.

Взбираюсь все выше и выше на американских горках и вот я уже вижу вершину.

Я не отпускаю ручки. Скоро, совсем скоро все закончится. Ему надоест. Я такой ужасный человек.

Он снова начинает массировать плечи. Я не могу вымолвить ни слова. Боюсь, что любое мое слово станет спусковым крючком для поцелуя.

— Расслабься, — шепчет он мне в ухо.

— Я расслаблена, — мой голос поднимается на триста октав, как у кастрата.

— В чем проблема? У тебя есть кто-то еще?

— Что? Нет! — я резко поворачиваюсь к нему лицом и нечаянно толкаю его локтем.

Колин Бейкер зажимает восхитительными руками свой восхитительный нос и хищно смотрит на меня своими восхитительными глазами.

— Мне так жаль! Ты в порядке?

Он отрывает руки от лица. Черт, даже его кровоточащий нос выглядит восхитительно.

25

Неужели я и правда разбила нос парню на свидании моей мечты? Только сумасшедшие и женщины в реалити-шоу вытворяют подобное. А его «у тебя есть кто-то еще»? Учитывать ли Эзра, даже при том, что он занят? Может, я и думала о нем, но исключительно из-за нашей беседы о здании Крайслер. Я не какая-нибудь дурочка, мечтающая о другом, как предположил Колин Бейкер. Это было бы идиотизмом. Правда?

Я прячу лицо в диванную подушку, пытаюсь выбить из себя всю дурь.

— Бекка, не делай этого! Останутся следы от твоей косметики, — говорит мама. Она гладит меня по ноге во время нашего семейного просмотра телевизора.

Мне приходит смс.

«Я приехала».

Я убеждаюсь, что не забыла положить в карман бумажку с телефонным номером Анджелы.

— Я ухожу, — говорю я родственникам.

— Ты так и не рассказала, как прошло твое свидание, — спрашивает Диана. Понятия не имею, как ответить на этот вопрос, не покраснев. На животе у нее стоит контейнер с хумусом. Мне бы так хотелось, чтобы у нее были какие-нибудь планы на вечер, а не просто обжираловка перед телевизором.

— А что вы, ребята, планируете делать? — спрашиваю я, смотря на настенный календарь. — У вас, что сегодня годовщина?

— Да. Спасибо за открытку, — саркастично говорит мама.

— Простите, — все знают, что я постоянно забываю о поздравлениях, поэтому родители обычно просто посмеиваются надо мной. — Разве вы не собираетесь это праздновать?

Мама просматривает журнал «People».

— По телевизору сегодня показывают сюжет об Ираке, и твой папа хочет его посмотреть.

— Об Иране, — указывает он на телевизор.

Я ухожу, по пути прихватив пакет с кренделями.

— Повеселитесь, — говорю я. Было бы замечательно, если бы они так и сделали.

«Рендж Ровер» Хаксли припаркован у обочины. Как только я сажусь в машину, она сразу сердито смотрит на меня.

— Ну что, повеселилась, уродуя Колина Бейкера?

Хаксли едет по Редберн Авеню, превышая скорость как минимум на пятнадцать миль в час.

— Я чертовски зла, — Хаксли резко взмахивает своими роскошными волосами. Узкая юбка идеально подчеркивает ее гладкие ноги. Она одета для вечеринки.

— Я послала ему электронное письмо с извинениями, — говорю я нерешительно. У меня нет никакого объяснения тому, что произошло. Ведь существование Эзра не подойдет. — Как Колин?

— Нормально. К счастью у тебя не сильный удар. — На светофоре она поправляет макияж в зеркале заднего вида, потом смотрит на меня и качает головой. Ее снисходительность раздражает. Что ж, теперь я окончательно убеждаюсь в том, что провалила свидание с Колином Бейкером.

— На следующей неделе он фотографируется для выпускного ежегодника! О чем ты думала, Ребекка?!

О чем я думала?

— Мне так жаль.

— Он — друг семьи Стива! Они, наверное, теперь думают, что я ненормальная, если общаюсь с тобой! Колин пригласил тебя в самый лучший ресторан округа Берген, — Хаксли снова качает головой. Но она еще не закончила. Она перестраивается в правый ряд и резко поворачивает. Я крепко сжимаю ремень безопасности.

— Я старалась. Но ничего не вышло. — Хаксли одновременно говорит со мной и рассуждает вслух. — Пообещала, что найду тебе парня, я это сделала! Парни как Колин на дороге не валяются!

Звучит так, будто он был моим пропуском на свободу, единственным шансом в жизни, а не просто первым парнем, с которым я ходила на свидание.

— Хаксли, он отличный парень. Просто я не почувствовала притяжения. — Клише, но это чертовски верно. Если бы Колин учился в Ашлэнде, для меня он был бы тем парнем, которого ты встречаешь в школьных коридорах, здороваешься и обсуждаешь класс, который вы вместе посещаете. Мы просто не смогли бы преодолеть этот барьер беседы о пустяках, даже несмотря на мои увлечения.

— Ты не отступишь. Не в твоём положении.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай на чистоту. Колин бы значительно улучшил твоё общественное положение. Он — безупречный парень, и ты ему нравишься.

— Но он не нравится мне. Разве это не имеет значения? — мой голос звучит умоляюще. Я словно на суде за убийство первой степени.

— Нет. Не тогда, когда у тебя нет общественной жизни. Такое ощущение, что ты хочешь остаться одинокой и жалкой до конца своей жизни, Ребекка. Как будто ты хочешь кому-то что-то доказать.

Она с легкостью может ударить по больному месту. Кровь закипает. Я для нее просто акт благотворительности, а не подруга. Не могу дождаться, когда все закончится.

— Больше на помощь не надейся, — говорит она. — Наслаждайся участью старой девы.

— Я и забыла, что ты эксперт по части отношений, — огрызаюсь я в ответ. — А где сегодня Стив?

Я застаю ее врасплох.

— Он уехал пораньше с друзьями.

— Надеюсь, что у вас все будет хорошо. Будет ужасно, если тебе придется вернуться к прежней жизни, что тогда станет с твоим статусом?

***

Темнота, мирный город окутывает ночь. Улицы освещены лишь слабым, желтым светом фонарей. Мы сворачиваем в микрорайон Криса Гомберга, расположенный на тихой улочке с беспорядочно настроенными домами. Только из третьего дома слева доносится громкая музыка. Хаксли паркуется вниз по улице, чуть дальше от его дома, чтобы никто не поцарапал машину или случайно не облевал ее.

Мы протискиваемся вовнутрь. Такое ощущение, что здесь собрались все ученики старшей школы Ашлэнда. На лестнице, в коридорах, в общем, везде люди. Когда мы заходим, все взгляды устремляются на Хаксли. Из искры разгорается пламя слухов.

Родители Криса дома, но ничего не контролируют. Его отец наполняет кеги пивом, предаваясь воспоминаниям о своих школьных годах. Мы с Хаксли пробираемся на кухню, где мать Криса выступает в роли бармена. Она наливает Стиву, судя по всему, уже четвертую рюмку текилы. Все вокруг подстрекают его.

— Давай, Стиви Великий! Ты это можешь, — говорит она. Лямка ее топики сползла на плечо. Если бы не морщинистое, загорелое лицо, можно было бы принять ее за нашу одноклассницу.

— Ну не знаю, — громко говорит он, допивая остатки пива.

— Пиво без водки — деньги на ветер! — говорит она.

— Не переживай, Хакс, — кричит Грег Бейлор. — Мы за ним присмотрим.

Все парни начинают хохотать.

Хаксли сжимает губы, поскольку ее тщательно контролируемая сдержанность куда-то испаряется. Она хватается мою руку, и мы протискиваемся к бару.

Миссис Гомберг посыпает солью руку Стива, впихивает лайм в его правую руку и стакан с выпивкой в другую.

Я проталкиваюсь ближе к Стиву. Толпа пьяных одноклассников наваливается на нас. Он настолько пьян, что даже не чувствует, как я вытаскиваю телефон из его кармана и прячу руку в пальто.

— На счет три! Один... два...

Хаксли выхватывает стакан из рук Стива. Он смотрит на нее щенячьим взглядом, как ребенок, у которого отобрали любимую игрушку.

— Стив, мы можем отойти и поговорить? — спрашивает Хаксли.

Она тянет его к огромному креслу в гостиной. Все тяжело вздыхают. Типа: ну вот и пришла любительница обламывать все веселье. Но Стив вдруг вырывается из захвата Хаксли, бежит к бару, опрокидывает в рот рюмку и неспешно возвращается к своей девушке.

Бар взрывается аплодисментами. В это время я потихоньку отхожу и поднимаюсь в ванную комнату. У меня всего несколько минут до того, как Стив обнаружит, что его телефон пропал. Дверь заперта, девушка кричит, что освободит ее через секунду. Отлично. Она что, не может пописать в кустах, как любой нормальный пьяный тусовщик?

Спустя две минуты она, наконец, открывает дверь. И я сталкиваюсь лицом к лицу с

Изабель Амабиль, бывшей девушкой Эзра. Интересно, как должна себя вести бывшая и подруга настоящей девушки? Насколько я помню, правило гласит, что мы должны ненавидеть друг друга, если дело касается парня.

— Он в твоём распоряжении. — Она отступает в сторону и пытается сохранить равновесие, держась за раму от картины на стене.

Я захожу в ванную, отделанную фиолетовой плиткой, и пытаюсь закрыть дверь, но Изабель кладет руку на дверной проем.

— Передай Вал, чтобы была осторожней, — тычет она пальцем мне в лицо.

— Не поняла?

— Их отношения долго не протянут. Он обнаружит один изъян, потом еще один, потом еще... Он уйдет от нее еще до того, как она сама это поймет.

Мое лицо искривляется в гримасе. Не нужно ее ненавидеть, она просто жалкая бывшая.

— Вообще-то, Эзра отличный парень, — говорю я.

— Он подонок.

Ее бесполезно переубеждать. Однажды, Диана посоветовала мне никогда не спорить с пьяными. В любом случае проиграешь.

— Иди куда шла, Изабель, — я захлопываю дверь перед ее лицом, запираю и сажусь на край джакузи.

Я устраиваюсь поудобнее, прежде чем достать телефон Стива. Вытаскиваю из кармана бумажку с телефонным номером Анджелы и вбиваю его в поисковую строку телефона Стива. Так, так. В списке контактов он забит под именем Тетя Мейбел. А вот и их переписка. Перечитываю ее раз двадцать, держась за край джакузи для опоры. Голова начинает кружиться, а ведь я еще даже не пила.

Анджела: Привет, спасибо за кофе.

Стив: Так хорошо, что мы встретились.

Анджела: Когда ты собираешься рассказать о нас Хаксли?

Стив: Скоро. Обещаю.

26

Жутко, когда твои подозрения оправдываются. Еще с детства я знала, что зубной феи не существует. Тем не менее, было так больно от разочарования, когда я проснулась от того, что папа засовывает доллар мне под подушку. Не всегда хорошо оказываться правой.

Я обхожу парочки, которые целуются на лестнице. Эти вечеринки не больно отличаются от школьных танцев.

— Бекка?

Фред машет мне снизу. Что он тут делает? Неужели, пока я была в ванной, социальные устои Ашлэнда пошатнулись?

— Привет, — как-то неловко говорю я. — Не знала, что ты здесь будешь.

— Я тоже. Но я помог Крису сдать биологию в прошлом семестре, вот он и пригласил меня. Так ощущение, что я поправил в тайный подземный мир.

— Понимаю тебя.

Фред проводит рукой по растрепанным волосам. Да, выглядит он далеко не

красавчиком.

— Знаешь, без тебя за столиком все совсем не так.

— Слишком много тестостерона?

Я замечаю Стива на диване в полубессознательном состоянии, а его телефон у меня в кармане. И, вероятно, совсем скоро он захочет по пьяни кому-нибудь позвонить.

— Мне надо идти. Увидимся.

Фред пытается попрощаться, но я уже направляюсь в фойе. Пробираюсь мимо толпы к Стиву, прислушиваясь по ходу дела к обрывкам разговоров. Они ничем не отличаются от тех, что можно услышать в коридорах школы. Зачем мы здесь? Чтобы другие увидели, что нас пригласили на вечеринку? Думаю, не важно, о чем говорить, главное, чтобы все видели, что вы болтаете.

Стив держит в руках пиво, но он слишком пьян, чтобы пить. Я присаживаюсь на подлокотник дивана, дружески глажу его по плечу и в это же время аккуратно засовываю телефон между подушек.

— Ну, как он? — спрашиваю я Хаксли. Она приносит ему стакан воды.

— Нормально. Ему просто нужно научиться вовремя останавливаться.

Если бы Хаксли заглянула в его телефон, то поняла бы как она права.

Я усаживаюсь поудобнее и наблюдаю за игрой в пиво-понг. Таким образом, я как бы социально вовлечена, но без необходимости разговаривать. Заку Хершковитцу просто необходимо целовать Элли Цвик каждый раз перед броском. Все так и кричит о том, что это — *работа на публику*. Так сказать, Стив и Хаксли на практике. Я получаю смс от Вал.

«Чем занимаешься вечером? Давай погуляем. Вытащим тебя из норы».

Уже второй вечер подряд она шлет мне сообщения и зовет повеселиться. Наверное, Эзра занят. Интересно, чем это. Должно быть, смотрит с Джеффом и другими парнями какой-нибудь классический фильм, а потом часами с горящими глазами обсуждает с продавцом попкорна старые ленты.

Прекрати, Бекка!

Мэйсон Кэрролл закидывает мяч в самую дальнюю левую кружку. Толпа ликует. Я убираю телефон в карман. Отвечу позже. Хочу отдохнуть сегодня от истерик Вал.

Я прислоняюсь к каминной полке. Рядом с головой — фотография Криса, его девушки и родителей на пляже, потягивающих маргариту.

— Ты ведь ходишь со мной на историю? — спрашивает Бари, отлично зная ответ, но это не так неловко, как если спрашивать имя. Они с Калистой сидят рядом со мной на уроке, занимая один стул на двоих. Они достаточно тощие, чтобы уместиться.

— Да, и на латинский.

— Слышала, что это должно помочь на выпускных экзаменах, но, по-моему, это все ерунда, — говорит Бари.

Я смотрю вниз на свой стакан, пока Калиста внимательно изучает меня. Должно быть, костюм специалиста по разрывам достаточно эффективный, если она возвращается к своему напитку. Девчонки что-то обсуждают между собой, а потом снова смотрят на меня. Я делаю вид, что поглощена игрой.

Бари хлопает меня по плечу, от чего меня пробирает дрожь.

— Ты слышала о специалисте по разрывам?

Я стараюсь казаться незаинтересованной.

— О ком?

— О специалисте по разрывам. О Человеке, который разбивает пары. Она собрала эту дурацкую папку и подбросила ее Дереку. Я бы никогда сама подобного не сделала. Из-за нее люди теперь думают, что я сумасшедшая! Ее нужно остановить! — От Бари пахнет кокосовым ромом. — Она, наверное, какая-нибудь толстуха, которую не приняли в команду чирлидерш или типа того.

Калиста кивает, поддерживая ее.

— Успокойся. Мы ее найдем.

Похоже, Бари знает только половину истории.

— Я думала, это просто городская легенда, — говорю я.

— Нет. Она существует. Мы уже выяснили, что она разбила пару Майкла Малрони и Кимбер Диас и выставила все так, будто Майкл обворовывал Кимбер!

Я делаю вид, что заинтригована, а у самой захватывает дыхание, когда вспоминаю, как рылась в кошельке Кимбер, пока та была у медсестры. Делаю глоток пива, чтобы скрыть покрасневшее лицо.

— Ну, я ничего о ней не слышала.

— Услышишь! Мы собираемся найти ее. Мы уверены, что она учится в Ашлэнде. — Бари допивает остатки своего напитка из пластикового стаканчика. — Не могу дождаться, когда мы выведем эту сучку на чистую воду.

Внезапно игра прекращается. Кажется, в кухне нарастает напряжение. Какая-то новость распространяется с бешеной скоростью, и это может быть только драка. Подхожу поближе к толпе, стекающей в гостиную, чтобы получить лучший обзор.

— Я так люблю драки! — взволнованно говорит Бари. — Только ради них стоит ходить на вечеринки.

Мы находим свободное место за креслом. И моя челюсть падает на пол, когда я вижу кто на ринге. Самая популярная пара Ашлэнда и Анджела. Грег Бэйлор крепко держит парня Анджелы, чтобы он не набросился на Стива.

— Что, черт возьми, с тобой такое? Думаешь, можешь приставать к моей девушке? — спрашивает парень. — Я тебя убью!

Он пытается вырваться из рук Грега, но тот не зря называется одним из наших лучших футболистов. Стив хватается за кухонный стул в качестве опоры и начинает трезветь на глазах.

— Ты о чем? — спрашивает Хаксли и поворачивается к Стиву. — О чем он говорит?

— Не знаю!

— Не делай вид, что не понимаешь! Я видел смс, которое ты послал ей сегодня вечером.

— О чем он говорит? — спрашивает Хаксли еще раз, пытаясь сохранять спокойствие. Должно быть, наличие зрителей, просто убивает ее изнутри.

Парень Анджелы вырывает у нее из рук телефон и читает:

— Анджела, ты мне нужна. Приходи на вечеринку к Крису. Я уже все рассказал о нас Хаксли. Люблю тебя.

Он пытается вернуться от Грега, но безуспешно. Мистер Гомберг помогает сыну удерживать его. Одноклассники просто сходят с ума, обсуждая смс. Не ожидала, что этот парень процитирует меня. И почему она показала ему сообщение?

Хаксли не может с этим справиться, только не после всех зрительских комментариев. Никто не замечает, как одинокая слезинка скапливается в уголке ее левого глаза и стекает по ресницам на щеку. Это все, что она себе позволила. Одну слезу.

Возможно, это к лучшему. Я лишь ускорила разговор, который все равно состоялся бы в ближайшем будущем. Ведь так?

— Хакс, я не писал этого, — говорит Стив. Он пытается взять ее за руку, но она вырывается. — Клянусь.

— Но это с твоего номера! — Хаксли садится в кресло и делает глубокий вдох.

Стив хлопает по карманам.

— Где он?

— Вот, — говорит Эддисон со своего места на диване, отдавая сотовый Стиву. — На мой взгляд, выглядит, как пьяное смс. — Она машет рукой Анджеле. — Мне нравится твоя помада. Что за оттенок?

— Почему бы тебе не заткнуться! — кричит Стив. Не знала, что он так может. Он подбегает к Хаксли и опускается рядом ней на колени. — Я-я не знаю. Я был очень пьян. Может я и написал это... но я так не думаю, Хакс. Клянусь!

Анджела выходит из тени своего парня. Прямо слышу, как стучит ее сердце.

— А что насчет нас? Ты не можешь написать нечто подобное, если действительно так не считаешь.

— Нет никаких нас, Анджела! — вопит Стив. — Ты разбила мне сердце! Ты изменяла мне с этим мудаком. Ты что, забыла?

Анджела отводит взгляд.

— Я помню, — ее парень самодовольно ухмыляется. Мистер Гомберг прижимает его к холодильнику.

Стив поворачивается к Хаксли с безумным видом.

— Мы просто разговаривали. И все. Я не видел ее с тех пор, как переехал сюда. Я вырвал ее из своего сердца, — он заглядывает в глаза Хаксли с видом щенка, написавшего на пол.

— То есть, на катке вы вспоминали прошлое? — говорит Хаксли, откинув свою сдержанность. Когда твоя жизнь рушится на глазах у всей школы, какой смысл держать себя в руках?

— Я доставлял пиццу на день рождения. И мы случайно встретились.

— Случайно встретились?

— Да. Мы всего лишь поговорили. Клянусь. Не слушай никого. Верь мне! — Стив умоляет со страстью человека, которому вынесли смертный приговор.

— Ты омерзителен, — говорит Хаксли. Она встает и направляется к входной двери, игнорируя все взгляды.

Парень Анджелы отталкивает мистера Гомберга и бьет Стива в челюсть. А потом еще раз. Стив сплевывает кровь на только что вымытый пол.

Что я наделала? Разбитое сердце — это нормально, но сломанная челюсть... Никогда не хотела, чтобы пролилась кровь. Я заслуживаю того, чтобы оказаться на этом полу вместо него.

Грег сдергивает парня со Стива и впечатывает его в барную стойку. Бутылки с верхней полки падают и разбиваются вдребезги об пол. Наконец, его обездвиживают. Анджела подбегает утешить Стива, но тот отпихивает ее. Под глазами у него темные круги. Он, спотыкаясь, проходит через арку за своей девушкой — полупьяный, потный, держащийся за щеку.

— ХАКСЛИ! — кричит Стив во все горло. Я иду за толпой обратно в комнату со столом

для пиво-понга. Хаксли не обращает на него никакого внимания. Стив из последних сил, спотыкаясь, бежит к входной двери, по пути падая на горшок с фикусом. Поднимается и держит руками дверь, не давая ее открыть. Хаксли поворачивается к нему спиной.

— Не делай этого, Стив. Просто дай мне выйти.

— Нет. — Он поворачивает ее к себе и берет за руки. Никогда не видела такого напряженного взгляда. Такое ощущение, что он обращается напрямую к ее сердцу.

— Знаешь, что я понял, когда снова увидел ее? Что ей не удалось разбить мое сердце.

— Рада это слышать.

— Ей это не удалось, потому что я никогда не любил ее по-настоящему! Я думал, что это так, пока не встретил тебя.

— Что...? — начинает Хаксли, но потом обращает внимание на зрителей. Впервые, она не готова к такому вниманию. — Хотя, это уже не имеет значения.

Она пытается высвободиться, но Стив не дает ей этого сделать. Он мог бы встречаться с любой девчонкой, не такой жеманной как Хаксли, но ему нужна именно она.

— Я не собираюсь и дальше оправдываться. Ничего не было. Можешь верить, можешь нет, но это правда! — Он продолжает держать ее, не ослабляя хватку. — Я люблю тебя Хаксли. Только тебя. И всегда любил. Я с нетерпением жду каждого момента встречи с тобой. Раз пятьдесят на день думаю о том, как ты наклоняешь голову и улыбаешься мне. Ты заставляешь меня чувствовать себя так, словно я первый человек, высадившийся на Луну. Я не хочу, чтобы все закончилось. Я так тебя люблю. Хочешь верь, хочешь нет, но это чистая правда, — по его щекам текут слезы, но ему нет до них никакого дела.

Все присутствующие замерли в ожидании. Уверена, все девушки поражены его словами. Я — точно. Они перевернули что-то в моей душе. Это не фильм, над которым я могу посмеяться, а реальная жизнь, настоящие эмоции, которые выплеснулись прямо передо мной. И все о чем я могу думать, так это о том, как сильно хочу увидеть Эзра.

Стив отходит от двери. Но Хаксли не уходит. Она целует его.

Дом взрывается аплодисментами и одобрительными возгласами. Девушки начинают целовать своих парней.

Стив так сильно сжимает Хаксли в объятиях, что кажется, будто он вот-вот ее раздавит.

— Я скучаю по Дереку, — тихо бормочет Бари.

Мое сердце выпрыгивает из груди. Чувствую себя так, словно через меня пропустили электрический заряд. Не могу связать мысли. Они все перемешались в моей голове, а перед глазами стоит образ Эзра. Такое ощущение, будто я пытаюсь настроить радио, находясь у черта на куличках, но мне попадается только одна радиостанция. Мне нужно выйти.

Пробираюсь мимо Стива и Хаксли к выходу. Холодный воздух мгновенно обволакивает меня, ненадолго успокаивая, и вскоре я снова прихожу в замешательство. Я иду на угол улицы и вытаскиваю телефон.

— Можешь подобрать меня? — спрашиваю я. Не знаю, о чем я думаю. И думаю ли вообще? Может, это отголосок чувств Стива? Не знаю, не понимаю. Я не могу это расшифровать.

Хорошо Бекка, ты немного под влиянием эмоций сейчас. Такое случается, но все будет в порядке. Должно быть, я выгляжу как сумасшедшая, разговаривая сама с собой в два часа ночи. Следующие двадцать минут я пытаюсь успокоиться. Да, сцена была эмоциональная, и она сильно повлияла на меня. И такое бывает. Я же не каменная. Подъезжает Эзра на своей машине. Когда я вижу его лицо сквозь лобовое стекло, меня опять пронзает ток, сердце

начинает учащенно биться.

Я сажусь в машину, и мое тело деревенеет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вечеринка?

— Угу.

— Ты в порядке?

— Угу.

Это единственное слово, которое я сейчас помню. Не могу смотреть ему в глаза, поэтому таращусь на свои руки.

— Бекка, серьезно, ты в порядке?

— Поцелуй меня, — говорю я.

Эзра ничего не отвечает. От него хорошо пахнет, особенно учитывая то, что я вытащила его из постели. Я вдыхаю запах его одеколona. Все-таки это была плохая идея.

— Я не знаю, что на меня нашло. Просто... просто ты действительно милый. Мне жаль, что я позвонила...

Он закрывает мне рот поцелуем, и все встает на свои места.

27

Ашлэнд накрыла аура любви. Все безостановочно обсуждают вечеринку у Криса Гомберга и с придыханием говорят о кровавом признании Стива в верности Хаксли. Я же вижу только то, что мой план рушится прямо на глазах.

Я в меньшинстве. Вместо драматического поцелуя на вечеринке я не могу перестать думать о другом поцелуе.

Мисс Хардвик рассказывает о какой-то книге. Но, поднимая глаза на доску, я вижу приближающиеся губы Эзра.

Звенит звонок, и в класс заходит Стив с Хаксли на руках.

— Мисс Х, прибыла ваша лучшая ученица!

Девчонки и мисс Хардвик восхищаются. Может, у меня отсутствует ген, отвечающий за *умиление*, когда видишь что-то настолько банальное? А может, всем сделали лоботомию, а меня забыли пригласить на операцию?

— О, Стив. Поставь меня! — Он исполняет ее пожелание. И Хаксли расправляет одежду. Сегодня на ней голубая рубашка Стива с широким поясом на талии и черные леггинсы. Только она может правильно подобрать аксессуары, чтобы выглядеть в этом шикарно, а не как дешевка. Еще одна причина, почему я должна снова ее ненавидеть.

— Стив, ты опоздал на свой урок! — говорит мисс Хардвик.

Он пожимает плечами и проводит пальцем по руке Хаксли.

— Это того стоило.

Очередной этап восхищений. Да, да, вы двое снова проходите стадию страстной влюбленности. Заканчивайте уже...

— Покинь класс! — Наконец мисс Хардвик вспоминает о своих обязанностях.

Стив чмокает Хаксли в губы.

— Увидимся позже. — И выбегает за дверь.

— Мне так неловко, — говорит Хаксли, при этом несколько не сожалея. — Извините, что прервали урок, мисс Хардвик.

— Ничего страшного. Пожалуйста, Хаксли, займи свое место. Нам нужно усвоить много материала.

— Конечно.

Я создала монстра.

***

Перед ланчем я со скоростью света бегу к своему шкафчику. Куплю сникерс в торговом автомате и съем его в библиотеке. Кафетерий — последнее место, где я хочу сегодня находиться, ведь там будут Стив и Хаксли, Вал и Эзра, Бари и Калиста. К тому же, согласно рекламе, в сникерсе много питательной ценности.

Я открываю шкафчик, и из него выпадает записка. Она пристально смотрит на меня, угрожая своим содержанием. Неужели кто-то догадался что я — специалист по разрывам? Подбираю ее. Это глупо. Не стоит переживать, пока не знаешь что в ней.

Не могу перестать о тебе думать. Когда мы увидимся снова?

Э.

Я сползаю на пол. Он написал текст курсивом. В этом есть что-то старомодное, в хорошем смысле этого слова. Желудок сжимается от страха и восторга. И мне больше не хочется сникерса.

Вторую записку я получаю на латинском. На этот раз я точно знаю кто автор. Расправляю ее. Нервничаю, но нет смысла чего-то ждать. Мне нужно знать, что ей известно.

Я замираю. Такое ощущение, что тело залили цементом.

— Бекка, — спрашивает мистер Хоффман. — Ты в порядке?

Я киваю, хотя внутри все кричит «НЕТ».

НУЖНО ПОГОВОРИТЬ.

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА!

Я не могу просто выбежать из класса. Она все равно меня найдет.

Когда звенит звонок, меня берут за руку и выводят.

— Вал, мне так жаль, — вырывается у меня.

— Почему ты не рассказала мне, что ходила на свидание?

— С Колином Бейкером?

— Он такой лакомый кусочек!

Меня накрывает волна облегчения. Такое ощущение, что свидание было сто лет назад. Я освежаю свою память прежде, чем описать все Вал. Однако пропускаю эпизод с разбитым носом.

— Он хороший парень, но не для меня.

— Я все понимаю. Не переживай, Бекка. Повезет в следующий раз, — говорит она. Мы проходим шумный коридор, по которому мчатся дети, чтобы успеть на свой автобус.

— Я возьму небольшой отпуск на этом фронте.

— Бекка, — говорит она, убирая комочек туши с моих ресниц. — Ты не должна отчаиваться. У тебя было одно неудачное свидание. Ну и что? Продолжай поиски. Забей на

всех лузеров. Твой единственный где-то рядом, но нельзя же просто сидеть на одном месте и надеяться, что он сам тебя найдет.

А потом она смотрит на меня тем взглядом, о котором столько раз рассказывала Диана. Взгляд, который до совершенства отработала Хаксли — «О, бедная, несчастная одинокая девушка». Широко раскрытые глаза, надутые губы. Самая большая радость для девушек в парах — давать советы своим одиноким подружкам. Только потому, что им повезло — а это лишь удача, не более того — они возомнили себя экспертами по отношениям. Уверена, это одна из причин, почему Вал так упорно искала парня. Ей всегда хотелось представлять именно эту сторону в разговорах.

— Вал, именно сейчас мне не хочется ходить на свидания.

— Это не нормально. Вокруг столько отличных парней. Не замыкайся.

— Мне не нужны советы!

Вал, удивленная моей вспышкой, делает шаг назад.

— Хорошо, если ты не хочешь знать моего мнения, давай узнаем точку зрения парня. Эзра! — Каким-то сверхъестественным образом, как раз в этот момент Эзра появляется в коридоре. Интересно, наблюдал ли он за нами и видел ли мою реакцию? Я напрягаюсь, ожидания, когда он подойдет. Но в то же время мне не терпится снова его увидеть.

— Привет, — говорит он Вал. Никогда не обращала внимания на то, какой у него приятный, глубокий голос, как у радио диджея.

— Эзра, скажи Бекке, что ей нужно выбраться из своей раковины и продолжать ходить на свидания.

Мы с Эзра смотрим друг на друга. Никто не хочет начинать разговор первым. Биение сердце в ушах заглушает все окружающие звуки. Есть только я, Вал и Эзра, все остальное — размыто.

— Не думаю, что я вправе что-то говорить, — отвечает Эзра.

— Давай же, чисто гипотетически. Ей нужно ходить на свидания. В Ашлэнде много хороших парней.

— Я не знаю, — говорит он, медленно поднимая глаза вверх.

— Мы можем прекратить обсуждать мою личную жизнь?

— Ох, перестань. Здесь все свои.

Эзра облизывает губы. Что, определенно, выглядит так неловко и очаровательно.

— А что думаешь ты, Эзра? — спрашиваю я. — В этой школе есть стоящие парни?

— С горстку.

— Именно так, милый, — говорит Вал. — Ну, больше горстки. Скажем, три с половиной.

— Знаешь, — говорит Эзра, улыбаясь. — Не думаю, что тебе стоит переживать по этому поводу. Если здесь есть человек, которому ты интересна, он даст о себе знать и не позволит тебе просто так пройти мимо.

Я крепко сжимаю лямки рюкзака.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Просто он ожидает подходящего момента или когда ждать станет невозможно.

— Это просто вопрос времени, — говорит Вал.

— Спасибо, — говорю я, пытаюсь успокоиться.

— Спасибо, дорогой, — говорит Вал Эзра. — Ты лучший, — и нежно целует его в губы. Я же целовала его совсем не так.

***

Единственный способ забыть о проблемах — работа. Нет, не домашняя работа.

Моя другая работа.

Кажется, дразнить Стива и Хаксли девушками и парнями бесполезно. Нужно разработать другую стратегию. Я рассматриваю их фотографии. Представляю насколько хуже теперь станет в школе, после того как они разрешили свой конфликт. Все захотят быть похожими на них. Одиночки будут пытаться достать луну с неба в поисках подходящей пары. А тех же, кто останется не у дел, станут третировать еще больше. Не могу позволить этому произойти. Я смотрю на снимок Хаксли и Стива в ковбойских шляпах на каком-то карнавале. И вдруг я вспоминаю разговор между тренером и Стивом. А потом и Грега Бэйлора с его приглашением провести выходные в Университете Чандлер.

Тридцать минут спустя, я захожу в комнаты Дианы, держа в руках ноутбук. Думаю, это будет мое последнее дело в качестве специалиста по разрывам. Поэтому нужно, чтобы его запомнили.

Бари и Калиста разыскивают меня. Кто знает, может они завербовали кого-то еще.

Диана заканчивает складывать постиранное белье. Мама хочет, чтобы она больше помогала по дому.

И снова перед глазами встает поцелуй с Эзра. Почему я думаю об этом в самый неподходящий момент? Или прачечная что-то типа подсознательного спускового крючка? Я напоминаю себе, что поцеловала парня лучшей подруги. В некоторых странах меня могли бы за это до смерти забить камнями.

Диана щелкает пальцами перед моим лицом.

— Что случилось? Все еще не можешь отойти от свидания с этим Колином?

— Нет. — Конечно, нет. Я заиклилась на другом. Неужели это правда? Именно так и становятся одержимыми парнями? Я что теперь буду тосковать по парню, как наркоман в поиске очередной дозы?

— Не лги мне, Бекка. Я твоя сестра. Я меняла тебе памперсы.

Мне нужно кому-нибудь рассказать. Вслух поведать о том, что случилось. Диана права. Мы — сестры. Если я не могу рассказать ей, то кому еще? Определенно не своей лучшей подруге.

— Я поцеловала Эзра, парня Вал.

Диана фыркает и начинает смеяться.

— Я ужасный человек.

— Только если тебе понравилось.

Она замечает стыд, промелькнувший на моем лице.

— Бекка!

Это отвратительно. Даже Диана на стороне Вал. Дрожь возбуждения, охватывающая меня каждый раз, когда я мысленно возвращаюсь к нашему поцелую, сменяется отвращением к себе. Что если об этом узнает Вал? Что если вообще кто-нибудь в Ашлэнде пронюхает? Может быть, есть какая-нибудь алая буква для тех, кто предал дружбу?

— Я не знаю, что делать, — говорю я. — Не могу перестать об этом думать.

— Это просто. Больше так не делай.

— Но что, если я хочу? — Неделю назад я бы закатила глаза и отошла бы подальше от

человека, который говорит такую ерунду.

Диана становится серьезной. Она, наверное, знала, что когда-нибудь этот день настанет.

— Он тебе действительно нравится? — спрашивает она.

Я киваю. Не знаю, есть ли какая-то точка отсчета, чтобы официально считать себя влюбленной, но если бы была, то я подходила бы по всем критериям.

Не могу перестать о нем думать. И постоянно улыбаюсь при этом. Я хочу его увидеть прямо сейчас.

— Звучит так, будто он подонок, — говорит она.

— Нет, он хороший парень.

— Он встречается с твоей лучшей подругой и целуется с тобой. У меня, конечно, нет толкового словаря под рукой, но я определенно знаю подходящее слово — подонок.

— Все совсем не так. Ты не понимаешь. — В моей голове вырисовывается образ Эзра: как он обращался со мной, так нежно и ласково. У него нет тайных умыслов. Диана видит все исключительно в черно-белом цвете. Чаще всего в черном.

— Думаешь, Вал тебя поймет? Ты осознаешь, что если продолжишь отношения с этим героем-любовником, то дружбе с Вал конец. — Диана сердито смотрит на меня. Для человека, не имеющего к этому отношения, она воспринимает все слишком серьезно. — Ты хочешь стать одной из тех, кто с радостью отказывается от друзей ради парня?

Эти слова бьют в самое сердце.

— Я этого не хотела, но это произошло. Я пытаюсь осознать произошедшее и думала, что могу честно поговорить с тобой, и ты найдешь, что мне посоветовать, выйдя хоть на минуту из своего состояния «меня все задолбало».

Я кладу возле нее ноутбук.

— Можешь просто позвонить для меня? Я написала, что нужно говорить.

Диана разочарованно смотрит на меня, будто ее история постоянно должна служить мне уроком. Она внимательно читает написанное.

— Говори с южным акцентом.

Диана набирает домашний номер Стива. Она кладет ноги на кучу с чистым бельем.

— Здравствуйте, мистер Оверлэнд? Как поживаете? Я ассистент тренера Роберта Лехема из Университета Чандлер. Звоню, чтобы узнать собирается ли Стив на следующей неделе посетить наш замечательный кампус... О, он ничего не говорил? Вот молодежь пошла!

Диана так смешно говорит, подражая акценту. Она слишком много раз смотрела фильм «Стальные Магнолии».

— Грег Байлор упомянул, что Стив приедет на день открытых дверей. Не знали? Ну, вот такие новости. Это отличная возможность! Все расходы возмещаются, встреча с тренером и игроками, размещение в общежитие. Думаю, ему понравится.

Диана поднимает большой палец вверх. Мы можем ругаться, спорить, но она всегда рядом, когда мне нужна. Она лучшая сестра.

— Конечно. Я понимаю. Обсудите все со Стивом и уведомите нас по почте. Можете даже позвонить тренеру Лехему лично, если хотите. Не нужно меня благодарить... Угу. Отлично. Передайте Стиву, что здесь очень тепло и солнечно. Хорошего вечера, сэр.

Ашлэнд накрыла аура любви. Но это ненадолго.

В 5:45 утра раздается телефонный звонок с незнакомого номера, на улице еще не расцвело (привет, переход на летнее время!). Но любопытство берет вверх, и я отвечаю на него.

— Два-ноль? Я тебя разбудила?

— Эйми? — Подруга Дианы всегда называла меня Два-ноль, будто я более современная версия своей сестры. Это так похоже на нее: позвонить втихаря от Эрин и Мариан. Она всегда поступает по-своему, даже если это означает позвонить кому-либо с утра пораньше.

— Разве ты не должна сейчас спать?

— Ребенок любит пинаться по утрам.

— Вау. Он родится, прежде чем тебе исполнится двадцать пять. Будешь ему старшей сестрой, — говорю я, смеясь. Не понимаю, почему люди так рано заводят детей. Я слышала, что в двадцать начинаются самые лучшие годы жизни, так зачем тратить их на смену подгузников? Но в Эйми всегда был дух соперничества, так что, если Эрин родила, не располнев, то и Эйми должна.

Подождите, а почему это я болтаю с якобы подругой своей сестры в такой ранний час?

— Зачем звонишь? — спрашиваю я. Грубо, но она может списать это к тому, что разбудила меня.

— Я хочу поговорить с Дианой. Мы все хотим. Пора это прекращать. Я не знаю, почему Диана так зла на нас, но настало время все прояснить.

Звучит так, будто Диана маленький ребенок, бьющийся в истерике.

— У нее был тяжелый год.

— Откуда мне знать? Она ведь не разговаривает со мной.

— Ты не представляешь, через что она прошла, — мое сердце начинает бешено стучать. Несмотря на то, что слова Эйми технически верны, кроме меня Диану больше никому защищать. Это навсегда — мы против парочек. — Она была опустошена, не могла оправиться от шока в течение многих недель.

— Я не понимаю, почему, — говорит Эйми. — Эта фраза ввергает меня в шок. Даже кофе не надо. Спасибо, проснулась. — Все признаки предстоящего разрыва были на лицо задолго до этого. Не знаю, почему они тянули до последнего.

— Во-первых, *не они*, а он. За шесть часов до свадьбы! Если он с самого начала знал, что семья никогда не позволит ему жениться на не индианке, так зачем было продолжать водить мою сестру за нос.

— На не индианке?

— Да! Его семья предупредила, что если он не женится на индийской девушке, они лишат его наследства.

Эйми молчит. Я, конечно, слышала, что у беременных ухудшается память, но не до такой же степени.

— Так тебе сказала Диана?

— Санкреш просто хотел повеселиться, перед тем как связать себя узами брака с традиционной индийской девушкой.

— Бекка, — она глубоко вздыхает, как делают люди, когда собираются сказать то, что предпочли бы не говорить. — Двое его старших братьев женаты на белых девушках, и семья ни слова не сказала против.

— Может не при всех.

— Индианка, не индианка. Дело не в этом. Думаешь, иначе он бы довел дело до свадьбы? Поверь мне, все не так, у них были огромные проблемы, и Диана это знает.

— Тогда почему *она* не порвала с ним?

— Потому что она хотела выйти замуж, — Эйми прерывает себя. — Мне жаль.

— Это не правда, — я так крепко сжимаю телефон, что пластик начинает гнуться. — Тебе просто наплевать на нее.

— Это не так, я переживаю за нее. Мы все переживаем. Диана — одна из моих лучших подруг. Даже если она и не разговаривает с нами, я все еще считаю ее своей ближайшей подругой.

— Серьезно? — Интересно, почему они так настойчивы, ведь Диана постоянно отвергает их. Неужели у них была такая крепкая дружба?

— Она была рядом в самый трудный период моей жизни, почти такой же, в котором оказалась сейчас сама. Нас связывали прочные узы, а теперь она даже не хочет со мной разговаривать. Знаешь, каково это? — я неосознанно киваю в ответ. Диана, конечно, упрямая, но ей нужны эти девушки.

У меня есть немного времени до школы.

— Я знаю, как сделать так, чтобы вы снова встретились с Дианой.

***

До выступления осталось всего десять дней, поэтому репетиции продлили еще на один час. Для меня же эти шестьдесят минут тянутся словно десять лет. Приходится бороться с собой, чтобы не смотреть на Эзру и не думать о том, смотрит ли он на меня. В те моменты (а их было много), когда я не могу сдержаться и оглядываюсь, Эзра рисует или разговаривает с друзьями.

— Хаксли, давай прервемся? — говорит Элли, еле стоя на ногах. — У меня кружится голова.

— Если это необходимо, — говорит Хаксли, выглядя недовольной. — Быстренько освежитесь и продолжим.

Я вздыхаю с облегчением, поскольку во рту все пересохло. И плетусь с пустой бутылкой к фонтанчику с водой. И не важно, что там может быть куча микробов. Мне все равно. Мне нужна вода.

Керри наполняет свою и бутылку Элли.

— Ты слышала, еще одна девушка призналась, что пользовалась услугами специалиста по разрывам? Вот тебе и городская легенда, черт возьми.

— Думаю, они быстро найдут этого специалиста, — говорит Элли. Мне резко перехотелось пить. Но я не могу сдвинуться с места. Мне необходимо дослушать до конца.

— Нет, ну серьезно, насколько нужно быть гнусной и жалкой, чтобы разбивать пары за деньги. Должно быть, она настоящая страшила, — Керри закручивает крышки. — Твоя очередь, — говорит она мне.

Я смотрю на свое отражение в бутылке. А разве не гнусно, когда люди, находящиеся в отношениях, ведут себя настолько ужасно, что тем самым вынуждают других людей обращаться ко мне? Я делаю глубокий вдох и наполняю свою бутылку. Наполнив бутылку, я подпрыгиваю от неожиданности. Оказывается, за мной стоит Эзра.

Я смотрю на него. Он прямо передо мной. Отличная причина, чтобы не отводить взгляд.

— Привет, — говорит Эзра.

— Привет.

— Я хотел набрать воды, — указывает он пальцем на фонтанчик с водой.

— Да. Я тоже. Уже набрала, — я сжимаю бутылку так, что крышка практически слетает.

— Хорошо.

— Да.

— Хм, вы смотрелись... вы очень хорошо выступаете.

— Да. Осталось десять дней.

— Круто.

— Да.

— Хорошо, — говорит он.

— Не могу дождаться, — мы просто два человека, ведущие бессодержательную беседу. Абсолютно нормальные. Просто говорим о... Я не совсем уверена, о чем мы говорим, но это из категории для всех возрастов, а не home video шлюхи.

— Мне надо возвращаться к команде, а заодно и попить.

— Отлично.

— Да. — Я бегу трусцой к трибунам. Вспоминаю, что хочу пить и делаю глоток. Ааа!!! Я хочу снова поцеловать его. (Ничего себе, а я и не знала, что упускаю!). Но вместо этого, я лишь сжимаю бутылку и вздыхаю.

— Ребекка, — говорит Хаксли.

Я замираю на месте, она машет мне подойти к ней, что я и делаю.

— Что-то случилось?

— У меня к тебе вопрос.

— Какой?

— Как давно ты встречаешься с Эзра?

29

Я отрываю этикетку на бутылке.

— О чем ты говоришь?

— Не лги, Ребекка. Это грубо и вызывает преждевременные морщины.

Из-за беспокойства я хмурю брови.

— И это тоже, — говорит она.

— Я просто набирала воду.

— Я не вчера родилась. Никогда не видела таких искр, пробегающих между двумя людьми. Ну, кроме нас со Стивом, конечно. — Я стою, не зная, что делать. — Теперь понятно, почему тебе не понравился Колин Бейкер.

Я быстро сочиняю историю.

— Мне немного неловко.

— О, сгораю от любопытства.

Я сажусь на трибуну и делаю вид, что подавлена: опускаю голову и т. д.

— Он подвез меня после вечеринки у Криса. Я была пьяна, и меня вырвало в его машине, — я усмехаюсь. — Ну, знаешь, все эти кусочки ужина по всему кожаному салону.

Хаксли поднимает руку.

— Не надо подробностей. Рекомендую тебе воздерживаться от алкоголя, Ребекка, хотя бы из-за лишних калорий. Так больше ничего не было?

— Нет, — говорю тихо. Главный ключ к успешному вранью — самой поверить в то, что ты говоришь правду.

Хаксли зовет всех продолжить тренировку. Даже несмотря на то, что она поверила, мне не по себе от того, что она хоть что-то знает. Я возвращаюсь на свое место и концентрируюсь на танце, а не на Эзра.

***

Диана сидит на мамином троне и смотрит кулинарное шоу. Шеф-повар настолько худая, что меня одолевают сомнения — ест ли она приготовленное.

— Привет, — говорит сестра. — Можешь переключить, если хочешь.

— У меня есть вопрос, — мой голос неожиданно становится писклявым. — Правда, что братья Санкреша женаты на белых женщинах?

— Вау. Неожиданно. — Диана одета в свой излюбленный костюм: спортивную кофту университета Ратгерс и пижамные штаны. Мне так и хочется вытащить ее на задний двор и хорошенько облить из шланга. Я чувствую отвращение к тому, что она сделала со своей жизнью.

— Так это правда?

— Думаю, да.

— Тогда почему у них все получилось?

— Санкреш не был так силен духом, как они. Он — слабовольный человек.

Это объясняет, почему они так долго были вместе. Диана выключает звук на телевизоре и встает коленями на трон, чтобы посмотреть на меня.

— Бекка, отношения — сложная штука.

— Не такая уж и сложная, если я с легкостью могу их разбить.

— Слышала? — сверху раздаются мамины крики. Мы с Дианой смотрим друг на друга, убеждаясь, что нам не показалось.

— Мам, ты в порядке? — кричит Диана, и мы несемся в спальню родителей.

— Если ты не прекратишь, мы вызовем полицию! — кричит отец.

Диана распахивает дверь. Наши родители орут на кого-то из окна.

— О, нет! Мои окна! — говорит мама, ощупывая стекла. — Если на них будет хоть одна царапина, ты заплатишь за них. Слышишь меня?

Я подбегаю к окну и чуть не умираю от сердечного приступа. На заднем дворе стоит Эзра, рядом с нашими ржавыми качелями. А у его ног лежит камушки.

— Что, черт возьми, ты делаешь? Ты портишь частную собственность! — кричит отец.

— Я сожалею, — отвечает Эзра. — Я думал, что это окно Бекки.

— Нет, ее окно следующее. Ты что, просто не мог послать ей смс?

Диана хлопает меня по спине.

— Твой возлюбленный?

— Чей возлюбленный? — спрашивает мама. Она подходит ближе и шепчет мне. — Это парень, с которым ты ходила на свидание? Я его не так себе представляла.

— Нет!

— Ты портишь частную собственность! — снова кричит отец. Он любит повторяться, когда зол.

— Это мой друг, мы вместе учимся. Я разберусь, — я закрываю жалюзи и бегу в свою ванную, чтобы проверить, как я выгляжу, заодно нанести румяна и подкрасить губы.

Сто лет не была на заднем дворе. Я слишком взрослая, чтобы играть здесь. Жаль, я не могу пожертвовать это место детям нуждающихся семей. Эзра сидит на качелях, когда раздается мой голос, он вздрагивает и засовывает руки поглубже в карманы толстовки. Уличное освещение обрисовывает его силуэт. Он выглядит мило, как никогда.

— Прости за скандал, — говорит Эзра. Боже, какой у него сексуальный голос. И только я слышу его.

— Привет, — почему-то это единственное слово, которое приходит мне в голову.

Эзра притягивает меня к себе, чтобы поцеловать. И тело мгновенно пронзают мириады электрических импульсов.

— Не могу перестать думать о тебе, — говорит он.

— Я тоже, — НО я также думаю о Вал. Я сжимаю его руку, страстно желая, чтобы он сжал ее в ответ.

— Ты невероятная, Бекка. Никогда ни к кому не чувствовал ничего подобного. — Он проводит рукой по моей щеке. Этот жест заставляет меня трепетать.

Телефон Эзра начинает звонить, но он сразу же отклоняет вызов.

А что если это Вал? Я не могу позволить затянуть себя в водоворот отношений, подобно парочкам в школе. Не тогда, когда Вал сидит одна-одинешенька в спальне, тщетно пытаюсь поговорить со своим парнем.

— Что-то не так? — спрашивает Эзра, замечая мою неуверенность.

— Я не могу, — говорю я.

— Из-за Вал?

Я киваю.

— Почему для тебя это так легко?

— Я ужасно себя чувствую, но знаю, что мне будет гораздо хуже, если я позволю тебе уйти. Я схожу с ума, просто находясь с тобой в одном коридоре, и ничего не могу с этим поделать.

Он, что? Заранее подготовил речь? Даже если и так, я замираю от переполняющих меня эмоций. Эти слова глупо звучат до тех пор, пока парень не произносит их именно для тебя.

— Что мы делаем? — спрашиваю я. — Я не могу встречаться с тобой за спиной у подруги.

— И не надо. Если бы она увидела, как хорошо нам вместе, то все бы поняла. Ведь Вал хочет, чтобы мы были счастливы, — Эзра говорит это, он совершенно не знает свою девушку. — Думаю, ее больше расстроит, если мы будем продолжать скрываться.

— Она будет несчастна в любом случае.

Эзра переплетает наши пальцы, и я чувствую покалывание в руке от его тепла.

— Я не хочу причинять боль Вал, но почему мы должны быть несчастны в угоду ей?

Я отстраняюсь. Теперь она уже делает его несчастным? Немного неприятно. Вал же не какой-нибудь диктатор одной из стран третьего мира.

— Я неправильно подобрал слова, — говорит Эзра. И снова берет меня за руку. — Не несчастным. Просто с Вал не так хорошо, как с тобой. Между нами есть химия. Ты же и сама это видишь.

Я пристально смотрю на небо, пытаюсь найти там ответ. Но все, что вижу — Полярную звезду и еще какие-то едва заметные маленькие звездочки. Несомненно, между нами что-то есть: нам комфортно в обществе друг друга и присутствует физическое притяжение. Для меня все это в новинку. Ух, наверное, мне все же следует испытать это на своей шкуре. Да, я хочу этого.

Я глубоко вздыхаю.

— Как ты себе все это представляешь?

— Я... я не знаю. Думаю, что первым делом начну встречать тебя утром у твоего шкафчика, — говорит он. Эзра пытается поцеловать меня еще раз, но я уворачиваюсь.

— А что насчет Вал? Тебе нужно расстаться с ней.

— Я сделаю это перед классным собранием.

— Эзра! — Чувствую, как вокруг меня смыкаются стены. Мне нужно время, чтобы осознать происходящее. Значит ли это, что теперь у меня есть парень? А разве нет какого-нибудь промежуточного этапа? Жаль, у меня нет инструкции.

— Чем дольше мы ждем, тем сильнее она расстроится. Мы должны сказать ей.

— В конечном счете, да, — говорю я, спрыгивая с качели. Мне необходимо двигаться. — Нам нужно подождать. Во-первых, тебе немедленно нужно расстаться с Вал. Пару недель будем делать вид, что между нами ничего нет. Она как раз успеет прийти в себя, и я привыкну ко всему этому. А потом и начнем. — У Эзра однозначно не будет проблем, потому что люди в первую очередь винят во всем другую женщину. Может, я и не популярна, но средняя школа Ашлэнд не упустит возможности поязвить и посплетничать.

— Что значит «а потом и начнем»? — спрашивает он, опуская взгляд. — Ты имеешь в виду, станем официальной парой?

— Типа того.

— Но я не хочу ждать. Я хочу, чтобы ты стала моей девушкой прямо сейчас.

— А я думала, что ты не мыслишь штампами, не наклеиваешь ярлыки.

Я предпочитаю ярлыки на своей одежде, а не жизни, и почему все всегда сводится к отношениям? И все-таки, я не уверена, что готова к этому. Не хочу вступать в ряды зомби Ашлэнда. Не хочу, чтобы меня знали только как чью-то девушку. Не хочу начинать все свои фразы со слов «мой парень».

Эзра хлопает рукой по сиденью, и я присаживаюсь рядом с ним. Его руки липкие от пота, и мне приятна такая власть над ним, что он нервничает.

— Бекка, знаю, это слишком быстро. Но... ты смотрела «Когда Гарри встретил Салли»?

Я киваю. Это одна из немногих романтических комедий с Мэг Райан, которая мне нравится.

Он пристально смотрит мне в глаза, как тогда, на катке.

— Помнишь ту сцену в конце, где Гарри говорит Салли: «Когда понимаешь, что хочешь провести остаток своей жизни с кем-то, ты хочешь, чтоб остаток твоей жизни начался как можно скорее». Вот то, что я чувствую к тебе. Конечно, не «остаток жизни», но ты... ты та девушка, которую я искал. Ты не похожа на других. Ты невероятно интересная. Возможно, это звучит безумно, но я начинаю в тебя влюбляться.

Я наклоняюсь вперед и целую его, глубоко, с языком, но не грубо, наши лица тесно соприкасаются, как арахисовое масло с желе.

— Не знаю, смогу ли сдерживаться и не дотрагиваться, не целовать тебя каждый раз, когда вижу в школьном коридоре. Но я постараюсь, — говорит он.

Я краснею при мысли о том, что Эзра не может мной насытиться.

— Расставанье — маленькая смерть, — шепчу я.

— Именно, — отвечает он, целуя меня снова. Нужно будет договориться встретиться в субботу после обеда, чтобы вдоволь нацеловаться. Эзра отстраняется, но наши лица все еще так близко.

У меня странное ощущение, что за нами наблюдают. Смотрю на дом и вижу в одном из окон Диану, не сводящую с нас взгляд. Она сразу же закрывает жалюзи.

30

Эзра даже жует очаровательно. Я украдкой поглядываю на него, стоя в очереди за едой. В школе я постоянно нахожусь в возбуждении из-за наших маленьких уловок: то незаметно обмениваемся взглядами, то находим способы, прикоснуться друг к другу в коридоре.

— Привет.

Тарелка с салатом чуть не выпадает у меня из рук. Позади меня стоит Фред, кладя на свой поднос сэндвич, чипсы и кока-колу. Жаль, что мне нельзя столько есть.

— Мы можем поговорить? — спрашивает он. — Наедине?

— Конечно, — я следую за Фредом, не забывая оглянуться, чтобы еще раз взглянуть на Эзра. Мы идем, наверное, к единственному оставшемуся во всем штате телефону-автомату. — Что случилось?

— Ты специалист по разрывам?

Мой желудок скручивается. Я знала, когда-нибудь люди что-нибудь заподозрят, но не думала, что меня обвинят вот так напрямую. Даже нет времени, чтобы что-то придумать. Фред настроен очень серьезно. Он уже сделал выводы, ему нужно только подтверждение.

— Что? Нет, конечно.

— Я видел, как ты засунула телефон Стива между подушек на вечеринке у Криса. А потом началось все это шоу по поводу смс. Тогда я начал думать, что между всем этим есть какая-то связь.

— Я не брала его телефон.

— А затем я вспомнил твой план мести Джереми. То, как ты говорила о нем... выглядело странно... будто ты не первый раз это делаешь.

Руки вспотели. Ставлю поднос на телефонный аппарат. Я думала, что была так умна и осторожна, но, судя по всему, не настолько.

— Подожди. О чем ты говоришь? — мой голос звучит неубедительно. — Я ничем подобным не занимаюсь.

Отрицай, Ребекка, просто все отрицай. Лицо Фреда приобретает удрученный и хмурый вид. Он хочет, чтобы я ему доверилась, но я не могу. Этот секрет слишком ценен. Если он его раскроет, то станет героем в нашей школе, да и в любой другой. Он станет героем для Хаксли и Стива. Его социальное положение моментально взлетит до небес. А он слишком умен, чтобы не воспользоваться этим.

— Пойду поем. Перемена скоро закончится.

— Бари всюду сует свой нос и собирает девчонок, которые пользовались услугами специалиста по разрывам. Она все ближе и ближе становится к разгадке. Чтобы ты ни планировала, откажись, пока не поздно. Оно того не стоит.

Я стою, неприступная как крепость. Даже не кивнула ему.

— Послушай, — он дотрагивается до моей руки, но сразу же отступает, как будто я кусаюсь. — Не уверен, зачем ты это делаешь, но, возможно, настало время остановиться. Ты не можешь продолжать манипулировать людьми подобным образом. Отношения и так довольно сложная штука.

— Ты-то откуда знаешь? У тебя никогда не было девушки, — я делаю паузу, опешивши от своей грубости. — Так что, допрос окончен? Мне бы хотелось вернуться за свой столик.

Фред качает головой, в этот момент он больше напоминает учителя, нежели друга.

— Я тебя не держу.

Я оставляю Фреда стоять возле телефона-автомата и пытаюсь перебороть чувство вины, нахлынувшее на меня. Мне нужно думать о себе.

Скоро все закончится, повторяю я про себя, моя дружба с Хаксли — явление временное.

— Ты так покраснела, — говорит Хаксли. Я сажусь на свое привычное место напротив нее.

Грег возбужденно скачет вокруг Стива, пихая его в спину, хлопая по плечам. Хаксли выглядит недовольной.

— О, Стив, мы порвем Университет Чандлер. Высыпайся сейчас, потому что выходные будут просто чумовые!

Стив, конечно, не носится как угорелый, но на его лице предвкушающая улыбка. Он изо всех сил пытается усидеть за столом, естественно, из-за одного человека.

— А разве ты уже не решил, что поступаешь в Вермилион? — спрашивает Хаксли. — Теперь не этично ехать на день открытых дверей.

— Официально я еще ничего не подписал, — говорит Стив. — Отец, считает, что мне сначала нужно осмотреться в Чандлере.

— Ты же не собираешься продолжать играть в футбол? Ты сказал им об этом?

— Не знаю. Думаю, мне не стоит окончательно захлопывать эту дверь.

— Я думала, ты все решил, — говорит Хаксли своим приятным, певучим голосом.

— Полагаю, что все-таки нет.

За столом становится тихо. Чтобы никто из друзей не начал сомневаться в стабильности их только что восстановленных отношений, Хаксли хватает Стива за руку.

— Ты прав. Не стоит так сразу захлопывать за собой эту дверь. У тебя будут отличные выходные, — Хаксли целует костяшки его пальцев, а он ласкает ее щеку.

— Спасибо, Хакс.

Хаксли гоняет вилок по тарелке лист салата туда-сюда с приклеенной на лице одной из ее фальшивых улыбочек.

***

Диана ненавидит иголки. В старшей школе она захотела проколоть уши, но передумала сразу же, как села в кресло мастера. Это ее желание исполнилось только на девичнике, когда Эрин, Мариан и Эйми напоили ее и притащили в салон. Иногда Диану нужно толкать вперед, иногда — сдерживать. Именно эту фразу я повторяю вновь и вновь, сидя в ожидании в гостиной. Я делаю это исключительно из добрых побуждений. Потому что люблю ее.

Диана заходит в гостиную, и на ее лице отражается боль и предательство, как тогда на дне рождения Оуэна. Сумки с покупками падают на пол.

Эрин, Эйми и Мариан сидят на диване и пьют кофе. Я поднимаюсь с кресла.

— Привет, Диана. Посмотри, кто к нам пришел.

Диана с идеально прямой спиной присаживается на трон напротив них. Если бы она посещала уроки этикета, то сейчас получила бы высшую оценку.

Эрин и Мариан чувствуют себя так же неудобно, как и я. Эйми же наоборот совершенно спокойна. Может, это беременность так на нее влияет.

— Мне жаль, что так получилось на дне рождения Оуэна, — эти слова разрывают тишину, как пожарная сирена. — Я не знала, что ты придешь, Диана. Мы тысячу раз пытались с тобой связаться.

— В конце концов, мы решили прийти, убедиться, что ты еще жива, — говорит Мариан, убирая волосы с глаз.

— Ну, вот она я! Жива и невредима! — Диана крутит браслет вокруг запястья.

Эрин смотрит на меня в поисках поддержки, но я не могу. Мне нельзя влезать. Это не моя битва.

— Диана, — в голосе Эрин слышится отчаяние. — Пожалуйста, поговори с нами. Мы весь год переживали за тебя.

— Если вы так беспокоились, то почему пришли только сегодня?

— А почему ты игнорировала нас весь прошедший год? — спрашивает Мариан. — Мы звонили, слали смс, электронные письма.

— Эрин даже написала тебе письмо и отправила его по почте.

— Но вы так и не пришли ко мне домой. Ведь это слишком неудобно для вас, верно?

— Ну что ты! Конечно, нет, — говорит Эрин, она всегда подлизывается к людям. Оуэн, наверное, будет совершенно испорченным ребенком. — Просто...

— Вы были слишком заняты, — Диана качает головой и тычет пальцем в Эрин, Эйми и Мариан. — У одной ребенок, другая ждет ребенка, третья выходит замуж. Кому же нужна грустная и жалкая подруга?!

— Ты права, Диана, — говорит Эйми. — Мы были заняты. Но зачем нам приезжать к тебе, если ты даже не отвечаешь на телефонные звонки. Мы тебя любим, но не можем забить на собственные жизни ради тебя, также как и тебе не нужно этого делать ради нас.

Эйми смотрит на Диану. Она — сила команды. Но чего еще ожидать от женщины, которая работает публицистом на восьмом месяце беременности. Я всегда ей восхищалась, втайне от Дианы, конечно.

— Эйми хочет сказать, мы здесь, чтобы оказать тебе поддержку. Ты не можешь продолжать отталкивать нас, — говорит Мариан.

— Нет, я не это имела в виду! Что, черт возьми, происходит, Диана?!

— Зачем вы пригласили Санкреша и ЕЕ на день рождения Оуэна? — спрашивает Диана Эрин. Она сидит неподвижно, готовая в любой момент атаковать, если потребуется.

— Потому что он отвечает на звонки, — говорит Эйми. — И ты не разжалобишь меня своей подростковой драмой. Пора встать на ноги и двигаться дальше.

Диана сталкивается с классическим взглядом «мне так жаль, что ты одна». В зеркале позади дивана, я замечаю ноги мамы, поднимающиеся по лестнице. Мне так хочется к ней присоединиться.

— Ты так легко судишь. Хочу напомнить, что если бы не я, то ты бы была сейчас одна и не встретила бы Билла, — в глазах Дианы стоят слезы. Она закатывает глаза, надеясь, что они чудесным образом испарятся. — Парень, которого я любила, бросил меня в день свадьбы. Вам никогда этого не понять.

— Такое ощущение, что ты об этом и не подозревала, — говорит Эйми. И мне хочется выплеснуть кофе ей в лицо.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Диана.

— Сними розовые очки, Диана. Ты проигнорировала все предупреждающие знаки. Помнишь, что произошло на девичнике? Два «Лонг-Айленда», и ты начала плакаться, что не знаешь, любишь ли Санкреша или нет.

— Я была пьяна!

— Тем не менее, ты это сказала.

— Может я немного и охладела к нему, но все равно любила.

— Черт, Диана! Санкреш пытался порвать с тобой отношения за месяцы до свадьбы, но ты не позволила ему. Ты знала, что он слабак и его легко отговорить. Тебя просто переклинило на свадьбе!

— Убирайтесь!

Пока я пыталась понять происходящее, Диана встала с трона.

— Вы пришли сюда только для того, чтобы посмеяться. *О, посмотрите, Диана и ее разбитое сердце! Прошел год, а до сих пор смешно.* Знаете, что еще смешно? Уродливый ребенок Эрин, муж Мариан и это твое пищевое расстройство в колледже.

Эрин и Мариан вскакивают с дивана. Их шокированный вид быстро сменяется выражением жалости на лице. Они помогают подняться Эйми. Я прячу лицо в ладонях. Мне стыдно за нас обеих.

— Ты жалкая, Диана, — говорит Эйми. Ее слова причиняют мне острую боль. — Нs вовсе не по той причине, которую ты вбила себе в голову.

Как только за женщинами захлопывается входная дверь, Диана поворачивается и смотрит на меня. Никогда не видела столько темноты в ее глазах.

— Ты меня подставила!

Такое ощущение, будто взорвалась водородная бомба. Не думала, что так получится. Видимо, я все же не знаю свою сестру настолько хорошо, как предполагала.

— Я лишь хотела помочь, — говорю я сквозь слезы. — Диана, ты не можешь продолжать жить вот так.

— Думаешь, я этого хочу? Но как я могу встречаться с людьми, если все, что они видят — это отвергнутая невеста?

— Это то, что видишь *ты*.

За что она так борется? Кажется, ей и вовсе не нужны никакие перемены в жизни. Ей просто хочется продолжать ненавидеть Санкреша.

— Что, сестричка, думаешь, если украла у лучшей подруги парня, то стала экспертом по отношениям?! Что ж, большое спасибо!

Я какое-то время сижу в гостиной и тихо плачу, а потом иду спать. Лежа в кровати, думаю о том, какой красивой была Диана с проколотыми ушами. Она сняла сережки сразу же после звонка Санкреша в день свадьбы, и через несколько недель проколотые места заросли. Не осталось никаких шрамов. Как будто их никогда и не было.

Я сижу в беседке, ужиная с мамой вечером в пятницу. И тут звонит Вал. ЗВОНИТ!

Я сразу же понимаю, что что-то произошло. Вал обычно шлет смс, не более. Если

подумать, то это странно для девушки, которая так любить поговорить.

Неужели Эзра проболтался о нашем поцелуе? Нет, о поцелуях, миллионах поцелуев.

— Привет, — говорю я, сгорая от любопытства.

— Чем занимаешься? — Вал, как обычно, тараторит. Только обычная Вал не стала бы мне звонить, чтобы спросить об этом.

— Ничем.

— Бекка! Сегодня пятница!

Я кладу вилку на стол.

— Что ты хотела?

— Выпить с тобой кофе. Мне очень нужно с кем-нибудь поговорить. Только что произошло нечто ужасное.

— О чем ты? — спрашиваю нетерпеливо.

— Эзра попытался со мной порвать.

***

Мы встречаемся в «Азукар» — одной из тех унылых кофеен, расположенных возле кампуса колледжа. Парень, который был бы привлекателен, если бы не изобилие пирсинга на лице, передает мне латте. Мне нужно поддержать Вал, но так хочется оказаться здесь с Эзра. Эмоции переполняют меня. Чувствую себя психопаткой в смиренной рубашке, запертой в комнате без углов. Боже, сколько места в голове занимают мысли об Эзра. Нужно остановиться, но я как наркоман в поисках дозы.

— Ну, рассказывай, — говорю, как только получаю свой латте. Я сажусь на фиолетовый диванчик рядом с Вал. Она помешивает свое кофе.

— Вчера вечером Эзра прислал мне электронное письмо. Он написал, что думает, у нас ничего не получится и нам, наверное, стоит начать встречаться с другими людьми. Да, конечно, сейчас у нас все не так великолепно как было раньше, просто мы привыкли друг к другу, первоначальные эмоции немного утихли, но это происходит со всеми парами, не так ли?

Нет, говорю про себя, только с теми парами, которым не стоит быть вместе.

— О, мне так жаль! Вот мешок с дерьмом! Порвать с тобой по электронке! — говорю я. Почему он сообщил о разрыве таким способом? Вал все-таки заслуживает лучшего. — Тебе нужно было позвонить мне вчера.

— Дело в том, что вчера я не была расстроена. Шокирована — да, но не плакала. Я не поверила ему. Это было так неожиданно, но я не собиралась сидеть на месте и смотреть, как рушатся мои отношения. Поэтому разработала план.

У меня резко пропадает желание пить кофе. На этом диване я единственная, кто должен плести интриги.

— Что ты сделала?

— Я выбрала цитаты из фильмов, которые ему нравятся, и спрятала их по всей школе, чтобы он их нашел, типа игры. А под пианино в зале для репетиций спрятала записку со словами из «Касабланки»: «Сыграй еще раз, Сэм». Ему нравится этот фильм, а я уснула, когда мы его смотрели. Эзра искал ключи к разгадке по всей школе и, в конце концов, оказался возле моей машины. Когда я увидела, что он идет ко мне, то чуть не упала в обморок от радости. Это было так романтично.

Именно так. И умно. Кто знал, что Вал может разработать нечто подобное? В другой жизни, она могла бы быть отличной соратницей специалиста по разрывам.

— Что дальше? — я отпиваю латте.

— Я сказала, что мы вместе создали эти отношения и что он слишком мне дорог, чтобы не бороться за них. Однажды он сказал, что отношения — это когда два человека сначала испытывают взаимное притяжение, а потом выясняют, есть ли между ними что-то еще помимо этих внезапных чувств. Для меня это больше, чем просто притяжение. И если придется подождать, пока он это поймет, то я так и сделаю. Поскольку знаю, что между нами нечто особенное. И он скоро тоже это осознает.

Я крепко сжимаю стакан с латте так, что на нем остаются вмятины. Вал не плачет, поэтому я уже знаю ответ, но все равно задаю свой вопрос:

— И что он на это сказал?

— Он притянул меня к себе и поцеловал. Это было... великолепно. Эзра восхитительно целуется.

Знаю!

Я сжимаю зубы, и ногтем ковыряю дырку в стакане.

— Таким образом, кризис предотвращен, — говорит Вал, восхищаясь сама собой. Меня раздражает, что она счастлива. — Давай съедим печенье напололам?

— Нет.

— Что не так?

— Вал, могу я задать тебе вопрос? Ты действительно влюблена в Эзра? Только честно?

— Конечно!

— Но это не правда! — мой крик привлекает внимание всех в зале. — Прекрати обманывать. Ты просто хотела отношений. Отчаянно хотела! Это же так очевидно.

Вал ставит кофе на стол. Либо она слишком спокойна, либо я очень зла.

— Ничего подобного. Да, знаю, я была немного помешана на парнях.

— Ты слишком преуменьшаешь. Все, что ты делаешь: лжешь, вводишь в заблуждение и манипулируешь. Лишь для того, чтобы не приходилось в одиночестве бродить по школьным коридорам. Тебе нужен был парень, и ты его получила. Но Эзра действительно хороший и заслуживает того, кому он не безразличен, — слова так и вылетают из меня. Я вся горю, даже латте в моей руке ощущается холодным. Я больше не могу сдерживаться.

— И это говорит мне лучшая подруга. Я никогда не лгала Эзра. — Она еще имеет наглость так говорить.

— Да неужели? Расскажи кому-нибудь другому. Или мне напомнить тебе об электронном письме, которое ты заставила меня написать?

— Такое ощущение, что ты просто завидуешь. Запала на Эзра?

— Нет! — я краснею, но и до того красные щеки, скрывают этот факт.

— Я не обязана тебе ничего доказывать, — говорит она, нервно накручивая волосы на палец. Вал всегда так делает, когда расстроена. — Если ты действительно думаешь, что наши отношения — фальшивка, то почему Эзра все еще со мной?

У меня нет ответа на этот вопрос. Эзра хочет настоящей любви. Ну почему он не видит, что все это просто притворство?

— Тебе нравится он или то, что ты в отношениях?

В уголках глаз Вал скапливаются слезы. Я чувствую себя отвратительно. Нет ничего хуже, чем заставлять плакать лучшую подругу.

— Возможно, я и не была честна с ним поначалу, просто я не хотела, чтобы незнание фильмов все испортило. Но мои чувства к нему всегда были настоящими, — Вал вытирает слезы салфеткой. А они все капают и капают. — Мне всегда казалось, что фраза «мое сердце пропустило удар» просто нелепа. Но так произошло с Эзра. Каждый раз, когда я смотрю, как он идет ко мне по коридору с обворожительной улыбкой на лице или вижу его номер, высвечивающийся на экране телефона, или слышу его голос, мое сердце перестает биться. Как будто ему тоже, как мне, нужно сделать вдох. А потом оно начинает стучать с бешеной скоростью. Чертовски странно, но так приятно. И так происходит каждый раз, когда он рядом.

Вал пристально смотрит на меня с тем выражением, которое говорит мне о том, что она серьезна как никогда.

— Я люблю его. Очень люблю, — говорит она.

Я начинаю задыхаться. Не знала, что можно быть настолько злой на кого-то, кто тебе дорог.

— Нет, не правда! Как можно так обманывать?! Твои отношения — чужь собачья, Вал!

Не дожидаясь ее ответа, я выбегаю из кофейни. Грудь пронзает невыносимая боль. Я заставила плакать свою лучшую подругу, а еще она любит в парня, который не любит ее.

***

По дороге домой, я слушаю новости по радио. Может, беспорядки в мире отвлекут меня от хаоса в моей жизни. Я пытаюсь проигнорировать отвращение к самой себе.

Я серьезно увлечена Эзра Драммондом.

Не могу ничего с собой поделать, даже если по каким-то причинам он все еще с Вал. Сердце и разум сговорились против меня.

— Мне нравится Эзра Драммонд! — перекрикиваю я радио. Как же хорошо произносить это вслух. А потом меня пронзает страх. Открываю окно, и свежий воздух бьет мне в лицо.

Как я могу быть с ним, если это причиняет боль Вал? Как я могу позволить ему остаться с Вал? Почему не один из вариантов не имеет счастливого конца?

Звонит телефон. Второй звонок за вечер. Я никогда не была столь популярна.

— Привет.

— Привет, Ребекка. Чем планируешь заниматься на выходных?

— Ничем.

— Ребекка! У тебя действительно нет никаких планов?

Я закатываю глаза, услышав ее комментарий. Хорошо хоть одна вещь в моей жизни остается неизменной.

— Что такое, Хаксли?

— Хочешь завтра поехать со мной в Чандлер?

Я не думаю о деньгах, о лжи, которую придется придумать для родителей и о том, что это абсолютное безумие со стороны Хаксли. Мне просто жизненно необходимо исчезнуть.

— Во сколько выезжаем?

По субботам большинство учащихся Ашлэнда смотрят дурацкие фильмы по кабельному, бегают по каким-нибудь поручениям или работают. (Возможно, кто-то даже делает домашнюю работу. Может быть). Но никто из них не находится сейчас в салоне первого класса на высоте тридцать пять тысяч футов над уровнем моря. И не лакомится бифштексом под грибным соусом, попивая бесплатное шампанское.

Никто, кроме Хаксли и меня.

Я сказала родителям, что проведу все выходные с Хаксли, не уточняя, конечно, где именно.

Хаксли допивает второй бокал шампанского и, с тех пор как мы пересекли Аппалачи, постоянно смотрит в окно. Редко можно увидеть ее такой задумчивой.

— Ты в порядке? — Я хлопаю себя по лбу. Класс, просто вопрос дня. Ладно, попробую еще раз. — Хочешь поговорить?

На ее лице появляется беспокойство.

— Знаю, сейчас мы ничего не можем сделать. Но мне очень нужно увидеть своими глазами, как он будет проводить время. И...

— И не слишком ли он будет веселиться.

— И будет ли он счастлив, — говорит она и снова смотрит в окно. — Если он собирается играть в футбол за их команду, не знаю, сможем ли мы быть вместе.

— Не говори так! — Стюардесса неодобрительно смотрит на меня, наполняя бокал Хаксли. Вероятно, она считает, что я нахожусь в первом классе только благодаря Хаксли.

— Он любит тебя. Помнишь вечеринку у Криса Гомберга?

Она кивает, но как-то неуверенно.

— Все будет совсем по-другому, если он подаст документы в Чандлер.

— Поэтому ты хочешь, чтобы он поступил в Вермилион?

— Я не могу потерять его.

Ей необходимо, чтобы он был поблизости. Необходимо его контролировать. Хотя мне все равно не понятно, почему она так рвется остаться с ним и после того, как он закончит школу. Она могла бы выпуститься через год, пойти учиться в колледж и найти другого парня. Или Хаксли так важен ее статус в Ашлэнде?

— А может вам стоит расстаться сейчас. За порогом Ашлэнда вас ожидает совершенно другая, новая жизнь, — я отпиваю шампанское, пузырьки щекочут мне ноздри, и я взвизгиваю. Стюардесса неодобрительно качает головой.

— Я не хочу другую жизнь. Мне нравится моя, со Стивом. Мои родители познакомились и влюбились друг в друга в старших классах. Потом они вместе поступили в Ратгерс, после этого поженились и осели в Ашлэнде. Это немного старомодно, но безумно романтично. Они с самого начала знали, что важнее всего. И этого же я хочу со Стивом.

Диана тоже пыталась пойти по этому пути с Санкрешем, но... не удалось. Подобная тема с влюбленными из старших классов может сработать, только если не строить никаких планов.

— А может тебе предназначено что-то другое. Возможно, это не твоя жизнь. Ты умная, Хаксли, и прирожденный лидер. Посмотри, как ты хорошо справляешься с СТА. Тебя ожидает интересное будущее. Неужели ты хочешь отказаться от него ради каких-то отношений?

— Это не просто «какие-то отношения». — Она крутит в руках бокал с шампанским, задумчиво смотря на пузырьки. Такое ощущение, что она прокручивает в голове последние

четыре года своей жизни и пытается оценить их. — Я начала встречаться со Стивом лишь потому, что мне нравилось, что он — Стив Оверленд. Но сейчас я действительно люблю этого парня.

И я ей верю. Хаксли так естественно, так искренне говорит об этом, не пытаясь что-то доказать, а просто констатируя факт. К сожалению для нее уже все вышло из-под контроля.

***

В Далласе нас встречает легкий теплый бриз и янтарное заходящее солнце. Интересно, каково это? Жить в месте, где выпадает снег?

Включив телефон, я обнаруживаю пару сообщений. И оба от Эзра.

«Мы можем сегодня встретиться? Нужно поговорить».

«Я знаю, как исправить ситуацию с Вал. Ты та, кого я лю...»

Означает ли лю... слово на букву «Л»?

— Почему ты так улыбаешься? — спрашивает Хаксли.

Я убираю телефон в сумку. И краснею, но пытаюсь сделать вид, что дело в жаре.

Такси везет нас вниз по шоссе. Мы проезжаем стейкхаус, построенный в форме ковбойской шляпы — причудливое, но довольно милое сооружение. Стиву бы оно понравилось.

— Кто это был? — спрашивает Хаксли.

— Никто.

— Не обманывай.

— Я не улыбалась во весь рот. — Я не могу наслаждаться его словами Эзра. Только не тогда, когда сердце Вал бьется для него.

Мы ставим багаж в номере отеля. Хаксли сняла пентхаус с гостиной, кухней и балконом с видом на бассейн.

— У моего отца здесь большая скидка, — говорит она.

Я разваливаюсь на огромной кровати и разворачиваю конфетку, оставленную на подушке.

Быть другом Хаксли — круто. Неожиданно в голову приходит мысль, и я сажусь.

— Почему ты взяла меня с собой?

Хаксли прекращает развешивать одежду в шкафу. Сколько же всего она набрала с собой на одну ночь?

— Не знаю. Когда эта идея пришла мне в голову, почему-то ты оказалась единственной, кого я могла себе представить в качестве компании.

— Правда? Не Элли? Не Рейган?

— Да. Они бы этого не поняли. Возможно, ты думаешь, что я сумасшедшая, но ты понимаешь. — В какой-то мере, это правда. Думаю, я просто привыкла ко всяким интригам, но ей этого не нужно знать. — Я знаю, что могу доверять тебе, — говорит она.

Я сглатываю ком в горле.

— Спасибо.

Мы смываем запах самолета с кожи и переодеваемся во что-то более яркое, но не очень заметное. Я настраиваю радио на волну с музыкой в стиле кантри, но Хаксли не в

настроении веселиться. Она полностью сфокусирована на своей миссии.

Я отпираю засов и открываю дверь, но Хаксли моментально захлопывает его. Она чертовски нервничает.

— Не волнуйся, — говорю я. Какая же она хрупкая и ранимая, ни следа от образа снежной королевы. Сейчас я вижу ту девчонку, которую когда-то так хорошо знала. — Скорее всего, мы найдем Стива, сидящего на скамейке и умирающего от скуки.

— Спасибо за то, что поехала со мной. — Она делает глубокий вздох, и я уверена, она хочет сказать что-то еще.

— Ну что?

— Извини.

Я убираю руку с дверной ручки.

— За что?

— За то, что отказалась от тебя. Ты была хорошей подругой.

Я не схватила ее в объятия от переизбытка эмоций и не стала истерически рыдать у нее на плече под звуки музыки. Хотя, раньше думала, что так и будет, если она когда-нибудь извинится. Как будто эти слова могут волшебным образом изменить прошедшие четыре года. Да, нельзя склеить разбитую чашу, но сейчас я готова двигаться дальше.

Поэтому я открываю дверь и ободряюще ей улыбаюсь.

— Пошли, поиграем в шпионов.

***

Добрых сорок пять минут мы бродили по кампусу, пока один из участвующих в протесте за права вегетарианцев не показал нам дорогу в «Сигма Тау Йота» — братство, куда вступают все футболисты.

— Не забудьте попрощаться со своими мозговыми клетками, — говорит он напоследок и возвращается к скандированию. (Что мы хотим? Сейтан! Когда мы его хотим? На ужин!)

Общежитие стоило бы покрасить. Тем не менее, восхитительные колонны и широкие балкончики придают ему величественный вид. Сегодня здесь вечеринка, наверное, здесь так каждый вечер. Группки студентов занимают каждый свободный метр здания. Все они держат в руках красные пластиковые стаканчики. И, ух ты, по две девушки на каждого парня!

Дверь нараспашку (сказать по правде, никакой двери-то и нет), мы присоединяемся к толпе. На лбу выступают капельки пота. Это просто вечеринка, как у Криса Гомберга, только в пятьдесят раз больше, и я тут никого не знаю. Люди обращают внимание на нас с Хаксли, но не потому, что узнают. На лбу же не написана вся наша подноготная. Как хорошо хотя бы раз побыть для окружающих «чистым листом».

Мы протискиваемся в узкий коридор и вливаемся в поток куда-то движущихся участников вечеринки. У Хаксли такой вид, словно ей срочно нужно искупаться в каком-нибудь дезинфицирующем средстве. Спорю, что больше жары и клаустрофобии, она ненавидит быть неузнанной.

Хаксли заглядывает в гостиную, где парни и девушки танцуют на клетчатых креслах и на античном кофейном столике. Звонит мой телефон, и я вспоминаю, что Эзра присылал мне смс.

«Где ты? Нам нужно поговорить. Давай увидимся на выходных?»

— Его нигде нет, — говорит Хаксли.

Я не могу игнорировать Эзра. Я не хочу его игнорировать. Да, я не хочу причинить боль Вал, но ведь это и моя жизнь тоже. Если она такая сторонница любви и отношений, то должна понять. Никто не совершенен, даже лучшие подруги. Я вспоминаю, как мы с Эзра обсуждали, что будет дальше, а потом целовались.

Пишу в ответ:

«Увидимся завтра вечером в восемь. С нетерпением жду встречи!»

— Кого это ты с нетерпением ожидаешь увидеть?

Я пытаюсь спрятать телефон подальше от Хаксли, но она слишком проворна. Полагаю, так как у нас был разговор по душам, она теперь считает, что может знать абсолютно все о моей жизни. Я краснею даже ярче, чем пластиковый стаканчик. Хаксли же в это время просматривает мои сообщения.

— Вау, Ребекка. Я даже представить себе не могла нечто подобное.

— Я не разлучница, — говорю я виноватым тоном, отводя взгляд. И пристально смотрю на кегу с пивом, стоя в очереди позади двух парней, которые, видимо, не знают что такое ножницы. Зато мы успешно используем их в качестве маскировки на случай, если появится Стив.

— Ты его любишь? — спрашивает Хаксли прямо.

Я пытаюсь найти правильный ответ.

— Не знаю.

— Я думала, что Вал и ты — очень близкие подруги.

— Так и есть!

— И ты хочешь отказаться от этого ради отношений с Эзра?

Да, Хаксли задает правильные вопросы. Она не пытается смягчить слова. Я поворачиваю голову налево и вижу, как девушка отпивает пиво, потом морщится и выливает остаток пива на ковер. Даже не хочу видеть реакцию Хаксли на это.

— «Отказаться» — не совсем верное определение. Все гораздо сложнее, — говорю я.

— Вовсе нет. Ты влегкую встречаешься с ее парнем. Зачем ей дружить с тобой?

— Потому что мы лучшие подруги.

Я чувствую себя виноватой. Даже представить не могу мир, в котором мы с Вал не разговариваем друг с другом. С другой стороны, это ведь означает, что я должна держаться подальше от Эзра. Но в таком мире я тоже не хочу жить.

— Я не знаю, что делать. Я не могу быть с ним, но так отчаянно этого желаю.

Хаксли внимательно смотрит на меня, а потом на ее лице расплывается довольная улыбка. Будто она знает то, чего не знаю я.

— Ты его не любишь, — говорит она, как само собой разумеющееся.

Ее убежденный тон раздражает меня.

— Вы двое — несчастные влюбленные. Помнишь, что ты говорила на уроке английской литературы? Это просто «сумасшествие». Ты знаешь, что тебе не следует быть с Эзра, потому и желаешь этого больше всего.

Я в шоке. Оказывается, Хаксли тогда меня слушала.

— Может, Ромео и Джульетта все же действительно были влюблены, — говорю я.

— Нет. Они, конечно, не были абсолютно сумасшедшими, но определенно близки к

этому. — Хаксли в первый раз за сегодня расслабляется и смеется. — Их свело вместе возбуждение от возможности быть пойманными. Это не любовь.

— А может, они просто влюбились друг в друга при крайне неудачных обстоятельствах.

— Как думаешь, что было бы, если бы все улеглось, и Ромео больше не нужно было бы декламировать сонеты и сражаться? Как ты их себе представляешь в обычный день вторника? Такие пары быстрее всего сгорают. Я видела это миллион раз.

У меня была пара остроумных реплик на языке, но все они испарились. Я не свожу глаз с кеги пива, шокированная тем, что Хаксли Мапозер сказала нечто столь нехарактерное для нее. Неужели Эзра и я считаем себя несчастными влюбленными? Может быть, поэтому я чувствую возбуждение, когда думаю о нем, зная, что мне не следует этого делать.

— По-моему, Эзра первый парень, интересующийся тобой, так?

Может она и права, но я все равно считаю, что это грубо. Она читает это по моему лицу.

— Думаю, что так.

Хотя, он не тот, с кем у меня был первый поцелуй. В прошлом году на конференции по поводу будущей модели ООН, я целовалась с парнем, представляющим Гану, не в реальной жизни, конечно.

Хаксли звонко чокается со мной, и мы опустошаем стаканы. Теперь я знаю, какова на вкус вода из канализационных труб.

— Все это в новинку для тебя, — говорит она. — Когда-то и я была на твоём месте. Это действительно так. Я помню жидкость для полоскания рта, выпавшую из кармана Стива, и тот момент, когда поняла, что он собирается меня поцеловать и что моя жизнь навсегда изменится. Это так будоражит. Думаю, тебе нравится в Эзра то, что ему нравишься ты сама.

— Ты только что описала Вал, — с издевкой говорю я.

— Вы очень похожи. Поэтому вы и лучшие подруги. Честно говоря, я завидую вашим отношениям. У меня такого нет.

Внезапно меня озаряет. Я опускаюсь на грязный пол и сажусь, скрестив ноги, несмотря на недовольство Хаксли. Неважно, что на мне красивая чистая юбка. Главное, что она права, я попала на крючок всей этой романтической чепухи, так же как и Вал. Просто Вал озвучила то, что я отказываюсь признавать. Я думала, что сильнее этого, думала, что никогда не стану жертвой.

Но я уже наполовину зомби.

— Я знаю, что тебе нужно. — Парень в светло-голубом поло и шортах с множеством карманов хватается меня за руку, поднимает с пола и кричит прямо в ухо. Судя по запаху изо рта, он пьян. — Ты должна сделать стойку на бочке.

— Что?

— Будет весело! Обещаю, — говорит он с южным акцентом, от которого невозможно не падать в обморок. Это своего рода американская версия британского акцента.

— Хм, хорошо.

Он берет меня за руку. Хаксли же хватается меня за другую руку и тянет назад.

— Нет. Ты не будешь делать стойку на бочке. Ты же в юбке, Ребекка!

Тут раздается громкий вопль, и в конце коридора появляется Грег Бэйлор. Его рубашка с эмблемой Университета Чандлер вся покрыта пивными пятнами, но ему все равно.

— А вот и пивной паровозик! — говорит он трем девушкам позади него. — Чух-чух, чух-чух!

Мы с Хаксли делаем все возможное, чтобы исчезнуть из его поля зрения. Пытаемся

протиснуться мимо толпы, которая каким-то волшебным образом присоединяется к паровозику Грега. По мере того, как он приближается все ближе и ближе, мы все ниже и ниже опускаем головы.

Он останавливается возле бочонка с пивом, и в это время мы с Хаксли, наконец, пробираемся в гостиную. Обходим стороной танцующих и странную компанию одиноких девчонок, которые явно выбрали не то место, чтобы поговорить. По всей комнате развешаны фотографии. На них парни выглядят как респектабельные джентльмены. Мимо нас проскакивает парень в плавках и ковбойской шляпе, задевая рукой грудь Хаксли.

Все эти снимки такие лживые.

Мы протискиваемся поближе к народу, стоящему в три ряда вокруг обеденного стола. Они кого-то подбадривают, но мне не видно.

— Чуть не попались! — говорю я.

— Если Грег здесь, то и Стив где-то близко.

Очень близко.

Прямо перед нами.

В центре круга Стив, пытающийся без рук выпить спиртное, стоящее на двух блондинках в бикини, лежащих на столе.

Он быстро опрокидывает в себя обе стопки, чем заслуживает одобрительные крики и возгласы. А парень с южным акцентом кричит «Ура!»

Стив так широко улыбается, что, кажется, еще чуть-чуть и его зубы выпадут изо рта.

— Мне нужно на воздух, — говорит Хаксли.

***

Не так уж и весело лететь первым классом обратно. Мне никак не удастся насладиться тортеллини, ведь рядом сидит расстроенная Хаксли.

Я вспоминаются те пары, которые разбила. Да, я строю планы и заговоры, но лично никогда не видела, как страдают все эти люди, переживающие разрыв.

— Что ты собираешься делать? Расстаться с ним?

Хаксли фиксирует свой взгляд на мне. В ее глазах светиться решимость.

— Нет, я буду бороться за парня, которого люблю, — она отпивает воду из стакана. — А что ты собираешься делать с Эзра?

В это время пилот объявляет о посадке. Настало время встретиться с реальностью лицом к лицу, и я к этому готова.

33

Мы с Эзра встречаемся в «Данкин Доунатс» возле моего дома. Эмоции переполняют меня. Ничего не могу с этим поделать. Сердце и голова пока еще не в ладах друг с другом.

— Привет! Наконец-то ты вышла из подполья, — он берет мою руку, но я отдергиваю ее. Эзра в замешательстве смотрит на меня.

— Нам нужно поговорить.

— Звучит угрожающе.

— Типа того.

— Послушай, знаю, ты расстроена по поводу Вал, но я все решу.

Я последний раз смотрю в его ореховые глаза, в которых отражаются блики заходящего солнца. Да, они красивые, но не больше.

Это просто глаза.

— Я не могу с тобой встречаться.

Он откидывается на спинку стула и качает головой.

— Я думал, между нами что-то есть.

— Это так, но между мной и Вал — нечто большее.

— Я бы мог влюбиться в тебя.

— Мог бы? Правда? — я обращаю внимание на то, как легко он бросается этими словами. Чем чаще Эзра их произносит, тем менее они значимы.

Эзра пожимает плечами, принимая мое решение.

— Как будто мы проигрываем финальную сцену из «Касабланки». Я должен позволить тебе сесть на тот самолет.

— Что было бы, если бы Ильза не улетела? Как только бы все улеглось, им с Риком стало бы невыносимо скучно друг с другом. — Я пытаюсь держать себя в руках. Я уже порвала с парнем, так что не стоит критиковать его любимый фильм. — Мне так жаль, Эзра. Правда, ты отличный парень.

— Спасибо.

Все прошло не так уж и плохо. Наверное, расставания со скандалами — удел незрелых.

— Знаю, что не имею никакого права просить тебя, но... когда будешь расставаться с Вал в этот раз, пожалуйста, сделай это лично. Она хорошая и заслуживает соответствующего отношения.

— А кто сказал, что я собираюсь порвать с Вал? — Эзра откусывает кусочек пончика, стирает шоколадную глазурь с уголков губ и слизывает ее с пальцев.

— Что? Но ты же не влюблен в нее?

— У нас с Вал были взлеты и падения. Кто знает, может, между нами что-то получится.

— Нет. — Пять минут назад он собирался разорвать с ней отношения, перечеркнуть все, выбросить как мусор. А сейчас... он резко передумал и снова готов влюбиться в Вал?

— Я должен дать нам шанс.

— А потом ты бросишь ее, как только на горизонте появится кто-то более подходящий?

— В твоих устах это звучит так грубо. Я не властен над своими чувствами.

— Ты отвратителен. — Я собиралась заказать что-нибудь попить, но теперь у меня только одно желание — немедленно уйти. Это не может быть тот Эзра, которым я так восхищалась. Но нет, вот он, во всей своей эгоистичной красе. — Ты думаешь, что знаешь все о романтике, но на самом деле ты просто ноль.

— У тебя никогда не было парня. Тебе не понять.

— Ты прав. У меня никогда не было парня. Но ты поменял кучу девушек. Как только все заходит дальше первых поцелуев и этих сюси-пусси, ты прячешь голову в песок.

«Он уйдет от нее еще до того, как она сама это поймет». Вот что сказала мне Изабель на вечеринке. Может, она и была пьяна, но, тем не менее, права. Наверное, он думает, что из-за одной ссоры его отношения заведут его туда же, куда и родителей. Я качаю головой, злясь больше на себя, чем на него.

Да, падать с небес оказалось очень больно. Я такая идиотка. Я действительно начала верить во всю эту чепуху о любви.

Диана была как никогда права.

Настоящий Эзра совсем не очарователен. Эти его ужимки... Он ничего не отвечает. Он не привык к критике. Эзра охотится на девушек, отчаянно жаждущих любви. И сейчас моя лучшая подруга Вал — его жертва. Он будет водить ее за нос, пока не подвернется кто-нибудь еще. Я не могу позволить ему и дальше продолжать это.

— Я собираюсь рассказать все Вал, — говорю я.

— Рассказать о чем?

— Обо всем. — Я направляюсь к выходу. Эзра обгоняет меня и блокирует проход.

— Ты уверена? — спрашивает он. — Думаешь, она будет злиться на меня?

— А ты думаешь, на меня?

— Лучшая подруга встречается за спиной с ее парнем. Она никогда тебе этого не простит. Я совершил ошибку, потому что был расстроен из-за наших ссор, а тут ты с распростертыми объятиями.

Он прав и мы оба это знаем. Он стоит, победно ухмыляясь. И о чем я только думала?

— Думаешь, Вал в здравом уме захочет снова остаться одной?

Я в шоке. Оказывается, я столько раз целовалась с отпетой сволочью.

— Ты жалок, — говорю я, хотя не уверена, кого из нас имею в виду.

***

На кухне меня ждет заботливо оставленный ужин. Мама с папой смотрят «Реальную любовь» — она на троне, он на диване. Как всегда не вместе. Может быть, у них и правильный подход. Они дают друг другу возможность жить нормальной жизнью без этих любовных штучек, переворачивающих все вверх дном.

— Бекка, ты куда? — спрашивает мама.

Я останавливаюсь на нижней ступеньке лестницы, держа в руках ужин.

— Поесть в своей комнате. Я так устала.

— Ты в порядке?

— Просто тяжелая неделя.

На полпути на второй этаж раздается телефонный звонок.

— Бекка, можешь взять трубку? — спрашивает мама. Поднять моих родителей со своих мест может только стихийное бедствие. Вот что значит иметь удобную мебель.

Я отвечаю на звонок.

— Ну, здравствуй, Ребекка Вильямсон.

Я только что вступила на минное поле. Хватаюсь за дверцу холодильника, пытаюсь устоять на месте. Я узнаю этот голос, но его не должно быть слышно в этой трубке.

— Мистер Тауне?

Я забегаю в мамино ателье и закрываю дверь на замок.

— Где вы взяли мой номер?

— Может, я и не особо в ладу с новыми технологиями, но у меня есть приятель, который отследил твой IP-адрес. А потом вышел на твой компьютер и узнал имя. Ну а номер я уже посмотрел в телефонной книге, — голос мистера Тауне звучит добродушно, но с угрожающими нотками. Впервые, я испугалась.

— Я бы предпочла, чтобы мы ограничились перепиской по электронной почте, — говорю я.

— Я так и хотел, но все слишком затянулось. К тому же, от тебя давно не было

новостей.

— Мне жаль. Я была очень занята. Но все в порядке, — я смотрю на руку, до сих пор сжимающую дверную ручку. Не могу двинуться с места.

— Ты это говоришь на протяжении уже двух месяцев. Такое ощущение, что ты водишь меня вокруг да около, и мне это не нравится. Пятнадцатое мая в эту пятницу.

Хочется повесить трубку. Никогда больше не хочу слышать этот голос. Никогда больше не буду отвечать на письма с просьбами о разрыве.

— Я-я больше не хочу заниматься вашим делом, — говорю я, пытаюсь контролировать свой дрожащий голос.

— Ты уже близка. Стив ездил на выходные в Техас. Он снова хочет играть в футбол. Но парень напился и всем, кто готов был его выслушать, рассказывал о своей девушке и о том, как он ее любит и не может без нее.

Я непроизвольно улыбаюсь. Жаль, что не могу рассказать об этом Хаксли.

— Я верну вам деньги.

— Мне это не интересно.

Я нарезаю круги по комнате, но никак не могу успокоиться. У меня нет плана на случай, если вскрыются мои личные данные.

— Думаю, что он ее любит.

— Мы оба знаем, что это полная чушь. Это не любовь, — говорит мистер Тауне. — Ты взялась за работу, Ребекка, так доведи ее до конца.

Мой голос дрожит еще сильнее.

— Почему вы хотите, чтобы они расстались? Почему бы просто не оставить их в покое?

— Ты что, теперь поддерживаешь влюбленных голубков? — он мерзко хихикает. — Давай, я тебя простимулирую. Если в пятницу Стив выберет Вермилион, то я сделаю все, чтобы каждый учащийся, каждый родитель и работодатель в твоём городе узнал, чем ты занимаешься, мисс Специалист по Разрывам. Не думаю, что после этого тебе будет весело учиться в старшей школе.

Я не успеваю ничего ответить, как он вешает трубку. Пытаюсь определить его номер, но он незарегистрирован. Я поднимаюсь наверх, захожу в спальню и, не включая свет, залезаю в кровать и накрываюсь с головой одеялом.

***

Каждую секунду понедельника я мысленно готовилась к следующему шагу. Когда мисс Хардвик уронила на пол маркер, я подпрыгнула почти до потолка. Она даже спросила в порядке ли я.

— В порядке.

Ну, если не считать того, что моя жизнь будет вот-вот погублена.

Во время ланча Грег, не прекращая, рассказывает о выходных в Чандлере, умалчивая о субботней вечеринке. Хаксли и Стив угрюмо смотрят в свои тарелки. Очень мило, что они так заботятся о чувствах друг друга.

Наконец, этот длинный день подходит к концу. Прежде чем начать переодеваться на репетицию, я отвожу Хаксли в сторону. Усаживаю ее на скамейку в месте, где нас не прервут. Мне нужно поговорить с ней наедине.

— Ты уже говорила со Стивом насчет выходных?

— Нет. Он не хочет. А это значит, что он отлично провел время, возможно, с одной из тех блондинок. — Хаксли прячет лицо в ладонях.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Но обещай, что не выдашь меня.

Она с надеждой смотрит на меня.

— Обещаю.

И потому что мы такие «хорошие» друзья я доверяю ей свою тайну.

— Я подслушала разговор Стива и тренера не так давно. Стив не может позволить себе Вермилион, а стипендию они не предлагают.

Думаю, о моем походе в мужскую раздевалку рассказывать глупо.

— Он никогда не говорил мне об этом, — говорит она.

— Вероятно, только это его останавливает. А Университет Чандлер, скорее всего, предлагает ему полное обеспечение.

Я вижу, как в голове Хаксли начинают крутиться колесики.

— Ты думаешь, именно поэтому? Не из-за футбола?

— Да, он собирается туда, потому что может себе это позволить. Ему не нужен футбол. Ему нужна ты, — говорю я. Ложь, хотя и частичная, заставляет меня чувствовать себя мерзко. В груди что-то сжимается. — Он любит тебя, Хаксли.

— Мои родители могли бы без проблем заплатить за него. Хотя, Стив никогда на это не согласится.

— Только если ему самому придется просить.

Хаксли обдумывает идею, стуча пальцами по коленке.

— Если Стив уедет в Университет Чандлер, то ты знаешь, что произойдет с вашими отношениями. Ты этого хочешь? — я умолкаю. Не стоит слишком сильно на нее давить.

Несколько минут мы сидим в тишине, а потом Хаксли смотрит на меня и улыбка расплывается на ее лице.

— Стив любит сюрпризы, — говорит она. — Спасибо, что рассказала.

Желчь поднимается к горлу, но я успеваю вымолвить:

— Для чего же еще нужны друзья?

34

У меня больше нет времени. Вся грязная работа должна быть закончена сегодня. Я чувствую себя очень неуверенно.

Вечером у нас выступление.

— Надо бы поговорить с директором. Почему он разрешил вам так одеться? — мама пристально осматривает мой костюм, больше подходящий стриптизерше. Согласна, этот наряд просто оскорбление феминизму, но я очень хорошо в нем смотрюсь.

— Так и должно быть, иначе мы не сможем двигаться, — говорю я, сооружая пучок на голове и обильно сбрызгивая его лаком для волос.

— Должна признаться, тебе идет.

— Спасибо, мам.

По пути вниз, мы проходим мимо комнаты Дианы. Дверь закрыта, но я слышу, как кто-то смеется в телевизоре. Теперь она уже не сидит на троне в гостиной. Дом для нее, как отель, а я — просто случайный постоялец.

Мама стучит в ее дверь.

— Диана, мы едем посмотреть на выступление Бекки. Ты с нами?

Мы обмениваемся безнадежными взглядами. Подходит отец и показывает на время. Мама еще раз стучит в дверь.

— Буду через секунду! — кричит Диана.

— Я переживаю, — говорит отец. Он всегда немного не в курсе событий.

— Должно быть, это из-за того, что свадьба Санкреша все ближе, — отвечает мама.

— А ты когда-нибудь замечала, что между Дианой и Санкрешем не все ладно?

Улыбка сползает с лица мамы, и она становится очень серьезной.

— Ни одна пара не идеальна, — я чувствую в ее голосе легкую горечь. Интересно, подозревали ли родители об этом, когда резервировали церковь.

— Почему тогда вы не попытались их остановить? — спрашиваю я, начиная злиться. Неужели они предполагали, что это произойдет? Почему я ни о чем не знала?

— Мы не могли, — говорит мама.

— Не переживай. Она справится, — говорит отец, ничего не смысля в том, как думают девушки.

— А если нет? — спрашивает мама. — Что если она такой и останется?

— Одинокой? — спрашиваю я. — Уж лучше быть одной, но счастливой, чем замужней, но жалкой.

— Но ведь она несчастлива.

Распахивается дверь, и появляется Диана в помятой одежде.

— Все не может перестать меня обсуждать? Я готова.

***

Спортивный зал заполнен студентами и их родителями, выискивающими друзей и свободные места. Я дала строгие инструкции родителям, где сидеть, чтобы хорошо видеть меня. Надеюсь, они это запомнили.

Адреналин так и бурлит во мне. Я замечаю, как на пятом ряду занимают места Вал с Эзра. И пристально смотрю на нее, надеясь, что Вал почувствует мой взгляд, но она не смотрит. Они с Эзра ласкают друг друга откровенными взглядами. Пытаясь доказать, как я не права, они, несомненно, сблизились еще больше.

Хаксли кидает на лавочку в раздевалке сумку, набитую «Пикси Стикс».

— Давайте-ка повысим тонус. Я хочу, чтобы вы выложились на все сто, — говорит Хаксли.

Девчонки набрасываются на сладости.

Они разрывают пакетики и высыпают сладкий порошок прямо в рот. Некоторые натирают им десна и зубы. Я решаю воздержаться. Не хочу перегореть до того, как выйду на сцену.

— Ребекка, — Хаксли хлопает меня по плечу. Спереди ее костюм украшен синими блестящими полосами, чтобы зрители знали, что она — капитан. Хотя большинство из них и так в курсе. — Что бы ни произошло сегодня, я хочу, чтобы ты знала, что превзошла все мои ожидания.

Я краснею от такого комплимента. И на секунду, я забываю о том, зачем вступила в СТА.

— Ну что, Стив готов к своему кинодебюту?

— Не знаю. Мы расстались, — она произносит эти слова с молниеносной скоростью.

Такое ощущение, будто меня ударили под дых. Странно, ведь я сама все это спланировала. Наконец-то! Свобода от мистера Тауне, Хаксли, Стива и их влияния в Ашлэнде! Свобода от работы! Но почему-то мне совсем не весело.

Я натягиваю на себя маску «огорченной лучшей подруги».

— Мне так жаль, Хаксли.

— Стив плохо воспринял помощь от моих родителей. Если бы он хотел быть со мной, ему было бы наплевать на деньги, — Хаксли пожимает плечами. — Эти парни со своей гордостью...

Она рассказывает об этом так, словно читает мне математическую задачу. Как можно быть такой спокойной?

— Ты уже кому-нибудь рассказала? — спрашиваю я.

— Они и сами скоро обо всем узнают.

— Узнают о чем? — спрашивает неслышно подошедшая Рейган. Она подпрыгивает на месте.

— Что у нашей команды лучшей номер во всей программе!

Хаксли встает на лавочку и свистит, чтобы привлечь внимание.

— Девочки, настал наш час! Вы готовы?!

Все кричат. Я тоже пытаюсь заставить свой рот шевелиться.

— Я вас не слышу! Еще раз, вы готовы порвать зал?

Девчонки кричат еще громче, так, что мои барабанные перепонки готовы лопнуть. Они выбегают в зал, и толпа приветствует их овациями.

Я тяну Хаксли обратно в раздевалку.

— Ты в порядке? Если нужно поговорить, то...

— Время танцевать!

Я замечаю крошечные трещинки на ее маске спокойствия. Но она быстро берет себя в руки. Она должна.

Она — капитан.

Вечер проходит как в тумане. Вот девушки, танцующие передо мной, вот я аплодирую каким-то номерам... Но сама я не здесь, где-то далеко.

Повторяю себе вновь и вновь, что Хаксли справится. Просто им со Стивом не суждено быть вместе, иначе они бы не расстались. Все пройдет, мне больше никогда не придется делать ничего подобного. По крайней мере, именно это я и повторяю про себя снова и снова.

Перед тем, как начинается наш номер, включают видео со Стивом и Хаксли. Эзра мастерски его отредактировал. Они выглядят так романтично и смешно. И публика реагирует как надо.

Я перевожу взгляд на Хаксли. Девушки из команды тоже смотрят в ожидании ее реакции. Она не разочаровывает. Хаксли ослепительно улыбается. Только я вижу, сколько сил она прилагает, чтобы удержать эту улыбку. Стива сегодня нет в зале, поэтому уже сегодня начнут что-то подозревать. Завтра его друзья будут знать о разрыве. Они расскажут своим друзьям и девушкам, а те распространят эту информацию всем, кого знают. Такие сплетни не держат в себе. К понедельнику половина школы будет в курсе. Если ты не услышал эту новость на выходных, то ты не популярен. Но не волнуйся. История быстро разнесется по школе еще до конца шестого урока. Во время ланча каждый учащийся будет искоса поглядывать на столик Хаксли и Стива. Кто из них переседет за другой столик?

Девчонки во время уроков будут изучать Хаксли. Если она будет проходить мимо какой-нибудь группки, и они замолкнут, Хаксли будет знать почему. Ей придется с этим сталкиваться по двадцать раз в день. Большинство будет винить в разрыве ее; так всегда. Во всем виноваты девушки. Ее будут обзывать шлюхой и сукой. По коридорам станут разносить лживые слухи и фальшивые истории. А Хаксли... ей придется при всем при этом сохранять на своем лице дурацкую лживую улыбку.

Фильм заканчивается на том, что Стив неожиданно начинает кружить Хаксли. Они запечатлены в тот интимный момент, когда оба излучают чистое, ничем еще не запятнанное, искреннее счастье.

Именно тогда, стоя под баскетбольным кольцом в своем облегающем костюме с щеткой для керлинга в руке, я начинаю плакать.

35

В утро понедельника все было именно так, как я и предполагала. Немного обидно, что люди настолько предсказуемые. Хотя, кто я такая, чтобы судить?

Я угрюмо иду по коридору мимо классов по естественным наукам, игнорируя вонь от препарированных лягушек. Возле шкафчиков, группа первогодок что-то активно обсуждает. Угадайте, что?

— Я слышал, она порвала с ним, потому что он не богат. Она даже предлагала заплатить за его учебу в колледже.

— Это отстой. Она, наверное, платила ему все это время, чтобы он с ней встречался.

— Меня бы это совсем не удивило. Она превратила его в марионетку.

— Она крепко держала его за задницу. Больная сука!

— Вы когда-нибудь заткнетесь? — я хлопаю дверью шкафчика. Впервые за все время учебы, я пользуюсь своим общественным статусом. — Вы что, действительно думаете, что знаете правду? Да вы, скорее всего, слышали ее из пятых рук. А все потому, что вы не достаточно популярны, чтобы кто-то рассказал вам обо всем из первых уст.

— Ну а что же случилось на самом деле?

— Ага, вот взяла и все вам преподнесла на блюдечке с белой каемочкой.

Я практически сбиваю с ног одного из них, забрасывая рюкзак за плечо.

Я направляюсь на первый урок, но возле класса меня накрывает паника. На двери висит фотография.

МОЯ.

В полном облачении. Маска, красная мантия выпускника, черный фон. Вот она я, и весь Ашлэнд меня видит. Под снимком большими, черными буквами выведено: «Кто же этот специалист по разрывам?».

И такие листовки висят на каждой двери в коридоре.

***

Листовки развешены на всех дверях в коридоре. Во всех коридорах. И я не могу их снять. Это будет равносильно признанию. Это явно не работа мистера Тауне. Я уже рассказала ему о Хаксли и Стиве. К тому же, он не столь коварен.

Первую половину дня я провела не поднимая головы. Все должны поверить в мое

глубокое огорчение произошедшим между Хаксли и Стивом или что я никак не могу налюбоваться на свои туфли. Я наблюдаю за тем, как одноклассники внимательно изучают листовки перед четвертым уроком. Мисс Хардвик присоединяется к группе девчонок.

— Слышала, именно она стоит за расставанием Хаксли и Стива, — говорит мисс Хардвик. — Определенно. Слишком все сходится.

— Мы тоже так думаем, — говорит одна из учениц.

Звонок извещает о начале урока, а Хаксли все еще не пришла. Я думала, что она все-таки появится сегодня в школе, но нет... даже Хаксли не может пережить сплетни с грацией и достоинством. Акции ее общественного статуса сейчас стремительно падают.

Я раскрываю «Беовульфу», закрывая книгой лицо. Интересно, Бари вывесила листовки, чтобы намекнуть на мою причастность к разрыву Хаксли и Стива? Или это просто чертово совпадение? Я рассчитываю на невнимательность своих одноклассников. Они никогда не станут подозревать меня. Девушка, которая является *для всех* пустым местом, никогда не станет делать ничего подобного. Новости в Ашлэнде похожи на пищеварительное отравление: первые двадцать четыре часа — самые ужасные, а потом все постепенно проходит. Просто нужно пережить сегодняшний день и молиться, чтобы завтра одна из девчонок пришла в школу беременная.

Вот и время ланча. Я намереваюсь набрать еды и скрыться в библиотеке. Бегу в кафетерий, но тут меня за руку дергает Хаксли.

— Привет, подожди. — На ее лице ни следа слез, но нет и обычного сияния. Она выглядит измученной.

— Ты пришла.

— Да, немного опоздала. Думаю, у меня для этого есть достаточно уважительная причина.

— Как ты?

— Нормально.

Ни одна из нас, естественно, в это не верит. Я смотрю на нее, нахмутив брови.

— Чувствую себя ужасно.

Студенты, спешащие на ланч, таращатся на нас. Так и хочется зашипеть на них.

— Такое ощущение, что я потеряла частичку себя, — тихо, но твердо говорит она, зная, что не стоит устраивать шоу на публике.

— Тебе станет легче.

— Не думаю, — говорит она и смотрит на фотографию Стива и себя, выставленную на стенде с трофеями. Но ей закрывает обзор листовка, приклеенная к стеклу скотчем. Она бегло просматривает содержание, сконцентрировав внимание на фотографии и заголовке.

Потом переводит взгляд на меня.

Я вижу, как крутятся колесики у нее в голове. Мой позвоночник каменеет, и я не могу сдвинуться с места.

Она смеется, почти на грани истерики.

— Что смешного? — спрашиваю я.

— Некоторым стоит заняться своей жизнью. — Не уверена, кого она имеет в виду: специалиста по разрывам или тех, кто его разыскивает. Хаксли же продолжает говорить. — Не против, перекусить сегодня в моей машине? Можно послушать радио.

— Звучит отлично.

Но она уже не слушает меня, а снова смотрит на листовку. Хаксли срывает ее со стекла

и держит в миллиметре от своего лица.

— Золотые пуанты, — говорит она, показывая мне на них. — Видишь, вот они. Черная простыня закрывает зеркало, но не полностью. Внизу можно увидеть отражение золотых пуантов. Те, что нам вручила Фрэнсис Глори.

Хаксли резко поднимает голову.

В ее голове что-то кликнуло.

Она в замешательстве, нет... в шоке, смотрит на меня.

— Ребекка?

— Мне так жаль. — Это все, что я могу сказать. Уже и так достаточно лжи. Я не могу снова обманывать.

— Это...? Но ты...

— Ответ «да» на все.

— Ты разбиваешь пары? — она смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Потом что-то опять кликает. — Стив и я...?

Я киваю. Знала, что этот день все-таки настанет. Только я думала, что буду зла потому, что меня поймали, а не на свои действия.

— Это произошло до того, как мы снова стали подругами. А потом... я просто не могла выйти из игры... — я замолкаю на полуслове, понимая, что это жалкая попытка оправдаться.

— Но зачем ты вообще этим занимаешься? Зачемрываешь отношения? Это ненормально. Ты больна.

Сейчас, глядя в лицо жертве, мои причины кажутся надуманными, однако изначально они были достаточно вескими.

— Ты и представить себе не можешь, каково быть одиночкой в этой школе.

— В этом винить нужно только саму себя. Помню, как ты исходила ядом, когда я начала встречаться со Стивом.

— Заткнись, Хаксли. — Мне надоело, разговаривать с людьми, которые думают, что все знают лучше всех. — Мне было наплевать на твоего парня. Но ты... ты отвернулась от меня, а потом начала относиться ко мне как к дерьму.

— Но я извинилась! Даже подарила тебе косметику. И вот как ты мне отплатила? — она поднимает листовку. Вокруг нас собирается толпа, но я уже не могу сдерживаться. Эти слова ждали своего часа четыре года.

— Я стала специалистом по разрывам из-за девушек, подобных тебе. Девушек, которые относятся к одиночкам так, будто у них неоперабельная опухоль головного мозга!

— Ты сама в этом виновата, — говорит Хаксли. Да, где-то она, конечно, права, но это не оправдывает ее. Хаксли комкает листовку и бросает мне под ноги. — Я верну Стива. Я люблю его.

— Что происходит? — Бари делает шаг вперед.

Хаксли подносит листовку к моему лицу, чтобы все видели.

— Я нашла специалиста по разрывам.

Только теперь я замечаю, что не слышно ни звука. Вообще. Как будто толпа смотрит реально интересный фильм (фильм... Эзра... черт) и настолько увлечена, что никто даже не моргает.

— Ты специалист по разрывам? — Бари подходит ближе, ее светлые корни волос уже отросли до плеч, она больше не красит их.

— Так точно, — говорит Хаксли.

— Мне жаль, — произношу я еле слышно.

— Нет, тебе жаль, что тебя поймали, — говорит Бари. — Сколько пар ты разбила? И ради чего? Ради своего удовольствия? — она указывает на скомканную листовку. — Ты чокнутая!

Она прижимает меня к трофейному стенду, готовая вот-вот взорваться.

Калиста отступает поглубже в толпу, избегая взгляда в мою сторону.

— Как ты могла встать между мной и Дерекком. Что мы тебе такого сделали? — спрашивает Бари.

— А почему бы тебе не поинтересоваться у своей подруги? — говорю я, указывая взглядом на ее бывшую лучшую подругу. — Меня, вообще-то, *нанимают* на работу.

Бари поворачивает голову и смотрит на краснеющую Калисту. Конечно, не следовало бы выдавать своих клиентов, но она первая начала.

— О чем ты говоришь? — говорит Бари в миллиметре от моего лица.

— Неужели быть с Дерекком того стоило? Тебе хотя бы нравилось быть брюнеткой?

Я чувствую запах пота, исходящий от нее. Она так сильно хочет меня ударить, что даже вспотела. И я в ужасе. Я с легкостью могу вести закулисную борьбу, но не реальную.

— Лучше так, чем быть как ты, — говорит она.

Сердце бьется все сильнее, готовое выпрыгнуть наружу. Страх в каждой клеточке моего тела.

— Оставь ее!

Вал отталкивает Бари от меня и закрывает спиной от всей школы. Ее волосы хлещут меня по лицу, но это предпочтительнее кулака Бари.

— Она не специалист по разрывам. Прекратите ее пытаться, — говорит Вал.

— Она уже призналась, — говорит Бари.

Вал оборачивается, и я вижу, как ее мир рушится.

— Бекка?

Я молчу. Что я могу еще сказать, кроме правды? Это все равно не поможет.

— Думаю, вы не поняли друг друга. Она моя подруга. Она бы не стала этого делать — Вал защищает меня перед всей школой, но это бесполезно. Что я могу сказать в свое оправдание? Я хотела помогать людям, но в действительности помогала им мстить и делать других несчастными.

— Ты так в этом уверена? — спрашивает ее Хаксли.

— Да, уверена! — говорит Вал с абсолютной убежденностью.

— Почему бы тебе не спросить ее, чем она занималась с Эзра?

Каждый учащийся в коридоре пристально смотрит на меня, как загипнотизированный. Будто я машина, перевернувшаяся на трассе, а они ждут утечки газа или взрыва.

Вал поворачивается ко мне. Колеблется, но потом спрашивает:

— О чем она говорит?

Я закрываю глаза.

— Бекка, о чем она говорит?

— Насколько мне известно, Ребекка ужасно сблизилась с твоим парнем. Слишком сблизилась.

Вал с болью и ужасом смотрит на меня. Она выглядит такой незащищенной.

— О, так ты не только разлучница, *но и* предательница! — говорит Бари. — Ты случайно не убивала сирот в последнее время?

Я зажимаю глаза настолько сильно, насколько это возможно.

— Ребекка, ты мне отвратительна. Сколько ни в чем не повинных пар ты разбила просто для того, чтобы почувствовать себя всемогущей?

— Ненавижу тебя, — всхлипывая, говорит Вал.

Я открываю глаза. Пелена слез застилает мои глаза. Я стою, вдавленная в стенд с трофеями, и не могу пошевелиться.

— Что здесь происходит? — мисс Хардвик протискивается через толпу. Бари поворачивается к ней и вот он... мой шанс.

Я вырываюсь из ее хватки и несусь по коридору, не обращая внимания на то, что меня зовут. Слезы ручьем стекают по моим щекам. Я выбегаю на улицу, лечу к парковке, сажусь в машину и уезжаю.

36

Следующие два дня я провела дома. В первый убедила маму, что у меня жуткая простуда. В тот вечер я позвонила Вал домой и практически умоляла ее маму соединить меня с ней. К моему удивлению, Вал не стала вешать трубку.

— Привет?

— Привет, — отвечаю я, завершая тем самым самое неловкое приветствие в мире. Вал молчит. Мне придется начать. Все-таки все произошло по моей вине.

— Мне жаль, — говорю я.

— Жаль, что ты поцеловала Эзра? — Я знала, это будет не так легко.

— Жаль, что потеряла лучшую подругу. — Меня просто разрывает на части понимание того, что это произошло.

— Мы все еще вместе. Даже ты, подкатывая к нему, не смогла нас разлучить.

— Что? Подкатывая к нему? — Я действительно первая поцеловала его. Но что насчет записок, камешков в окно? Да, Эзра стоило бы читать лекции по историческому ревизионизму. — Все не так, Вал. Я могу объяснить.

— Конечно, — говорит она настолько холодно, словно член культа. — Ведь ты такая хорошая подруга.

Она полностью зомбирована.

— Эзра пригласил меня на «Звездный Круиз» в пятницу вечером, чтобы отпраздновать наши отношения. Теперь они даже крепче, чем пр...

Я вешаю трубку.

***

К началу второго дня, я получила огромное количество злобных писем и телефонных звонков от одноклассников. В обмен на то, что пролью свет на свою работу в качестве специалиста по разрывам, мама позвонила в школу и сказала, что у меня ангина. Ей, должно быть, хочется накричать на меня, но к ее чести, она внимательно слушает, пряча свое разочарование и пытаясь не осуждать. Поэтому я начинаю рассказывать ей и об Эзра с Вал. Мама не издает ни звука. Жаль, я не знала, что она такой хороший слушатель. Иначе со своими вопросами я бы пришла к ней, а не к Диане.

На третий день, я завтракаю хлопьями в два часа дня. Проливаю немного молока с

ложки на свитер, но мне безразлично. Из примерочной выходит мама и разминает руки, которые сводит от шитья, после первого же дня общения с требовательным клиентом. И все только для того, чтобы у меня была хорошая, обустроенная жизнь. Жизнь, которую я только что разрушила. Просто лучшая дочь года.

— Думаю, в понедельник тебе нужно вернуться в школу, — говорит она.

Как только я думаю о школе, мой желудок сводит. Лицо Хаксли. Лицо Бари. Я прокручиваю в голове, как они смотрят на меня, готовые наброситься. Вал. Не могу даже себе представить ее лицо.

— Знаю, ты напугана, но нельзя навсегда остаться дома.

— Я могла бы обучаться на дому.

Мама сметает со стола крошки в ладонь, а потом стряхивает их в раковину.

— Дорогая, я очень ценю, что ты мне открылась. Выслушав, я сделала только часть работы. А теперь хочу обсудить с тобой, почему ты решила стать специалистом по разрывам.

Я опускаю ложку в тарелку с хлопьями. Я знала, что этот момент наступит, но все бесполезно. Она не поймет почему. Не поймет, потому что как раз находится в тех отношениях, которые я бы взялась расстроить. Она — Вал через тридцать лет.

— Это сложно.

— Помню, как тяжело мне было в старших классах. Я самая последняя среди подруг начала встречаться с парнями...

— Мама, речь не об этом! — Ну конечно, все всегда должно сводиться к одиночеству. Ведь это единственное логическое объяснение тому, что делают девушки, не так ли?

Она накрывает мою руку своей ладонью и смотрит в глаза.

— Мне никогда не везло с парнями.

— Мама, прекрати.

— Но когда я встретила твоего отца, то сразу поняла почему ничего не получалась с остальными лузерами.

— Нет! Не правда! Не надо меня кормить сказочками об ухаживаниях. Ты была одинока, отец был одинок. Вы примерно одного социального положения, хотели иметь детей и жить в пригороде. Конец. Никакой любви.

Мама застывает. Она пытается спокойно отнестись к этим словам, но я вижу, как глубоко обидела женщину, которая выносила и родила меня.

— Ты думаешь, что твой папа и я не любим друг друга?

В ее устах это звучит по-другому, как-то серьезнее.

— Вы хорошо относитесь друг к другу.

— Но не любим? — Она не верит своим ушам, и это озадачивает меня. Они что, не замечали, как себя ведут?

— Вы никогда не целуетесь. Папа изредка чмокает тебя в лоб, и на этом все. — Я съеживаюсь при мысли о целующихся родителях, как парочки в школе. Какая гадость!

— Когда мы встречались, наши друзья называли нас самой романтичной парой.

— Серьезно? Сейчас вы больше похожи на брата с сестрой.

— Мы с твоим папой очень любим друг друга. Просто после двадцати шести лет брака, любовь становится другой. — Мама берет тряпку с раковины и вытирает столешницу. Она всегда старается, чтобы все хорошо выглядело, начиная от платьев невест и заканчивая столешницей.

— Вы даже никуда не ходили на свою годовщину.

— У нас было много замечательных годовщин. Но теперь они стали просто скучными и дорогими. Твой папа мог бы пригласить меня в самый лучший ресторан на Манхэттене, а потом на какой-нибудь спектакль. Но мы оба целый день работали. Я знаю, как сильно он любит фильмы о войне. А он знает, что «Брунелло» — мой любимый ресторан, готовит еду на вынос. Поэтому мы расслаблялись на диване, поедая куриную отбивную и смотря «Иран-контрас». Мы отлично отпраздновали годовщину. Знаю, сейчас тебе это трудно понять. Я уверена, парочки в школе ведут себя совсем иначе. Но это и есть любовь.

— Как-то скучно.

— Добро пожаловать в реальный мир. После того, как эйфория первых свиданий и романтических жестов испаряется, а в конечном итоге так происходит всегда, ты остаешься с тем человеком, которого хочешь видеть каждый день.

— С отцом?

— Именно. — Мама вытирает молоко с моего свитера.

Может, она права. Я вспоминаю обо всех скучных моментах жизни родителей, о том, что они знают малейшие детали друг о друге, даже не задумываясь. Они ведут себя естественно. Им не надо доказывать всему миру, что они влюблены, используя гигантские мягкие игрушки и показушные выступления.

— Ты читала новости? — Она берет газету со столешницы. — Стив Оверлэнд получил полную стипендию в Университете Чандлер. У них с тренером даже была пресс-конференция.

Мама показывает мне статью. Я выплевываю хлопья на стол. Я узнаю тренера. Да и как можно не узнать это мальчишеское личико и искрящиеся голубые глаза? По телу пробегает озноб. Все, кроме имени, мне в нем знакомо.

***

Я сжимаю телефон в руке и закрываю дверь.

— Приветствую Вас. Университет Спорта Чандлер, — говорит секретарь.

— Соедините меня с тренером Лэхемом, пожалуйста.

— Лэхем у телефона, — говорит он в трубку.

— Здравствуйте, мистер Тауне. — Я пытаюсь сделать так, чтобы мой голос звучал угрожающе, но он только смеется.

— Отличная работа, мисс Вильямсон.

— Вы ведь не дядя Стива, не так ли?

— О, ты меня поймала.

— У семьи Стива никогда не было проблем с Хаксли. Вы просто хотели, чтобы она исчезла из его жизни, и он мог играть в футбол за ваш второсортный университет, — Я качаю головой, шокированная своей тупостью. — Вы мне солгали.

— Ты собираешься читать мне мораль? Ты? Та, кто разбивает пары за деньги.

— Я думала, что помогаю его семье.

Я не настолько корыстна. Мне всегда нужны были веские причины, чтобы взяться за работу. Но достаточно веские ли они были?

— Уверен, ты помогла. Они не хотели, чтобы их сын чахнул в никчемном колледже из-за своей любящей все контролировать подружки.

— Лучше так, чем подлый тренер, — мой голос отскакивает от стен. Меня начинает

подташнивать. Нужно сесть.

— Я сказал то, что тебе нужно было знать для выполнения работы. Ты бы видела Стива. Никогда не видел его таким счастливым. Ты все правильно сделала.

Я думаю о Хаксли. Сомневаюсь, что она счастлива. И для чего все это? Для того чтобы тренер Лэхем получил приличную рождественскую премию?

— Он уже был счастлив, со своей девушкой.

— Ты в этом уверена? Когда я разговаривал с ним на пресс-конференции, все было совсем не так. Если бы они действительно любили друг друга, — при мысли об этом он смеется, — то были бы до сих пор вместе.

Думаю, ни одни отношения не пережили бы всю ту ложь и манипулирование, что я использовала. Что было бы, если бы я не вмешалась? Что было бы со всеми другими парами?

— Я собираюсь обо всем рассказать, — говорю я.

— Да кто тебе поверит? Ты общалась с мистером Тауне.

— Я тоже могу отследить ваш IP-адрес.

— На твоём месте, я бы держал рот на замке, — он понижает голос и меня пробирает дрожь. Это был совсем не дружеский совет. — Тебе же будет хуже. Никто не оценит то, чем ты занималась после школы.

— Они и так уже знают.

— Ну, это пока не конец света, — говорит он. — Поверь мне. Ты не захочешь, чтобы эта история вышла за стены школы и стала сенсацией. Если тебе повезет, возможно, ты и раскроешь меня. Но у меня, может, не звездный, но отличный послужной список. Если меня отсюда уволят, то возьмут в другой колледж. Первая же победа сезона сделает историю древним прошлым. Но тебя...

Я с трудом сглатываю и сильнее прижимаю телефон к уху.

— Тебя эта история будет преследовать всегда. При поступлении в колледж, во время интервью на работу, в отношениях и так бесконечно. Везде. Ты хочешь, чтобы именно это люди узнавали о тебе в первую очередь? Ты готова быть известной как специалист по разрывам до конца жизни?

Я пытаюсь оставаться сильной и непоколебимой, но по щекам начинают струиться слезы. Мне хочется накричать на него, сказать, что он неправ и что не могу дождаться момента, когда выведу его на чистую воду. Но, к сожалению, он прав.

— Забудь об этом, Ребекка. Это всего лишь старшая школа.

37

Три дня я провела в сонном состоянии, но в субботу утром неожиданно проснулась в семь тридцать утра. Так что решила проверить Фейсбук и бегло почитать все, что обо мне говорят люди. М-да, у моих одноклассников довольно скудный словарный запас, однако они очень хорошо его используют. Вижу обновление от Эйми. Она вывесила на стену свою фотографию, где держит на руках младенца, своего сына. Он выглядит таким спокойным, крохотным, меньше арбуза. Никогда особо не любила детей, но умиляюсь от вида его больших глаз и крошечных пальчиков. Интересно, у меня когда-нибудь будет подруга, которую я буду знать так долго, что увижу, как она станет матерью. Возможно, Вал именно она.

Это не та информация, от которой можно просто отмахнуться.

Без стука захожу в комнату Дианы. Она валяется на кровати как труп.

— Подъем, — шлепаю ее по ногам под одеялом.

— Что? Бекка, что случилось?

— Мы собираемся в небольшое путешествие.

— Куда?

— Не могу пока тебе сказать. Одевайся. И покрасивее.

— Я — пас. — Она обратно падает на кровать.

Я стягиваю одеяло. Диана пытается удержать его, но я сильнее.

— Жду тебя внизу через полчаса.

— Нет!

***

Я проезжаю мимо бесконечных магазинчиков и универмагов вдоль трассы номер четыре. На дороге совсем немного машин. Да и кто в здравом уме будет куда-то ехать в восемь тридцать субботним утром? Как только мы подъезжаем к мосту Джорджа Вашингтона, Диана снова спрашивает, куда мы направляемся.

Я поворачиваюсь к ней с хитрой улыбкой на лице.

— Мы собираемся навестить Генри Уолтера.

— Кого?

— Новорожденного сына Эйми.

Диана моментально выходит из ступора.

— Она уже родила? — Ей грустно от того, что я узнала об этом первой. Но, что посеешь, то и пожнешь. — Вероятно, она еще спит.

— Дети спят каждые два часа. Уверена, она бодрствует.

— Бекка, пожалуйста, давай повернем назад.

— Почему?

— Потому что я не хочу туда ехать.

Каким-то образом мы умудряемся попасть в пробку. В восемь тридцать утра в субботу! Ползем мимо сомнительного мотеля, который, вероятно, был свидетелем миллион интрижек. Во мне скапливается раздражение, готовое вот-вот выплеснуться на Диану. Но я пытаюсь сдержать его, вызывая в голове образ маленького Генри Уолтера.

— Ты ревнуешь! И злишься!

— Не поняла? — говорит Диана.

— Я твоя сестра. Если ты не можешь сказать это мне, то тогда кому еще? Именно поэтому ты обрубила все связи с друзьями.

— Я ничего не обрубала. Твои слова очень жестоки.

— Но это правда.

— Так нечестно, — говорит Диана, и я рада, что она не пытается спорить со мной. Слова с легкостью вылетают из нее. Интересно, как давно она хотела их высказать. — Если бы не я, они бы никогда не встретили своих мужей. И я тоже почти вышла замуж.

— Почти, но не вышла, — мне приходится быть грубой. — Ты должна двигаться дальше, иначе у тебя не будет другого шанса в будущем.

Диана откидывается на сиденье и тяжело вздыхает.

— Неужели это будет преследовать меня всю жизнь? Диана Вильямсон, девушка,

которую кинули в день свадьбы. Ах да, еще она излечилась от рака. Но важнее всего то, что ее бросили.

— Только если ты позволишь. Ты заморозила то время и продолжаешь в нем жить. То, что случилось, конечно, ужасно, но ты не можешь позволить этому разрушить свою жизнь.

— Когда ты стала такой рассудительной?

— Как только меня стала преследовать вся школа, — отшучиваюсь я. Вся эта ерунда уже не кажется такой уж важной. Пробка рассасывается, и я вижу стальные арки моста Джорджа Вашингтона.

— Так зачем ты тащишь меня посмотреть на этого ребенка?

— Потому что ты счастливица. Несмотря ни на что, у тебя есть три человека, которые пока еще хотят быть твоими подругами. — Я думаю о Вал и о том, как пуста моя жизнь сейчас. Жаль, я не понимала этого раньше. — Они тебя любят. И ты не хочешь их потерять. Только не из-за какого-то тупого парня.

Диана нежно касается моего плеча.

— Спасибо. — А затем начинает вытирать нос об мой рукав.

***

Когда мы, наконец, добираемся до квартиры Эйми и Билла, Диана приносит кучу извинений. Они зовут Мариан и Эрин и заливаются слезами. Конечно, та крепкая дружба не восстановится за один вечер, но я ощущаю положительный настрой, который исходит от Дианы. И уже могу видеть под ее нынешним образом ту девушку, которая свела вместе три пары.

— Два-ноль, хочешь поддержать малыша? — спрашивает Эйми.

Я нервничаю от того, что беру на себя ответственность за жизнь человека, но это не то предложение, от которого откажется нормальный человек. Поэтому я протягиваю руки.

— Таким образом, Генри теперь будет три-ноль?

— Три-ноль. А мне нравится, — говорит Диана.

— Ой, подожди, — выпаливает Билл. Он куда-то бежит и приносит маленькую бутылочку с дезинфицирующим средством. — Для ребенка, Бекка.

Я выдавливаю немного жидкости, растираю, а потом замираю, смотря на бутылочку немного дольше, чем следует. В голове начинают крутиться колесики, и теперь я знаю, что должна все исправить.

— Что-то не так? — спрашивает Эйми.

— Нет. — Она вручает мне Генри. Вблизи он еще лучше. Я совсем не знаю этого ребенка, но уже влюблена в него.

— Ну как ты? — спрашивает Диана.

— Нормально, — говорю я. — Эй, давай остановимся возле магазина по дороге домой. У меня есть план.

— Хорошо. Но какой?

— Как свести Стива и Хаксли.

Стива и Хаксли своим универсальным ключом. После этого я собираюсь выбросить ключ в мусорную корзину, однако все же решаю оставить. На память.

К тому же... ничего невозможно предугадать.

Следующая остановка — комната для хранения реквизита драматического дружка. Меня немного потряхивает от отвращения, ведь это обитель Эзра. Я вспоминаю парочку актеров, которую я разбила в прошлом году. Все, что от меня потребовалось, так это опубликовать в сети плохие отзывы для одного и восхваляющие для другого, а остальное сделали зависть и театральность. Выдергиваю из-под груды хлама причудливую плетеную скамейку, просто идеально подходящую для старомодного сада, и тащу ее к нашей новой телевизионной студии.

Ставлю ее лицом к новой, еще сверкающей камере. Подвигаю поближе невысокий столик и ставлю на него CD проигрыватель и две баночки кока-колы. Надеюсь, что они не нагреются и не выдохнутся к обеду. Отхожу подальше и осматриваю получившуюся обстановку. Никогда еще я не была так горда своим планом.

Весь ланч провожу в аппаратной, постоянно проверяя время и отчаянно желая силой мысли сдвинуть стрелки часов. Но я не могу. Поэтому приходится ждать.

Ровно в полдень, в студию заглядывает Стив. Я прячусь за пультом управления, напичканного всякими кнопками и рычажками. Стив внимательно осматривает лавочку, буквально инспектируя ее. Мне так и хочется сказать, что *это просто лавочка*. Наконец, он понимает, что к ней не подведен электрический ток, и она не взорвется, он решается сесть. Нажимает на кнопку воспроизведения проигрывателя, как и указано в записке. Из колонок раздаются первые медленные аккорды «Bittersweet Symphony».

— Привет, — говорит Хаксли, стоя у входа.

Мое дыхание учащается и мне становится интересно, как чувствует себя Стив. Они отлично смотрятся вместе. Некоторые люди просто рождены друг для друга.

Стив встает, чтобы поприветствовать ее.

— Привет.

— Все как будто специально устроено, — говорит она, осматривая обстановку.

— Знаю.

— Я и забыла, что ты знаешь код от моего шкафчика.

— А ты — мой, — говорит он.

Хаксли подходит ближе, но не садится на лавочку. Они еще какое-то время осматриваются. Баночки кока-колы, приглушенный синий свет.

— Сколько времени у тебя ушло, чтобы сделать все это? — спрашивает он ее.

— У меня? Разве это не ты?

— Нет.

— Это не ты положил бутылочку с ополаскивателем для полости рта и записку в мой шкафчик? — спрашивает она, доставая доказательства из кармана.

Он делает то же самое.

— Хочешь сказать, что это не ты?

Они внимательно осматриваются еще раз.

— Здесь кто-нибудь есть? Если есть, то вам лучше выйти, — кричит Стив.

Я прикрываю рот рукой. Я должна была догадаться, что они начнут что-то подозревать. Слышу их шаги, приближающиеся к аппаратной. Замечаю под пультом управления картонную коробку, вытаскиваю и ставлю ее перед собой. Стив распахивает дверь.

— Если здесь кто-то есть, то вы ведете себя очень странно.

Просто расслабься, хочется сказать мне ему. Позже ты будешь мне благодарен.

Он заходит в комнату и встает прямо перед пультом. Я даже чувствую запах резины от его туфель.

— Это какая-то злая шутка? — говорит он в никуда, хотя, полагаю, Стив говорит со мной.

— Стив, — говорит Хаксли. — Иди сюда.

Он идет в студию, а я возвращаюсь на свой наблюдательный пункт.

— Почему здесь стоит лавочка?

— Стив, — мягко смеется Хаксли. Она вытаскивает из кармана бутылочку с ополаскивателем полости для рта и записку, Стив делает то же самое.

— Лавочка, ополаскиватель для рта, «Bittersweet Symphony», — говорит она.

Его глаза округляются, когда он понимает, что она имеет в виду.

— Как на вечеринке Трэвиса Вебера.

— Наш первый поцелуй.

— Я так нервничал.

— Я больше. У меня даже зубы стучали.

— Я думал, что ты замерзла, поэтому отдал свою куртку. — Стив берет куртку, которую я предусмотрительно положила на лавочку, и накидывает на плечи Хаксли.

— Кто все это организовал? — спрашивает она, садясь на скамейку. Их колени соприкасаются.

— Тот, кто хочет, чтобы мы снова были вместе.

— А тебя можно отнести к этой категории?

Стив отодвигает колени подальше, тем самым разрушая этот момент.

— Хакс, зачем ты пыталась оплатить мое обучение в Вермилионе? Кто так делает?

Я вижу, как она напряжена, готовая защищаться.

— Тот, кому ты не безразличен. Я всего лишь пыталась помочь.

— Знаешь, как мне было стыдно? Да, моя семья не так богата, но...

— Ты никогда раньше не жаловался, когда ездил с нами отдыхать или получал рождественские подарки.

— Это совсем другое.

— Почему?

— Потому что я хочу учиться в Чандлере! — вырывается у него. — Я хочу играть в футбол. Я люблю футбол.

Хаксли глубоко вздыхает и смотрит на освещение.

— Я знаю.

— Но я также люблю и тебя.

Они пристально смотрят друг на друга, будто ведут безмолвный разговор. Их тела все ближе и ближе друг к другу. Удивительно, как быстро все вернулось на круги своя. Может, некоторые пары невозможно разлучить, как ни старайся.

— Я скучала, — говорит Хаксли. — Знаешь, это ведь первый раз, когда мы серьезно обо всем поговорили.

— Мне понравилось, — говорит он, убирая ее волосы за плечи. Мое сердце как будто делает сальто. Впервые я действительно верю в Хаксли и Стива.

— Что теперь? — спрашивает Хаксли. — Что мы будем делать?

— Мы что-нибудь придумаем.

А затем он наклоняется и целует ее.

Я кладу руки на единственный переключатель, предназначение которого мне известно. Он включает трансляцию записи с камеры на новенькие телевизоры, установленные во всех классах. Это доказательство того, что пара Стива и Хаксли крепка. Доказательство того, что я не совсем пропащий человек.

Но, все же, убираю руку и незаметно выскакиваю из зала. Даже самая популярная пара в школе заслуживает уединения.

39

На следующий день перед уроком по английской литературе, парту Хаксли окружила стайка девчонок, включая мисс Хардвик. Ну не будут же они настолько жестоки, чтобы обсуждать меня, верно? Все-таки мисс Хардвик учитель. Я, уткнувшись в книгу, начинаю подслушивать.

— Это было так романтично, — говорит Хаксли. — Он оставил записку в моем шкафчике, в которой написал: «Давай во всем разберемся. Встречаемся в телевизионной студии во время ланча». Когда я туда пришла, то просто поразилась, ведь он воссоздал сцену нашего первого поцелуя. И я... влюбилась в него еще больше.

Девушки начинают восхищаться, некоторые в умилении кладут головы на плечи друг друга. Помню, как раньше мне хотелось биться головой об парту, когда видела все эти фальшивые выступления Хаксли и Стива. А сейчас я сама поучаствовала в этом. У судьбы странное чувство юмора.

— Так Стив все еще собирается поступать в Чандлер? — спрашивает мисс Хардвик.

— Да, — отвечает Хаксли. Перешептывания девушек ни капли не беспокоят Хаксли. — Мы собираемся попробовать поддерживать отношения на расстоянии. Стив — замечательный спортсмен, и он должен выступать на поле.

— Техас не так уж и далеко, — произносит какая-то девчонка. — Если и есть пара, которая может с этим справиться, так это вы двое.

— Посмотрим. Если нам суждено быть вместе, то так оно и будет, — говорит Хаксли. В ее голосе спокойствие, она говорит так, как есть. — Но, думаю, у нас все получится.

— Время начинать урок, — говорит мисс Хардвик. — Все на свои места.

Толпа расходится и я, наконец, вижу Хаксли. Я пытаюсь встретиться с ней глазами, но она не смотрит в мою сторону, полностью сфокусировавшись на учителе. Не могу сказать, она просто делает вид или действительно не хочет меня видеть. Может, она думает, что все это время наша дружба была фальшивой. Полагаю, с ее точки зрения, так и есть. Надеюсь, что однажды после выпуска, когда цепи Ашлэнда с нас спадут, и они со Стивом будут планировать свою безупречную свадьбу, мы встретимся за чашкой кофе и посмеемся над всем этим.

Но пока я отворачиваюсь, чтобы не быть пойманной за тем, что откровенно на нее тарашусь.

***

В кафетерии все косо на меня поглядывают и перешептываются. Я никогда не была

объектом сплетен и чувствую сейчас себя, как клоун перед бесконечной, скучающей публикой. Им хочется большего. Хочется, чтобы история разрасталась, становилась все ужаснее и ужаснее. Надеюсь, этого не произойдет.

Я хватаю поднос, лишь для опоры, прохожу мимо всех этих пристальных взглядов и замечаю одно свободное место.

— Не против, если я здесь присяду?

Фред смотрит на меня, и я съеживаюсь. Но потом на его лице расплзается улыбка. Никогда не была так счастлива видеть эти ровные белые зубы. Он убирает стопку своих комиксов со стула.

— Спасибо, — говорю я.

— В конце недели мы выставим тебе счет, — говорит Фред.

Приятно, что хоть кто-то еще со мной шутит.

— Я сожалею о том, что сказала тебе тогда. Ты просто пытался помочь.

— Эй, я — фанат комиксов, у меня нет мускулов. Так что я привык к оскорблениям. К тому же, я предположил, что ты слишком глубоко в этом увязла, и был прав.

Ко мне возвращается аппетит. Все-таки в этой школе еще есть стоящие парни.

— Все устаканится, — говорит Фред. — Кто-нибудь из учениц напьется на выпускном, и твоя история станет просто воспоминанием.

— Мечты... мечты.

Терпеть этого не могу. Почему люди просто не могут обо всем забыть? Я не хочу видеть все эти взгляды, полные ненависти, до конца школы. Надеюсь, что все изменится до выпуска.

Внимание Фреда переключается на что-то позади меня. Я поворачиваюсь и вижу, устало бредущего и слегка помятого, Дерека. Он идет, почесывая щетину, а его одежда явно нуждается в глажке. Я отвожу взгляд. Он разбит, и это моя вина.

— Я сделала это с ним, — говорю с отвращением к самой себе.

— Нет, не ты.

— Шутишь?

— Нет, — говорит Фред. — Дерек не поступил в Принстон. Пока тебя не было, пришел отказ. — Фред доедает второй кусок пепперони. — Насколько я знаю, они предоставляют место только одному учащемуся от каждой школы. И Бетани повезло больше.

Конечно, так не должно быть, но вид жалкого Дерека, словно бальзам на душу.

— Тем не менее, я ужасный человек.

— Ну да, — говорит Фред.

Сама напросилась.

— Но не совсем, — заканчивает он, допивая свой спрайт.

— Именно так. Я разбиваю ни в чем неповинные пары.

— Почему тогда Дерек и Бари не вместе? Они точно знают, что это ты все подстроила. Но все равно порознь.

— Потому что... Я не знаю. — В чем-то он прав. Дерек проходит мимо столика Бари, никак не реагируя на бывшую подружку. Бари даже не делает вид, что ест. Она крутит трубочку в своей диетической коле, выглядя такой же хмурой, как и Дерек. Почему они не сидят вместе? Такие девушки обычно наслаждаются ситуациями, когда могут подставить свое плечо бывшим парням.

— Если они действительно любили друг друга, то почему все не прояснили? Как

Хаксли и Стив?

Золотая пара Ашлэнда снова заканчивает предложения друг за друга. Довольно странно наблюдать за их столиком сейчас, когда знаешь, что ничего интересного там не происходит. Одни и те же разговоры и скучные шуточки.

Теперь, когда я думаю о своих поступках, то понимаю, что это не мои методы были гениальными, а просто... если бы парам было предназначено быть вместе, то их отношения не разрушились бы из-за необоснованных смс или фальшивых свадебных папок.

Я чувствую, как неподъемный груз спадает с моих плеч. Я больше не считаю себя самым ужасным человеком в Ашлэнде. Я не разрушала любовь, а просто ускоряла неизбежное.

А потом я смотрю через несколько столиков на Калисту, которая сидит среди девушек, совершенно незаинтересованная в том, о чем они говорят. Она выглядит так же жалко, как и Бари.

— Ты не так уж и плоха, — говорит Фред.

Но и не хороша.

— Спасибо, — впервые за сегодня я улыбаюсь. Мои щеки болят из-за постоянного стоицизма.

— Вообще, ты довольно-таки классная, — Фред чешет бровь. — И я тут подумал, может, мы как-нибудь погуляем?

Я моментально теряю задумчивый вид и начинаю нервничать. Разговор принял совершенно другой оборот, и в моей голове сразу начинают крутиться миллион сценариев.

— Ты приглашаешь на свидание?

— Как один из вариантов, — улыбается Фред. Его глаза светятся.

— Меня?

Он кивает.

— Хорошо. — Я стараюсь выглядеть спокойной, несмотря на то, что руки и пальцы покалывает, словно я проспала на них всю ночь. Я встаю. — Возьму себе еще картошки фри. Что-то я снова проголодалась.

Улыбочка Фреда преследует меня до самой кассы. И тут меня по плечу хлопает Мелинда Янковски, впервые со времен средней школы вовлекая меня в разговор.

— Спасибо, — шепчет она.

— За что?

— За то, что расстроила отношения моей подруги Кэти в прошлом году. А я все думала, что так резко заставило Чарльза ее бросить. Но теперь-то я все знаю.

Я съеживаюсь, вспоминая, как представилась Кэти Дерриксон на форуме, обсуждающем мужскую импотенцию. Не самый лучший мой план, но он сработал.

— Пожалуйста? — говорю я. Даже не знала, что у меня есть фанаты.

— Он был таким придурком. Рассказывал Кэти о нас лживые истории, чтобы она перестала с нами дружить. Грязная свинья! Мы были на седьмом небе от счастья, когда они расстались, — говорит Мелинда. — Seriously, спасибо тебе.

Я подхожу к кассе и достаю два доллара.

— О-о, я заплачу. — Мелинда перегибается через меня и передает деньги кассиру.

— Спасибо, — говорю я ошарашено. Кассиру даже приходится напомнить мне взять еду. — Хотелось бы, чтобы все так думали.

— Ну, этого не будет, — говорит Мелинда, оплачивая свой заказ. Мы вместе

возвращаемся в зал. — И все-таки, некоторые тебя поддерживают.

Но среди них нет той, по кому я так скучаю, той, кто всегда меня поддерживал. В зале я высматриваю Вал и Эзра, сидящих за своим угловым столиком. Вероятно, они уже забыли о моем существовании. Вал замечает, что я таращусь на них, и я поспешно возвращаюсь к своим ботаникам. Неужели мы будем еще одними Бари и Калистой? Неужели все вот так закончится?

Я кидаю картошку на стол. Аппетит пропал.

Нет, не закончится.

Чувство определенности и надежды наполняет меня.

Нет.

Некоторым отношениям действительно изначально суждено быть разбитыми, но не всем.

— Что такое? — спрашивает Фред.

Я достаю свою помаду оттенка «Пламфул» и крашу губы.

— Мне нужно разбить еще одну пару.

40

Удивительно, почему «Звездный Круиз» еще никто не засудил за ложную рекламу. Это круиз по реке Гудзон — граница между Нью-Йорком и Нью-Джерси. Здесь нет звезд. Но, полагаю, «Туманный Круиз» звучит не так привлекательно.

Пассажиры поднимаются на борт. Большинство из них пожилые парочки, которые до сих пор надевают костюмы и вечерние платья. Я паркуюсь на улице, чтобы избежать очереди, ожидающих служащего, который припаркует их машины. У меня нет времени, да и я могу припарковать свою машину бесплатно. К тому же, нужно психологически настроиться. Я делаю дыхательные упражнения.

К счастью, я не одна. Сообщницы паркуются позади меня, и мы втроем направляемся к погрузочной платформе. Никогда не действовала подобным образом. Никогда не действовала открыто. Всегда только письма, смс, фотографии и слухи. Но на сей раз, я должна это сделать сама, открыто.

Вал сидит на скамейки одна, уткнувшись в телефон. На фоне круизного корабля, она выглядит совсем крохотной. На ней простое черное платье, сегодня никаких спортивных курток. Как только она видит нас, сразу встает.

— Бекка? Что ты тут делаешь? — спрашивает она.

Со мной Моника и Изабель — бывшие девушки Эзра, которых внезапно он решил оставить.

— Не возражаешь, если мы присоединимся к тебе? — спрашиваю я.

— Эзра паркуется. Он будет здесь в любую минуту, — предупреждающе говорит она, но я знаю, что Эзра не может причинить мне боль. Я не та, кого он ранит.

Вал держит перед собой сумочку, словно закрывается от нас. Никогда не видела ее такой суровой, готовой к битве. Я собираюсь с мужеством и продолжаю:

— Я почти покончила с работой специалиста по разрывам.

— Почти?

— Есть еще одна пара, которую я хочу разбить. Ты и Эзра.

— Прощай Бекка, — строго говорит Вал, но под этой маской я вижу настоящую Вал —

мою лучшую подругу, пытающуюся осознать, что происходит.

— Выслушай ее, — мягко говорит Моника. — Поверь мне. Жаль, что у меня в свое время не было подруги, которая бы сделала то же самое.

— Бекка, — говорит мне Вал. — Эзра сказал мне, что произошедшее между вами — просто глупая ошибка. Сказал, что его мир не был...

— ...полон, потому что он не мог разделить его с тобой, — заканчивает Изабель. — Да, это из «Джерри Магуайер».

— Для него все — большое кино. Но однажды оно заканчивается и зажигается свет, — говорит Моника. — Поверь мне. Если бы тебя никто не предупредил, если бы все казалось таким идеальным, пока неожиданно не закончилось в один момент, ты бы тоже облила его диетическим спрайтом.

— Бекка хочет, чтобы мы предостерегли тебя, Вал, — Изабель пытается утешительно погладить Вал по плечу, но та отходит от нее.

Она не может долго сохранять непроницаемое лицо и готова вот-вот разразиться слезами. Сейчас я чувствую себя еще более худшей подругой. Вал просто пытается получить удовольствие от сегодняшнего вечера.

— Мне так жаль, Вал.

— Зачем ты это делаешь? — пищит она.

— Потому что, если ты пойдешь с Эзра, то пожалеешь об этом. Возможно, не сегодня и даже не на следующей неделе, но, в конце концов, ты поймешь, все не так, как кажется.

— Что кажется?

— Что это любовь.

Вал вытирает слезы, готовые скатиться по щекам.

— Бекка Вильямсон говорит мне о любви?

— Да, должно быть наступил конец света, — говорю я. — Это как с сумочками. Ты ведь не станешь покупать подделку, даже если никто ничего и не заметит. Ты обязательно купишь только оригинал.

— Конечно.

— Тогда почему ты не принимаешь действительность? — Я тяжело дышу. Такое ощущение, что я сражаюсь за свою жизнь, хотя, наверное, так и есть. — Ведь ты заслуживаешь большего.

Вал садится, ее лицо застывает. Впервые за все время нашей дружбы, я не могу прочесть выражение ее лица. Я продолжаю:

— Люди всегда придумывают нелепые выражения о любви. «Любовь нельзя контролировать» или «им суждено быть вместе». Думаю, то же самое можно сказать и о дружбе, — я вытираю слезы, но они все текут и текут. — Не знаю, почему и как ты стала моей лучшей подругой, но я не могу представить кого-то еще на твоем месте. И даже если ты никогда больше не захочешь со мной разговаривать, я все равно хочу, чтобы ты была счастлива.

Тишину нарушают лишь удары волн о пристань. Я думаю о том, как мы миллионы раз спорили обо всем на свете и как я не хочу, чтобы наш последний разговор закончился подобным образом.

— Что здесь происходит? — позади нас стоит Эзра в блейзере, его волосы уложены гелем. По правде говоря, он определенно красив. Но помимо него, есть куча других привлекательных парней, и, надеюсь, большинство из них не такие подонки.

— Привет, бывший, — говорит Моника. — Мы просто болтаем с Вал.

— О сумочках, — добавляет Изабель.

— Извините нас, леди, — говорит он срывающимся голосом. Думаю, если ты бросаешь девушек по электронной почте, то не готов встретиться с ними лицом к лицу. Он берет руку Вал. — У нас свидание.

— Пять минут до отправления. Последнее приглашение на посадку! — кричит в громкоговоритель сотрудник «Звездного Круиза». Парочки поднимаются на борт.

Я показываю на круизный корабль. По всей палубе развешены китайские фонарики, пианист в зале играет классическую музыку.

— Это просто ужин на корабле, — говорю я.

— Это отличное свидание для моей девушки, — говорит Эзра и разворачивает Вал к себе. — Для девушки, которую я люблю.

— Ты меня любишь?

— Я люблю тебя, Валери Херст, — он гладит ее руку и улыбается.

Трудно не упасть в обморок, когда парень говорит тебе такое. Даже у меня чуть-чуть начинает кружиться голова от этих слов. Когда ты слышишь нечто подобное... то складывается такое ощущение, что тебя выбрали из толпы народа. Это было его секретное оружие, и он им воспользовался. Поэтому я не могу винить Вал, когда она следует за ним на борт.

Мне необходимо сесть. Изабель и Моника пытаются меня утешить, но ничего не помогает. Будто вместо сердца — дыра. Меня бросила лучшая подруга. Снова. Заслуженно. Но я не просто теряю человека. Я теряю все наши воспоминания, целую жизнь. Ведь воспоминания нужны для того, чтобы ими делиться. А хуже всего то...

— Эй.

Я медленно поднимаю взгляд, потому что узнаю этот голос.

Передо мной стоит Вал.

— Вал? — Перевожу взгляд на корабль. Эзра бежит к задней палубе и неистово машет руками.

— Вал! Вал, что ты творишь? — кричит он. Он хватает члена экипажа и указывает на берег и свою девушку, вероятно, упрашивая их вернуться на пристань. Они же тащат его в зал-ресторан.

Изабель записывает его вопли на телефон.

— Просто замечательно.

У меня нет слов. Вал с непреклонным видом смотрит на корабль, который становится все меньше, удаляясь вниз по Гудзону.

— Не хочешь перекусить? — спрашивает она. Я замечаю, как на лице Вал зарождается ее фирменная улыбка. — Мои планы на ужин провалились.

Эпилог

Тридцать минут спустя

Я везу нас в небольшой ресторанчик «Королева Елизавета». Не знаю, почему его так называли, но сомневаюсь, что она когда-либо посещала Нью-Джерси, да и вообще, стала бы есть что-либо из предлагаемого меню. На входе нас приветствуют автомат для покупки сигарет и вращающаяся витрина со слоеными пирожными. Я предпочту этот ресторан

«Окнам на воде» и «Звездному Крузизу» в любой день недели.

Вал направляется к кабинке, а я иду в туалет. В уборной на полу и стенах розовая плитка. Я проверяю свой макияж и вдруг вижу, что позади меня из кабинки выходит Бари. Моя помада оттенка «Пламфул» выпадает из рук.

Она моет руки в соседней раковине, предварительно кинув на меня убийственный взгляд.

— Тебе что, не нужно сегодня рушить чьи-то жизни?

— Больше нет. — Я пытаюсь не реагировать на ее агрессивный тон, но она продолжает:

— Благодаря тебе я провожу пятничный вечер, ужиная с родителями. — Она стряхивает с рук воду. — Не могу поверить, что моя жизнь так изменилась.

— Я сожалею, — но если подумать, то это не так. Больше не так. Мне надоело, что меня считают плохой.

— А знаешь, почему я это сделала? — спрашиваю я. И мне наплевать, кто нас слышит, я достаточно натерпелась унижений. — Потому что никогда не забуду выражение лица Калисты, когда она обратилась ко мне за помощью. Она не была зла. Она была опустошена.

— Опустошена?

— Ты заставила ее чувствовать себя пустым местом.

Лицо Бари смягчается и она расслабляется.

— Правда?

Я цитирую ее:

— *Ты просто не понимаешь, потому что ты одна.*

Холодное поведение Бари испаряется.

— Иногда мы принимаем друзей как должное, — говорю я.

Бари опирается на стену, опускается на корточки и кладет подбородок на колени, совсем как Калиста. Я тихонько выдыхаю.

— Позвони ей, — говорю я Бари. — Она скучает по своей подруге.

— Правда? Она так сказала?

— Да. — Ну чего стоит еще одна маленькая ложь?

— Дерек не так уж и сильно мне нравился. Он такой напыщенный и любит все контролировать, — говорит Бари.

Так и хочется ей сказать, что он тоже не особо был в нее влюблен.

— Он не такой, как Джей, — говорит она.

— Какой еще Джей, — спрашиваю я. Вылавливаю упавшую помаду из раковины и подкрашиваю губы. (И не смотрите на меня так. Я ее сполоснула).

— Уолперт. Он такой горячий. Но не думаю, что я ему нравлюсь.

Джей Уолперт... Я пытаюсь вспомнить кто это.

— Он случайно не огромный фанат «Бруклин Нетс»? — Джей сидел за мной на втором году обучения на биологии. И единственное, о чем он говорил — это баскетбол. Такое ощущение, что у нас был собственный спортивный канал ESPN. То немного, что я знаю о спорте, я слышала от него.

— Да, он очень увлекается спортом.

— Насколько я помню, скоро решающие матчи плей-офф NBA. Тебе просто нужно поболтать с ним об этом.

— Ну не знаю. Не могу же я заговорить с ним ни с того ни с сего.

— Парням нравится, когда девушки интересуются спортом. Это типа их фишка.

— Я не могу просто подойти к нему и завести беседу о защитниках. — Бари поднимается и смотрится в зеркало. Ее волосы двухцветные: верхушка светлая, а кончики темные. — Мне действительно нужно что-то с этим делать.

По крайней мере, она это понимает.

— Он с друзьями постоянно смотрит трансляции матчей в гриль-баре «Гидрант», потому что бармен не требует оплаты. — В моей голове формируется план. Детали прорисовываются без каких-либо усилий. Это — привычка, как у людей, которые не могут перестать подпевать радио. — Скорее всего, они пойдут туда смотреть решающие матчи.

— Так может и мне стоит? — Ее лицо сияет от возбуждения, и я не могу поверить, что это та же девушка, которая минуту назад мечтала схватить меня за волосы и ударить головой об раковину.

— Нет, нет, нет. Это будет слишком очевидно. Тебе нужно подготовить почву. Сначала поболтай с Джемом о баскетболе, потом сделай так, чтобы он сам пригласил тебя посмотреть матч.

Я пристально смотрю в зеркало на нас с Бари. Я не уверена, во что ввязываюсь, но мне это нравится.

— Как думаешь, ты могла бы мне в этом помочь? — спрашивает Бари.

— Сто долларов на мой счет пейпел, и я твоя.

Она злобно смотрит на меня.

— Ну, хорошо. Пусть будет бесплатно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Конец.

Notes

[

←1

]

PayPal — оператор электронных денежных средств. Позволяет клиентам оплачивать счета и покупки, отправлять и принимать денежные переводы.

[

←2

]

УПЧВОМ — уровень проявления чувств в общественных местах

[

←3

]

Кул-Эйд (анг. Kool-Aid) — это безалкогольный напиток, очень популярен в США. Продается в виде порошка, который нужно растворить в воде и добавить по вкусу сахара.

[

←4

]

Бар-мицва — обряд посвящения во взрослую жизнь в иудаизме.

[

←5

]

Морские котики — основное тактическое подразделение ВМС США. Предназначен для ведения разведки, проведения специальных и диверсионных мероприятий, поисково-спасательных операций и выполнения других задач, стоящих перед ССО.

[

←6

]

US Weekly — еженедельный журнал, издающийся в США

[

←7

]

Potterybarn.com (Потери Барн) — американский интернет-магазин, предоставляющий эксклюзивную мебель, декор и аксессуары для дома.

[

←8

]

Свиловать — тереть лед щеткой для того, чтобы увеличить скорость или изменить траекторию камня.